

Виктория Борисова Поезд следует в ад

Семерым людям, незнакомым друг с другом, не помешало бы какое-то количество счастья, и они решились набрать указанный в газетном объявлении номер телефона и заглянуть в тихий офис по несуществующему адресу, где хозяйничал элегантный господин... Каждому из визитеров он сделал предложение, от которого никто из пришедших отказаться не смог, и каждый заплатил требуемую цену. Оказавшись вместе, они осознали, какая роль предназначена им в дьявольском плане и какая их ждет участь. Стоит ли рискнуть и побороться с могущественными силами зла? Это зависит от того, какую цену на этот раз готов заплатить каждый в судьбоносной битве...

Пролог

Москва, год 1998-й

«Вчера, 12 сентября, в двенадцать часов дня на Курском направлении Московской железной дороги близ станции Весенняя произошло крушение электропоезда следующего по маршруту Москва — Тула. Один вагон сошел с рельсов и упал с железнодорожной насыпи, два человека погибли. Причины трагедии выясняются. В настоящее время на месте аварии работает специальная комиссия МГТС и сотрудники транспортной милиции. Окончательные итоги расследования и организационные выводы будут оглашены на предстоящей 2 октября коллегии МПС РФ».

Заметка эта, опубликованная в самом низу газетной полосы под рубрикой «Срочно в номер», большого ажиотажа не вызвала. Ну, бывает, все под Богом ходим. Никакой сенсации — ни тебе политики, ни криминала, ни даже вопиющего факта извечного российского разгильдяйства.

Комиссия потом установила, что машинист был трезв как стекло, никуда из кабины не отлучался, а все механизмы и оборудование вполне исправны, что само по себе редкость. Специалисты только руками разводили — слишком уж похоже, будто поезд натолкнулся на какое-то препятствие, однако при самом внимательном осмотре на путях никаких

посторонних предметов обнаружено не было.

Происшествие скоро забылось. Только вот машинист Пантюхов, что управлял поездом в тот день, трезвый, положительный и серьезный, проработавший на своем месте почти двадцать лет, вдруг запил по-черному, а потом и вовсе уволился из депо. До самой смерти он так никому и не решился рассказать о том, *что* увидел перед самым носом сквозь лобовое стекло за миг до того, как раздался грохот и скрежет металла.

Судьбой пассажиров злополучного вагона тоже никто не интересовался, тем более что общаться с журналистами они отказались категорически, а на вопросы врачей и милиции отвечали предельно кратко: не слышал, не видел, не помню, очнулся — гипс. Не хотели они говорить, ох не хотели... Отчасти понятно, конечно, кому понравится, когда еще от шока не отошел, а тебе в душу лезут?

Только на самом деле совсем не в этом была причина упорного молчания пятерых чудом оставшихся в живых пассажиров. Слишком уж страшные, таинственные и необычайные события свели их вместе в тот роковой день.

А началось все и просто, и странно — с газетного объявления...

Глава 1 РЕКЛАМА — ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Москва, 10 сентября 1998 года

Юная длинноногая блондинка ослепительной красоты, совершенно голая, обольстительно улыбнулась и медленно облизала губы маленьким, острым, розовым язычком.

— Иди ко мне, дорогой, — сказала она, будто пробуя каждое слово на вкус, — иди скорее, я так хочу тебя...

Ее грудной, волнующий голос обещал так много! Андрей почувствовал, что все его мужское естество восстало, как черная Африка против колониализма. Девушка откинула за спину густые, длинные золотистые волосы, будто не замечая, что так ее пышная грудь выглядит еще соблазнительнее, обняла Андрея за шею и притянула к себе...

— Андрюша... Андрюша! Вставай скорее, завтрак стынет, — вдруг сказала она совсем другим голосом, надтреснутым и усталым.

Андрей Бочков так и не понял, при чем тут завтрак. Ах ты, черт, такой сон не дали досмотреть! Он открыл глаза и обнаружил, что лежит на старенькой, продавленной софе в своей комнате, а мама трясет его за плечо.

— Вставай, поешь, пока я на работу не ушла.

— Ма, ну отстань ты, я спать хочу!

Бог ты мой, как же мать достала его в последнее время своими заботами и нравоучениями! Вот и сейчас будет накладывать ему яичницу и смотреть на него жалкими, просящими глазами. Ну ее, лучше пока не подниматься. Лучше поспать еще немного, может, удастся досмотреть сон...

— Ты иди, ма, я потом!

— Ну, как хочешь. — Мать поджала губы. Обиделась, значит. Ну, и х... с ней. Лишь бы в покое оставила.

Прежде чем снова провалиться в дремоту, Андрей услышал удаляющееся шарканье тапочек по линолеуму в коридоре. Он уже стал медленно соскальзывать в забытие, пытаясь в мельчайших подробностях вспомнить, воссоздать свой чудесный сон, когда...

Тьфу ты черт, ну нет человеку покоя в этой жизни! Только задремал — снова стук в дверь.

— Андрюша... Я тебе тут газету принесла, «Из рук в руки»... Ты хоть попробуй, позвони куда-нибудь. Столько объявлений, и вроде бы хорошие места есть. Может, пристроишься на работу наконец-то.

— Ну позвоню, ма, позвоню, отстань только! Я же тебе сказал — спать хочу!

Эх, мама, мама, святая простота! Терпение и труд все перетрут. Без труда не вынешь рыбку из пруда. Ну что дало ей ее высшее образование? Мужика нет и не было никогда (по крайней мере, сколько он себя помнит), денег тоже всегда было в обрез, а теперь еще и с работы уволили, приходится вертеться по-всякому. Ей нет и пятидесяти, а уже совсем старухой стала.

Андрей, конечно, не хотел бы даже самому себе признаться, что и он сыграл в этом не последнюю роль.

В школе Андрей успехами не блистал. С трудом закончил восемь классов, потом — ПТУ по специальности «оператор станков с числовым программным управлением». Сразу же ушел в армию, прослужил три года во флоте, а когда вернулся, оказалось, что станки с ЧПУ давно уже никому не нужны, а их операторы — тем более.

Для того чтобы учиться и осваивать новую профессию, Андрей был слишком ленив, да и особых способностей не имел; примкнуть к бандитской группировке, как многие его сверстники, не хотел, а правду сказать — боялся. И вообще планы на будущее у него были в высшей степени неопределенные. Когда-нибудь, когда ему, наконец, повезет, он еще покажет всем... Что именно покажет Андрей не задумывался, а пока слонялся в ожидании лучших времен, которые уже никогда не настанут. Время от времени Андрей перебивался случайными заработками, подрабатывая то грузчиком, то дворником, то сторожем, но почему-то получалось так, что отовсюду его выгоняли с большим скандалом. Он пока еще не алкоголик, но пьет намного больше, чем следует. Ему только двадцать пять лет, но во всем его облике, слишком поношенной одежде, фигуре, походке, а главное, в глазах уже появилось нечто, сигнализирующее всякому мало-мальски опытному собеседнику: «Внимание! Я — конченный человек!»

Хлопнула входная дверь. Значит, мать наконец-то ушла на работу. Андрей знал, что сейчас она пойдет торговать газетами с лотка в ближайшем универсаме, переделанном в супермаркет, а потом побежит на другую работу — мыть полы в кафе «Золушка». Домой она придет часам к десяти и примется говорить о том, что заведующая опять к ней придиралась, а в мужском туалете кто-то снова наблевал на пол. Закончив рассказ, будет долго вздыхать и мазать вонючей мазью ноги, исчерченные синими варикозными венами в палец толщиной.

Тоска!

Андрей наконец проснулся окончательно. Убедившись, что досмотреть чудесный сон уже не удастся, он встал с кровати и прошлепал босыми ногами на кухню. Так и есть — яичница уже остыла, да к тому же и пригорелая.

Лениво ковыряя вилкой в тарелке и прихлебывая остывший чай, он погрузился в невеселые мысли. Ну что же это такое! Все вокруг живут припеваючи, бешеные бабки гребут, особо не напрягаясь. Все к их услугам — кабаки, шмотки, шикарные девочки, крутые тачки. Вон сколько новеньких иномарок по Москве бегают! Почему же одним — все, а другим ничего?

Еще и газета дурацкая валяется на полу! Андрей поднял ее и стал лениво перелистывать. Ну что там в разделе «требуется»? Автослесарь со стажем работы, главный бухгалтер, юрист — это все мимо. «Работа для молодых и энергичных» — тоже. Это только звучит красиво, а на деле — ноги в руки и марш торговать всякой хренотенью на улицу, в электричку или в метро. Кладовщик? Мужчина предпенсионного возраста без вредных привычек. Пожалуй, при такой жизни и до пенсии не доживешь.

Кто там еще? Электрики, сантехники, медсестра в стоматологии... Все мимо, мимо и мимо. И вообще, кто же возьмет человека с улицы на хорошее место? А тут еще и кризис... Что такое кризис, Андрей представлял себе довольно смутно, но если уж доллар скакнул за месяц почти в три раза, тут и ежу ясно — хорошего не жди.

Андрей продолжал лениво и бесцельно перелистывать шуршащие страницы, когда его взгляд наткнулся вдруг на совсем уж странное объявление: «Предлагаю всем желающим СЧАСТЬЕ, оптом и в розницу. Телефон 666-13-15».

А что, прикольно! Андрей нашарил тапочки, шелестя газетой, прошел в прихожую и принялся набирать номер. Почему-то диск на старом аппарате, сработанном гражданами трудолюбивой Чехословакии еще в начале восьмидесятых годов, отвечал ему таким сопротивлением, что Андрей чуть не бросил эту затею. Вот ведь рухлядь-то, а? Мать никак не соберется новый купить, все жмотится.

Наконец, послышались длинные гудки. Один, другой, третий... Они там померли все, что ли? Потом в трубке что-то щелкнуло, и приятный девичий голосок на автоответчике профессионально-жизнерадостно прощебетал:

— Добрый день! Вы позвонили в компанию «Счастье трейдинг энд компани». По всем интересующим вопросам вас готов лично проконсультировать коммерческий директор господин Шарль де Виль. В любое время мы будем рады видеть вас по адресу: Пыхов переулок, 14, второй подъезд, вход со двора.

Ни фи-ига себе! Андрей так и застыл с трубкой в руке. Пацанам рассказать — обхохочутся. И где это — Пыхов переулок?

С самого утра зарядил противный нескончаемый дождь. В воздухе пахло прелой листвой и автомобильными выхлопами. Пенсионер Вилен Сидорович Поликарпов бодро шаркал к метро за свежим номером газеты «Завтра».

Не сказать, чтобы он был пламенным и убежденным коммунистом. К советской власти он относился примерно как старый еврей к своей жене — немножко любил, немножко боялся, иногда обманывал, но, в общем, другой не хотел. Иногда, подвыпив в компании, позволял себе даже возмутиться, что в магазинах очереди большие, или шепотом рассказать анекдот про Брежнева.

Всю свою жизнь Вилен Сидорович проработал мастером на большом машиностроительном заводе. Получал профсоюзные путевки, выпивал по субботам, прятал заначку от жены и азартно матюкался с рабочими — словом, жил как все. И, несмотря на мелкие недостатки, эта жизнь была достойной и правильной, а главное — понятной. Право на труд, право на отдых, бесплатная медицина, образование... Куда все девалось, когда к власти пришли эти дерьмократы? Завод встал, кто помоложе — разбежались по-быстрому. Одни — на рынок торговать, другие — в бандиты. А старикам куда? Одна дорога — на пенсию, и хорошо еще, что года вышли и стаж есть, а то хоть руку горсточкой протягивай. И пенсия, годами труда заработанная, — слезы одни, еле на еду хватает. А главное — ни почета, ни уважения рабочему человеку.

Сталина на них нет.

Многие пожилые люди, оказавшись лицом к лицу с нищей старостью и напрасно прожитой жизнью, испытывают подобные чувства. Старушки — те еще приспособляются, варят варенье, вяжут носки, нянчат внуков и копаются на дачных участках. А старикам куда? Только на митинги ходить. Некоторые находят утешение в семье. Вилен Сидорович иногда завидовал своим сверстникам, что терпеливо дожидаются на скамеечках, пока внуки осваивают фигурное катание или английский язык, но тут ему тоже не повезло — жена умерла несколько лет назад, а детей Бог не дал. И теперь Вилен Сидорович коротал время в компании старенького телевизора «Рекорд» и болонки Крошки. Наше дело старческое, день прошел — и слава богу... А вперед лучше не заглядывать.

Ведь что там, впереди? Крушение всего, ради чего он жил. Одинокая, нищая старость. Болезни. Гуманитарные подачки от бывших врагов-империалистов. И наконец, смерть.

За такими невеселыми мыслями Вилен Сидорович добрал до метро. Вот и знакомый ларек, где торгует Валя — соседка из второго подъезда. Тоже вот — инженер, с высшим образованием, а сидит за стеклом целый день, как рыба в аквариуме, журналы продает. Иногда такие попадаются, что смотреть совестно.

Эх, до чего страну довели!

День выдался неудачный. Газеты в продаже не оказалось. Вроде бы мелочь, но Вилен Сидорович почему-то расстроился еще больше, рассматривая глянцевые обложки с

заморскими пейзажами и полуголыми девками. Даже Вале стало жалко его.

— Завтра приходите, Вилен Сидорович! Или вон «Комсомолку» возьмите, тоже газета интересная.

Уходить с пустыми руками не хотелось — зря, что ли, шел в такую даль! И Вилен Сидорович, кряхтя, полез в карман за потертым кожаным кошельком. Он долго отсчитывал мелочь, а Валя смотрела на него, терпеливо и жалостно, без всякого раздражения. Когда он справился со счетом, она вдруг полезла и под прилавок.

— Вот, возьмите еще «Из рук в руки» в придачу. Со вчера тут завалилась.

Газета с объявлениями пенсионеру, конечно, без надобности, но раз дают — надо брать. Он сунул под мышку свернутые газеты и торопливо зашагал обратно.

Надо еще сегодня в поликлинику успеть.

Олег Сартанов сидел за столом у себя в офисе, лениво перелистывая газету. Только что секретарша Леночка принесла ее с лотка у метро, капризно кривя ярко накрашенные губки. Конечно, вслух она ничего не сказала (попробовала бы!), но на ее хорошеньком кукольном личике ясно читалось недовольство. Что-то вроде: «Я секретарь-референт со знанием английского языка, а не девочка на побегушках, чтобы меня за газетами посылать».

Да пусть ее. Все равно скоро нужно будет что-то решать. После кризиса бизнес идет все хуже и хуже, так что придется сворачиваться. Аренда за офис выплачена до конца месяца, а что будет дальше — покрыто мраком неизвестности.

Олег с грустью оглядел интерьер своего офиса, выдержанный в строгой и стильной черно-белой гамме. Вот и ремонт сделали совсем недавно, причем за свой счет, а теперь придется съезжать.

Но больше всего угнетало его не это. Олег чувствовал, что теряет дело, которому отдано было несколько лет. Игра на бирже приносила ему деньги, да, но вместе с тем — ни с чем не сравнимое удовольствие. Куда там казино и горные лыжи! Когда удавалось провернуть особенно удачную сделку или правильно угадать направление тренда, Олег чувствовал, что по-настоящему живет. Деньги как таковые его не особенно интересовали, но волшебное чувство собственной силы и значимости, сумма предвидения, расчета и удачи наполняли жизнь смыслом, придавали ей особенный, острый вкус и запах.

И вот теперь все рухнуло. Конечно, Олег понимал, что когда-нибудь пройдет и это, но все равно было обидно. В самом деле, какой смысл вести тонкую и выверенную шахматную игру, когда в любой момент кто-то грубый и всесильный может легким движением сбросить фигуры с доски, да еще запустить этой доской тебе в голову. «Никакой девальвации не будет!» А на следующий день — дефолт.

И что теперь делать — неизвестно.

Олег привык работать и не мыслил себя вне бизнеса. Но его сбережения на счете в Инкомбанке уже канули в неизвестность, а кредитную карточку можно было использовать разве что как брелок для ключей. Что ж, переживем и это. Как там говорил Черчилль? «Успех — это продвижение от одной неудачи к другой с нарастающим энтузиазмом». Так что теперь придется временно свернуть дела, сократить расходы и посмотреть, что будет дальше. Олег потянулся в кресле, отхлебнул остывающий кофе из любимой кружки с надписью «Лучше пузо от пива, чем горб от работы» и снова погрузился в изучение объявлений о купле-продаже.

А новости не радовали. Всего полгода назад он покупал свой «форд-таурус» за 15 тысяч долларов, а теперь больше семи за него не возьмешь. Так что реализацию активов придется отложить — уж больно невыгодный момент. Благо, что некоторую часть заработанных средств он заблаговременно успел перевести в офшорные компании.

Жаль только, что не все.

Ладно, прорвемся. Олег уже механически перелистывал газетные страницы, когда вдруг наткнулся взглядом на весьма странное объявление. Рука почему-то дрогнула, и кофе пролился на рубашку. Сердце замерло на мгновение, а потом глухо стукнуло, отдаваясь

несильной, но противной болью под левой лопаткой. Наде же, глупость какая! Счастье оптом и в розницу! Наверное, какой-то сумасшедший. И номер телефона очень странный. Олег никогда не встречал подобных. Это где ж такая АТС в Москве?

А что, даже забавно. Олегу вдруг стало очень любопытно — кто же мог дать такое объявление? Торговая фирма? Религиозное объединение? Клуб по интересам? Или... Что-то другое?

Олег одернул себя — ну как не стыдно! Взрослый человек, и вдруг так запал на дурацкое объявление. Наверняка это какая-нибудь «сауна люкс» с девочками так смешно рекламирует свои услуги. Интересно, кто у них там на телефоне сидит?

Проще выяснить, чем гадать. Олег потянулся к телефону и набрал номер. Но руки у него почему-то дрожали, и некая часть его сознания, то, что он привык называть «внутренним инсайдом», упорно нашептывала ему, что это не смешно и не забавно. Совсем не забавно.

Игорь Ткаченко, мужчина средних лет, среднего роста и до такой степени лишенный особых примет, что это само по себе могло бы быть особой приметой, тоже просматривал «Из рук в руки». Смотрел он очень внимательно, хотя работу не искал, ни продавать, ни покупать ничего не хотел и знакомиться ни с кем не собирался.

Игорь снимал комнату у одинокой пенсионерки Зинаиды Павловны, и та просто нахвалиться не могла на своего жильца — тихий, трезвый, женщин не водит, разговаривает вежливо... Правда, документов его она не видела, но и не настаивала особо — сразу видно, что мужчина положительный. И платит хорошо, дай бог здоровья, а то ведь как прожить на одну пенсию! Время от времени он исчезал на несколько дней. Хозяйке объяснил, что по работе часто приходится ездить в командировки. Она, конечно, согласно кивала, хотя и удивлялась в глубине души — что это за работа такая? Человек то целыми днями дома сидит, то вдруг срывается неизвестно куда, хоть днем, хоть ночью. Вот раньше хорошо было, все ясно. Утром ушел — вечером пришел, пятого аванс, двадцатого получка... А эти современные — кто их разберет? Лучше и не вникать, меньше знаешь — крепче спишь.

И правильно. К своему счастью, добрая старушка только потом, много позже узнала, что ее положительный и трезвый жилец, который вежливо здоровался с ней на кухне по утрам и никогда не отказывал в маленьких просьбах — ну, там, за хлебом сходить или в аптеку, — уже лет пять числится в федеральном розыске как особо опасный преступник, совершивший побег из следственного изолятора.

А ведь как все хорошо начиналось! Лет двадцать назад Игорь Ткаченко, спортсмен, отличник, секретарь комсомольской организации, считался гордостью школы. И среди ребят он пользовался большим авторитетом, потому что не был ни зубрилой, ни стукачом, просто учеба легко ему давалась. К тому же Игорь охотно помогал одноклассникам на контрольных по математике и всегда мог под видом какого-нибудь комсомольского мероприятия «солидарности с борющимся народом Гванделупы» устроить в школе дискотеку с полузапрещенными «Роллинг Стоунз». Никто не сомневался, что после школы Игорь благополучно поступит в институт и двинется дальше по проторенной дорожке — научная работа или карьера по общественной линии.

Не вышло. В тот год конкурс в Политехнический был высокий, к тому же подоспел целевой набор для абитуриентов из национальных республик. Игорь не добрал двух баллов на экзаменах, а подать документы в другой институт, попроще — не успел. А уж дальше пошло-поехало, Министерство обороны своего не упустит. Исполнилось восемнадцать — и все, левой-правой. Повестка из военкомата, бритая голова, марш «Прощание славянки» на вокзале... Мамы смахивают слезу, отцы играют желваками: «Служи честно, сынок...» Игорь не успел опомниться, когда оказался в чужой, раскаленной солнцем, а главное — *ненавидящей* стране, на войне, где нет линии фронта, где стреляют из-за угла, где каждый камень таит опасность и земля горит под ногами. Он и сейчас не любит вспоминать, как они, ошалевшие юнцы, ходили в атаку, накурившись анашой, как пили водку потом, как давили

БТРами глинобитные мазанки и отправляли на родину проклятый «груз 200».

Это уже потом, много позже про эту войну напишут книги и поставят фильмы, и на эстраду будут выходить певцы в камуфляже и крапчатых беретах, а тогда этой войны вроде как бы и не было.

Дальше было ранение, военный госпиталь в Подольске и дворик с чахлой зеленью, куда выползали погреться на солнышке двадцатилетние ветераны. А потом? Инвалидность третьей группы и копеечная пенсия, подачка от государства. Он навсегда запомнил толстую тетку в собесе, куда приковывался однажды, опираясь на палку и стиснув зубы от боли. Кривая слишком ярко накрашенные губы и поправляя вытравленные до соломенной желтизны волосы, она двумя пальцами взяла документы и презрительно процедила сквозь зубы:

— Афганистан? Ну и что? Я сама, между прочим, в Бирме работала. И вообще, я вас туда не посылала! Не мешайте работать, молодой человек!

С тех пор он зарекся просить помощи и выживал сам, как умел.

И не он один. Мало кто из афганских ветеранов сумел притереться к мирной жизни. Потому что не было у них ни профессии, ни семьи, ни четких целей. Ну, не на завод же идти! Только фронтовое братство да огромная, всепоглощающая ненависть.

А еще — умение убивать и презрение как к чужой, так и к собственной жизни. Чего там? Однова живем!

Сначала ничего, весело было. Шустрые пацаны подсустились быстро и принялись крышевать коммерческие структуры. Поначалу все это казалось просто игрой — яркой и увлекательной. А дальше были кровавые разборки, арест, побег из тюрьмы... И предложение, от которого нельзя отказаться.

Утром Игорь сходил к ларьку за газетой и теперь, сидя на старой железной кровати с провисающей сеткой, прихлебывал крепкий сладкий чай и перелистывал шуршащие страницы.

Увидев в рубрике «Знакомства» объявление следующего содержания: «Уродливая старая дева желает познакомиться с состоятельным и щедрым господином», он должен был срочно отказаться от комнаты и расплатиться с хозяйкой. Потом — отзвониться по контактному телефону, сказать условленную фразу: «Спасибо, груз уже в пути» и выслушать дальнейшие инструкции для того, чтобы ликвидировать (он не любил слово «убить») человека, которого до этого видел только по телевизору.

В обществе давно уже бродят слухи о «Белом легионе». Эти слухи активно подогреваются средствами массовой информации и авторами бульварных романов. Сообщество бывших и действующих офицеров спецслужб, эдакое тайное братство, которое вершит собственный справедливый суд над бандитами... При ближайшем рассмотрении романтический ореол заметно тускнеет. Как и везде, здесь все упирается в деньги. Власти выгодно держать контору по устранению политиков, бизнесменов, журналистов и прочих граждан, по каким-то причинам ставших неудобными.

За пять лет своей деятельности Игорь устранил троих мужчин и одну женщину. Этот эпизод он особенно не любил вспоминать.

Искомое объявление он так и не нашел. Значит, пока еще не время. Умение терпеть и ждать было так же необходимо при его профессии, как вездливая внимательность для бухгалтера или чувство ритма для танцора.

Газету он теперь просматривал просто для развлечения. Каких только объявлений не дают люди! «Богини любви срочно приедут к вам в гости». И что с ней делать, с богиней-то? Молиться? «Верну мужа за один день. Любимый будет вечно лежать у ваших ног». А на фига он нужен, лежащий? «Продается скаковая лошадь самовывозом (Калужская область, дер. Толстопальцево)». Это значит, на ней скакать придется? Прямо из Калужской области?

Стоп-стоп-стоп. А это что такое? «Счастье оптом и в розницу». И телефон, которого наверняка не существует в природе. Что это? Код? Сигнал для кого-то, такой же, как «уродливая старая дева»? Интересненько получается, интересненько!

Игорь отложил газету. Почему-то ему вдруг стало грустно. Чужая комната, убогая и

тесная, заставленная всяким хламом, вдруг будто надвинулась на него, навалилась своими стенами. Он остро, всей кожей ощутил неизбежную, тупую и безнадежную, как смертельная болезнь, злобу на своих хозяев и благодетелей. Слова только говорят всякие, типа идейные очень, у самих одни деньги на уме. Жадные, как сволочи. Хоть бы квартиру дали снять нормальную вместо этой халабуды — так нет ведь! Зимой снега не выпросишь.

Сколько же можно жить вот так, между небом и землей? Игорь почувствовал, что устал быть инструментом, марионеткой в чужой игре. А куда денешься, если ты беглый и уже много лет в розыске? В тюрьму возвращаться — верная смерть, да и не доехать ему живым до тюрьмы, даже если и придет фантазия сдаться первому же постовому. Вот и выходит, что живешь только, пока нужен им, сволочам.

Сегодня жив — и слава богу, а что потом? Если ответить честно на этот вопрос — ничего хорошего. Годы к сороковнику подкатывают, а нет ни жилья, ни семьи, ни друзей, ни своего дела... И скорее всего, уже не будет никогда. Только вот работа эта проклятая, да еще куратор Сергей Степаныч, мать его за ногу!

Да и она, работа эта, скоро закончится. Ведь сколь веревочка ни вейся, а кончику быть. Скорее всего выполнив последнее задание, он вряд ли проживет долго. Чересчур часто мелькает на телеэкране толстая морда в которую ему предстоит всадить пулю в самые ближайшие дни. Что ж, грех жаловаться, ему и так везло, мало кто продержался столько времени.

На улице накрапывал дождь, но и в комнате бездействовать стало просто невыносимо. Слишком уж нехорошие, безнадежные мысли... Нужно было много размяться и отвлечься от них, а то так и свихнуться недолго. Игорь быстро натянул ботинки, подхватил куртку с вешалки, крикнул в кухню, где возилась хозяйка:

— Зинаид Пална, я часа через два буду, может купить чего?

Ну, не квартирант — просто сын родной!

День уже клонился к вечеру, когда Анна Райдель тяжело шаркая ногами, поднималась на третий этаж убогой панельной хрущобы. Она живет здесь почти восемь лет, но до сих пор не может привыкнуть к узким лестницам и низким потолкам. После роскошной родительской квартиры на Сивцевом Вражке эта дыра долго вызывала у нее слезы.

Она устала, запыхалась, и даже очки с толстыми «близорукими» стеклами совсем запотели. Боже как болят ноги! А ведь ей только тридцать два года, еще бы им не болеть — целый день приходится бегать по урокам. И хорошо еще, когда есть работа, скоро может не быть и этого — кризис... Родители двоих учеников сегодня предупредили, что со следующего месяца платить не смогут. Руки оттягивают две тяжеленные сумки. Все кругом бегают, как сумасшедшие, скупают продукты, делают запасы, как в войну. Говорят, скоро голод будет... Анна никогда не делала запасов, семью ей кормить не надо, но теперь, поддавшись общему настроению, зачем-то накупила муки, пшена, соли и тушенки. Эти сумки, да еще папка с нотами. Из сумки торчит газета — неделя кончается, пора снова дать бесплатное объявление.

А вот и знакомая дверь. Ключ дрожит в замке — руки устали. Один поворот, второй... Все, наконец-то она дома. Можно бросить сумки прямо у порога, скинуть туфли, упасть на жесткий коротковатый диванчик, вытянуть ноги и закрыть глаза. Разобрать покупки — это все потом, потом. Сейчас она слишком устала.

Она хотела только немного отдохнуть, но сама не заметила, как задремала. Ей приснилась маленькая девочка за роялем, сосредоточенно перебирающая ноты. Вот он, «Детский альбом» Чайковского, с потертой и чуть надорванной на уголке обложкой. Девочка устанавливает его перед собой, устраивается поудобнее на вертящемся стульчике, глубоко вздыхает, будто собираясь с мыслями... Потом опускает руки на клавиши и начинает играть.

Играет она хорошо, даже удивительно, как ее маленькие пухлые пальчики могут извлекать из инструмента столь гармоничные звуки. Она как будто вся уходит в музыку, ее глаза полужакрыты, она раскачивается всем телом в такт мелодии... Маленькая девочка,

глаза как вишни. Черные кудрявые волосы схвачены белыми бантами.

«Вот какой я была двадцать пять лет назад», — подумала Анна и проснулась. Она открыла глаза и почувствовала, что плачет — тихо и безнадежно. А тут еще и рука разболелась — напомнил о себе старый перелом. К дождю наверное, осень ведь. Анна привычным жестом потеряла ноющее запястье.

Она встала, отерла слезы с лица и пошла в ванную — умыться холодной водой. Завтра у нее уроки, неприлично являться с зареванной и опухшей физиономией. Мутноватое зеркало над раковиной бесстрастно отразило ее лицо — бледное, усталое, круги под глазами, привычно опущенные уголки губ, начинающиеся морщинки, нос-рубильник, спутанные тусклые волосы... Анна посмотрела на себя еще раз — и расплакалась снова.

Она не знала, сколько времени просидела так на краю ванны, плача под шум льющейся из крана воды. Ей казалось, что вся ее жизнь сейчас подошла к роковому пределу, за которым начинается небытие. Ведь что еще остается человеку, который каждый день тянет унылую лямку неизвестно зачем? А ведь она окончила консерваторию и подавала когда-то большие надежды, была у нее и заботливая семья, и талант, и любимое дело, и даже муж...

Только вот не надо об этом вспоминать. Анна давным-давно себе запретила. Очень больно это — вспоминать. Она потратила слишком много времени, чтобы забыть о красивом проходимце, который сломал ей жизнь.

А что осталось теперь? Одиночество. Вот эта конура в хрущобе, которая только по недоразумению называется двухкомнатной квартирой. Она оказалась здесь после долгого и унижительного размена жилплощади по решению суда, когда ей уже было все равно, куда ехать. Уроки музыки. Ученики, изводящие своей тупостью и деревянным слухом. «И раз, и два, и...» Порой она с трудом сдерживает раздражение.

Анна вздохнула, медленно встала и пошла на крохотную кухоньку разбирать сумки. Так, соль — в шкафчик, на верхнюю полочку, крупа — на нижнюю, консервы — в холодильник.

Ну, вот вроде и все. Остается только вырезать ножницами купон бесплатного объявления из газеты и аккуратно вывести черной ручкой: «Даю уроки игры на фортепиано. Недорого». Анна почти закончила, когда вдруг случилось маленькое происшествие, изменившее ю ее дальнейшую жизнь.

Сидя на табуретке у шаткого раскладного столика (зато можно убрать его, когда нужно!), она потянулась к шкатулке с нитками и иголками, стоящей на подоконнике, убрать ножницы на место. Анна повернулась всем корпусом и случайно задела выдвигающуюся ножку стола, на которой он, собственно, держался. Газетные страницы, шурша, веером рассыпались по полу, она принялась собирать их, аккуратно складывая стопочкой, и увидела то самое объявление. Счастье оптом и в розницу — вот чего так не хватало в жизни! Надо же, и как она раньше не догадалась! Скорее всего, это какая-нибудь служба психологической поддержки, вроде телефона доверия.

Анна села прямо на пол и засмеялась. Почему-то впервые за долгие годы ей вдруг стало легко. Ну в самом деле, почему бы не обратиться к специалисту за решением своих проблем? Услуги психолога, наверное, дорого стоят, но ведь спросить-то можно! К тому же некоторые работают и вовсе бесплатно... Так или иначе, а за спрос денег не берут.

Она встала, оправила помятую юбку и решительно пододвинула к себе телефон.

Ольга Новоторцева купила газету вечером, возвращаясь с работы. Измученная поездкой в забитом до отказа вагоне метро, она буквально «выпала» на свежий воздух и направилась к автобусной остановке. Теперь придется минут двадцать катиться в маршрутке и она дома. Да уж, добираться в час пик до Бирюлева — удовольствие маленькое.

Ольга остановилась возле бойкой тетки, торгующей газетами.

— «Из рук в руки» есть?

— Есть, есть, вам целиком или частями?

Ольга вздохнула и полезла пересчитывать скудную наличность в кошельке. Что ж, нет

денег — и это не деньги, как когда-то говорила мама.

— Давайте целиком.

Кое-как уместив в сумке толстый газетный сверток, Ольга встала в хвост длинной очереди на автобус. Постепенно смеркалось, похолодало, начал накрапывать мелкий противный осенний дождик, и она изрядно продрогла в тонком плаще. Внутри маршрутки отвратительно воняло бензином. Ольга кое-как примостилась на жестком неудобном сиденье, подобрав ноги под себя, откинулась на спинку и закрыла глаза. Наконец-то можно хоть немного расслабиться.

Сегодня на работе выдался на редкость тяжелый день. Маленькая фармацевтическая фирма, где Ольга последние три года трудилась вторым бухгалтером, после кризиса оказалась на грани краха. Утром директор Александр Николаевич собрал служащих у себя в кабинете и, глядя в пол, объявил, что за этот месяц зарплата будет выплачена, но всем предстоит искать себе новое место работы. Всем, кроме главбуха, завтра уже можно не приходить.

Вспомнив об этом, Ольга чуть не заплакала. Мало того, что зарплата — и прежде невеликая, но вполне позволяющая сводить концы с концами — в одночасье оказалась обесцененной в несколько раз, так еще и работу придется искать заново! А сделать это сейчас совсем не просто — кризис, кризис...

Погруженная в эти грустные мысли, Ольга чуть не проехала свою остановку. Машину сильно тряхнуло над каким-то ухабе, и это привело ее в чувство.

— Водитель! На Элеваторной улице остановите, пожалуйста! — спохватилась она.

— Девушка, вы что, спите, что ли? Написано же — об остановках предупреждайте заранее! — Водитель недовольно ворчал, высаживая ее, но Ольга не слушала. Зацепившись каблук за высокую ступеньку, она неловко вылезла из машины и зашагала к дому.

Вот и дом — блочная девятиэтажка, длинная и зеленая, как гусеница. Как всегда, у подъезда под козырьком тусуются местные алкоголики, да сидит на лавочке сумасшедшая баба Маня — огромная, седая, безобразная старуха с палкой. Завидев кого-нибудь, кто ей не нравится, она начинает стучать палкой по асфальту и кричать вслед матерные гадости. Ольга каждый раз съеживается, когда приходится проходить мимо отвратительной старухи, и старается проскочить побыстрее.

Вот она и дома. Ольга, как всегда, с трудом подавила желание крикнуть с порога: «Мамуля, я пришла!» С тех пор как мама умерла, прошло уже восемь месяцев, но так трудно привыкнуть, что дома тебя никто не ждет!

Она сняла туфли и аккуратно поставила их на коврик у порога, пристроила на вешалке изрядно промокший плащ, сунула ноги в уютные домашние тапочки и пошла на кухню — ставить чайник. Макнула в любимую кружку с собачками пакетик чая «Бодрость». Мама, конечно, такого не позволяла, она признавала только настоящий чай, заваренный по всем правилам, но сейчас просто не хочется возиться. Да и к чему заваривать целый чайник для себя одной?

Ольга уселась за столом, помешивая сахар ложечкой, и развернула газету. Она чувствовала себя немного смущенной, будто делает нечто неприличное и недозволенное, и уверяла сама себя, что всего лишь хочет продать старую швейную машинку «Чайка» Подольского завода с ножным приводом.

Но... Дело было совершенно не в этом.

Позавчера Ольга отпраздновала тридцатилетие. Никогда еще у нее не было такого грустного дня рождения. Раньше всегда собирались подруги, резали торт, пили чай, приносили немудрящие подарки... Но это было давно, еще до того, как заболела мама. С тех пор как у нее случился инсульт, собирать компании стало как-то неудобно — в доме больной человек. Но даже оставаясь вдвоем, они всегда устраивали себе маленький праздник.

Ольга росла ответственной и порядочной девочкой — одинокая мама-библиотекарша воспитала ее в строгих принципах, с многочисленными примерами из жизни великих людей и героев классической литературы.

Она и сама любила читать. Там, в книгах, был удивительный мир, где жили, боролись, любили и умирали настоящие герои — красивые, гордые люди. Окружающая действительность была намного скучнее прозаичнее. Ровесники и одноклассники вовсе не походили на капитана Грея или Смока Белью и в сравнении с ними выглядели куда как бледно. Подружки уже не пропускали ни одной дискотеки и вовсю бегали на свидания, но Ольга не хотела размениваться по мелочам. С самого детства она ждала чего-то необыкновенного и прекрасного, что — она точно знала — обязательно должно было с ней произойти.

После школы она легко поступила в институт. Не потому, что так уж сильно интересовалась химическим машиностроением, просто надо было куда-то поступить, а конкурс в технические вузы был совсем не велик. Как говаривал завкафедрой высшей математики, «скоро мы студентов на улице будем отлавливать, как бродячих собак». Но мама настаивала: необходимо высшее образование! И Ольга покорно училась. Она была вполне успевающей студенткой — молчаливой, аккуратной, всегда приветливой и спокойной. Она чуралась студенческих компаний и бурных, скоропалительных романов — все это не имело никакого отношения к ее мечтам.

Оля ждала настоящей любви. Ждала, сохраняя невинность души и тела.

Она окончила институт в самом начале девяностых, когда рухнула система, которая долгие годы казалась незыблемой, а бывшие советские граждане принялись массово менять гражданство, профессию, сексуальную ориентацию и партийную принадлежность. Ольга и здесь проявила осмотрительность. Поняв, что на работу по специальности ей не устроиться (а если устроиться — то за копейки), она окончила курсы бухгалтеров и довольно быстро сумела найти приличную работу в совместном предприятии. Золотых гор ей никто не обещал, но на зарплату можно было вполне сносно существовать, так что жизнь потихоньку наладилась. Ольга привыкла к своей работе, обзавелась новыми знакомыми, приделалась и даже разок съездила отдохнуть в Турцию.

Но тут заболела мама. Она всегда жаловалась на повышенное давление, это было привычно, как дождь за окном, но, когда «скорая» увезла ее с инсультом, Ольга впала в настоящую панику. Она каждый день бегала в больницу и просиживала там до позднего вечера, преданно заглядывала в глаза врачам и регулярно совала им приятно хрустящие конверты. И мама стала постепенно поправляться. Восстановилась речь, движения, она могла передвигаться по квартире и была вполне способна сама себя обслуживать. Но Ольга все равно боялась оставлять ее одну. Поэтому и работу нашла такую, где не приходилось бы задерживаться допоздна. Меньше денег, зато спокойнее.

Она все еще ждала любви, но постоянная тревога и усталость отодвинули романтические грезы далеко на задний план. А время шло, и появление сказочного принца с каждым годом становилось все более и более проблематичным. Подруги уже успели обзавестись семьями, а кое-кто — и не по одному разу. Иногда по ночам Ольга подолгу лежала без сна и думала — неужели вся ее жизнь пройдет вот так, в одиночестве и ожидании? Но наступало утро, круговорот ежедневных дел снова заключал ее в цепкие объятия, и думать о несбывшемся становилось некогда.

А потом умерла мама. На поминках соседка тетя Клава, вздохнув, сказала:

— Отмучилась, сердешная, земля ей пухом. Теперь ты, Олька, хоть для себя поживешь. Может, еще и жизнь свою устроишь...

Устроишь тут, как же! Немного успокоившись и оглядевшись по сторонам, Ольга с горечью обнаружила, что сверстники давным-давно уже прибраны к рукам, а заводить роман с женатым мужчиной не позволяли внушенные мамой принципы. А каждый, кто ходил в холостяках, непременно имел какой-нибудь скрытый изъян — или пил, или был самозабвенным бабником, или жил вместе с мамой, ревниво пресекающей любые посягательства на ее сокровище. Шли дни, месяцы, а в жизни так ничего и не менялось.

В свой день рождения Оля решила твердо — надо что-то срочно предпринять. Каждый сам кузнец своего счастья. Иначе так и придется до пенсии сидеть одной и пялиться на обои.

Тридцать лет — последний оплот молодости, последний срок, когда можно встретить свою судьбу, а для этого все средства хороши. Другие ведь знакомятся по объявлениям!

Для очистки совести Ольга сначала принялась внимательно изучать объявления о купле-продаже. Убедившись, что ее старенькую «Чайку» можно отдать разве что бесплатно, и таясь сама от себя, она раскрыла раздел «Знакомства».

«Нежный, страстный Лев, 34-189-90 познакомится с девушкой 18-20 лет, обязательно девственницей». Так, возраст не подходит. «Мужчина, 32 года, православный, познакомится с честной верующей девушкой для создания крепкой семьи». Тоже мимо. «Где ты, моя единственная? Скоро ли мы встретимся с тобой? Добрый, заботливый и трудолюбивый молодой человек 28 лет познакомится с женщиной 25-35 лет. Ребенок — не проблема». Это кто ж такой покладистый? Ага, вот адрес: Пермская область, ИТУ-2513, 8-й отряд, Шаповалову В.П. «Вот только судимых мне и не хватало!»

И везде — абонентские ящики для писем. Оля отложила газету. По телефону она бы еще позвонила под влиянием порыва. Вот как сейчас, например. Но писать... Сам процесс написания письма, поиска хорошей фотографии (да ее, кажется, и нет!), последующее ожидание ответа показались ей вдруг настолько утомительным и противным, а главное, бессмысленным действием, что Ольга отложила газету в сторону. Она достала пачку сигарет и неумело закурила. Хорошо, что мама не видит ее сейчас!

А газета... Убрать подальше, чтобы глаза не мозолила. Ольга загасила сигарету и в последний раз бросила взгляд на страницу. Надо же! Счастье оптом и в розницу. Наверняка это брачная контора, если оказалось в разделе знакомств. Вот куда ей надо обращаться. Там скорее подберут подходящий вариант.

К ночи моросящий дождь перешел в настоящий ливень. В такую погоду хорошо, наверное, сидеть у камина и смотреть на огонь. Но и в обычной московской квартире, среди множества книг и рукописей, да еще когда чайник закипает и сушки в вазочке остались — тоже ничего. Тесновато, конечно, — комната всего восемнадцать метров, а в кухню можно только боком пройти, — но по сравнению с камерой в ленинградских Крестах, рассчитанной на двадцать человек (а запихнули сто пятьдесят!), это просто рай.

Сергей Николаевич принес чайник с кухни и поставил его посередине круглого стола, покрытого бархатной скатертью. В теплом свете свисающего допотопного оранжевого шелкового абажура с бахромой комната выглядела особенно уютной и обжитой. Повсюду книги — на стеллажах, на столе, даже на узкой железной кровати, застеленной шерстяным одеялом. Сергей Николаевич налил себе крепкого чаю, пододвинул вазочку с сушками и принялся за работу. Новая монография о временах Великого переселения народов плавно катилась к логическому завершению.

Надо успеть ее закончить. Кто знает, сколько времени ему еще осталось? В прошлом году Сергей Николаевич Беспалов отметил восьмидесятилетний юбилей и к перспективе собственной близкой кончины относился на удивление спокойно и равнодушно. Он и не рассчитывал прожить столь долгую жизнь, просто так уж сложилось. Даже забавно, что слабый человек оказался крепче и долговечнее советской системы.

Так что там с рукописью? Текст уже написан вчерне, осталось только прочитать еще раз «свежим глазом», чтобы внести необходимые правки перед тем, как отнести книгу в издательство.

«От берегов южной Швеции, которая называлась тогда Готией, отошли три готские эскадры с храбрыми воинами — остготами, визиготами и гепидами. Они высадились в устье Вислы, поднялись к ее истокам, дошли до Припяти, миновали приднепровские степи и вышли к Черному морю...»

Сергей Николаевич не уставал восхищаться отвагой и предприимчивостью наших далеких предков. Да, именно предков! Ведь все эти готы, венеды, анты, гепиды, росомоны, гунны стали прародителями многих современных европейских народов — а про них до сих пор известно не так уж много. Римские историки презрительно называли их варварами,

невежественными и грубыми дикарями, но необходимо признать, что эти люди имели в избытке то, что римляне и греки успели растерять за долгие годы своей «цивилизованной» истории, — смелость, взаимовыручку, верность долгу и готовность жертвовать собой ради общего дела.

«...Император Деций — страшный гонитель христиан, очень хороший полководец и смелый человек — выступил против готов, которые пересекли Дунай и вторглись на территорию Византии. Великолепная римская пехота, хорошо обученная и прекрасно вооруженная, столкнулась с готами в 251 году. Казалось бы, исход этой битвы был предрешен заранее, но, к удивлению современников, римская армия была полностью разбита. Умело маневрируя, готы завели ее в болото, где римляне увязли по щиколотки. Легионеры лишились маневренности, готы кололи их своими длинными копьями, не давая вступить в бой. Погиб и сам император Деций».

Привычная обстановка будто отступила куда-то, и Сергей Николаевич ярко, будто воочию увидел римских легионеров в сверкающих шлемах, вооруженных короткими мечами, более удобными в ближнем бою, и готов, одетых в звериные шкуры, с длинными копьями в руках. Все-таки молодцы они были, ей-богу молодцы! Утерли нос надменной империи.

Несмотря на возраст, опыт и весьма непростую жизнь Сергей Николаевич сохранил в характере что-то мальчишеское. Вот так же он читал когда-то Фенимора Купера и всей душой сопереживал индейцам.

«Готы стали хозяевами устья Дуная (где поселились визиготы) и современной Трансильвании (где поселились гепиды). Восточнее, между Доном и Днестром, воцарились остготы. Их царь Германарих, очень воинственный и храбрый человек, подчинил себе всю Восточную Европу: земли мордвы и мери, верховья Волги, почти все Поднепровье, степи до Крыма и сам Крым».

Так что вполне возможно, они и наши предки. Ребенок имеет отца и мать, а каждый народ, как правило, несколько прародителей.

Время уже перевалило за полночь, дождь по-прежнему стучал в окно, а под руками Сергея Николаевича шуршали отпечатанные на машинке страницы..

«Могучее государство готов погибло, как это часто бывает, из-за измены подданных и жестокости правителя. Германариха покинул один из вождей подвластного готам племени росомонов. Страшен был в своей ярости старый король. Он приказал разорвать дикими конями жену вождя, Сунильду. „Так страшно убить нашу сестру!“ — возмутились братья погибшей, Сар и Амий. И вот однажды на королевском приеме подошли к Германариху и, выхватив из-под одежды мечи пронзили его. Не убили — стража успела заколоть их раньше. Однако Германарих от ран не оправился, все время болел и бразды правления потерял».

Руки вдруг предательски задрожали, а голову сжало болью. Какие там к черту готы! Полковник Копейко начальник спецколонии на Соловках, любил по пьянке вот так развлекаться — показательно наказывать заключенных. «Здесь вам власть не со-овецкая, здесь власть со-ло-вецкая!» И запрягают лошадь в пустые оглобли, к оглоблям привязывают ноги виновного, на лошадь садится охранник и гонит ее по лесной вырубке, пока стоны и крики сзади кончатся. Так погиб старик Передреев — бухгалтер из Новгорода. Сергей Николаевич и сейчас содрогнулся, вспомнив, как того вели к вахте по «расстрельной» дороге на глазах у других заключенных — застывшее лицо, блекло-голубые, будто вылинявшие глаза... И завязочки от кальсон мотались над костистыми, желтоватыми босыми ступнями. А потом тонкий, пронзительный заячий крик — это уже когда ноги к оглоблям привязывали.

Нет, не ко времени сейчас это все вспоминать. Надо отвлечься на что-нибудь. Сергей Николаевич потрогал чайник — так и есть, остыл. Он медленно, тяжело поднялся, прошел в кухню, осторожно протиснулся между столом и плитой крупным, широким телом, чиркнув спичкой, зажег газ и поставил чайник на конфорку. Пальцы все еще предательски дрожали, но веселое голубоватое пламя почему-то успокоило его. Он закурил у приоткрытого окна, с наслаждением вдыхая табачный дым и холодный, влажный воздух с улицы. А дождь все

стучал в стекло, и тяжелые капли оставляли мокрые следы на газете, что лежала на подоконнике.

Убрать надо — подумалось, — а то размокнет совсем. А что это за газета и как она сюда попала? Сергей Николаевич недоуменно повертел в руках толстый, аккуратно сложенный сверток. «Из рук в руки», газета частных объявлений. Наверное, соседка Марина оставила, когда приносила продукты в прошлый раз. С некоторых пор ему стало тяжело ходить по магазинам, но Марина — высоченная худющая девица с волосами, выкрашенными во все цвета радуги, — охотно выручала его. Если, конечно, не загуливала где-нибудь на несколько дней.

И то сказать — когда же и погулять, если не в молодости? Тоже ведь девочке нелегко — мама-пенсионерка, да еще старший брат пропал без вести в прошлом году. Надо ли было полвека мирной жизни, чтобы люди опять, как в войну, пропадали? Но ничего, держится девчонка, учится в институте, где-то подрабатывает, да еще и время находит среди своих дел и молодых развлечений помочь старику. Вот и сегодня — влетела в квартиру запыхавшаяся, грохнула на пол пакет и унеслась. Сказала, что уезжает на дачу с друзьями, и теперь по меньшей мере неделю от нее не будет ни слуху ни духу.

Не забыть бы ей отдать газету, когда придет в следующий раз.

А пока Сергей Николаевич с любопытством перелистывал шуршащие страницы. Газет он обычно не читал, его интересовало далекое прошлое человечества, а потому экскурсия в день сегодняшней представлялась, как ребенку — поход в зоопарк или планетарий.

Объявления были в основном скучные, что-нибудь вроде: «Продается раскладной диван-книжка, синий велюр, 6. у. в хорошем состоянии» или «Молодая семья москвичей без детей и домашних животных снимет однокомнатную квартиру на длительный срок. Чистоту и порядок гарантируем». А, вот забавное: «Иностранной компании срочно требуется прораб на стройку с опытом работы по специальности 8 — 10 лет и хорошим знанием французского языка». Долго же они будут искать такого! Нормальный прораб через пять лет русский-то язык забывает. Во всяком случае, затрудняется употреблять без матерных связей.

Некоторые объявления почему-то были обведены рамочкой. Содержание-то самое обычное — «продаются холодильные шкафы, витрины, прилавки», «услуги элитной свахи» или «шубы норковые из Греции по ценам производителя», а вот вокруг почему-то рамочка. Раньше так печатали только некрологи в «Вечерней Москве». Сергей Николаевич вспомнил почему-то, как в июне шестьдесят второго прочел вот так случайно о смерти полковника Мылгина, начальника лагпункта в Усть-Ижме. Это он как-то в тридцатиградусный мороз за невыполнение нормы оставил бригаду лесорубов ночевать в лесу, на снегу — и все замерзли. Это у него за зиму половина заключенных вымирала от пеллагры... Как только не называли эту загадочную болезнь! «Пеллагра», «безбелковый отек», «алиментарная дистрофия», а проще говоря — голод. Зубы выпадают, тело покрывается нарывами, потом несчастный теряет и последние остатки человеческого достоинства, что еще остаются у заключенного, роется в мусорных кучах, дерется с такими же доходягами за зловонные отбросы. А в свидетельстве о смерти напишут потом — «пневмония» или «сердечная недостаточность».

Вымрут эка — не беда, новых пришлют. Зато мылгинский лагпункт всегда был в числе передовых и план выполнял на 120 процентов, а уж какими средствами — разве это кого волнует? «Выходи без последнего!» (И правда, иногда последнего — стреляли.) «Шпал не хватит — вас положу!» (И положил бы, только не годятся доходяги.) Странно было читать о нем: «после тяжелой и продолжительной болезни...» И руки тряслись от волнения, газетный лист тоже дрожал, буквы путались. Да разве может быть такое — Мылгин сдох «после тяжелой и продолжительной» (от рака, наверное), а я вот — живу, и на воле!

Никуда не уйти от воспоминаний! А ведь вроде бы отвлечься хотел... Не удастся, видно, сегодня поработать. Спать пора, конечно, да как уснешь теперь? А руки все листают и листают страницы, и глаза все пробегают мелким шрифтом напечатанные строчки: «Щенки дратхаара от элитного производителя», «Двухэтажный дом в ближнем Подмоскowie», «Счастье оптом и в розницу» Сергей Николаевич присмотрелся внимательнее. Телефон

какой-то странный — 666... Апокалиптическое Число Зверя. Дальше тоже интересно — 1315. Цифра 13 издавна считается несчастливой, на Западе даже избегают тринадцатых этажей, после двенадцатого — сразу четырнадцатый, но мало кто знает почему. А ведь тринадцать — число смерти по древнееврейской Каббале и в Великих Арканах Таро. И пятнадцать — тоже не случайно. В картах Таро это число дьявола, и сама карта означает бессилие человека перед своими низменными желаниями.

Целое зашифрованное послание — для тех, кто понимает, конечно. Вот бы узнать — кто же дал такое объявление? Было бы интересно побеседовать.

Под ворохом старых бумаг он разыскал телефон. Надо же, совсем запылится без употребления... Сергей Николаевич набрал странный номер и стал ждать.

За окном ударил гром, будто клацнули стальные челюсти. Поздновато для грозы, осень ведь уже. Сергей Николаевич почувствовал озноб во всем теле, будто волна пробежала от головы до пяток. И старенький радиоприемник «Спидола» на тумбочке вдруг включился сам собой, заорал противным дурашливым голосом:

— Эх, полным-полна моя коробушка!

Глава 2

ТАКИЕ РАЗНЫЕ ДОРОГИ В НИКУДА

Москва, 11 сентября

На следующее утро небо очистилось от туч и выглянуло солнце. Бывают осенью такие дни — прохладные, пронзительно-ясные, когда листья на деревьях только начинают опадать и шуршат под ногами, как брошенное золото, царский подарок. Хорошо в такой день гулять где-нибудь в парке, среди высоких старых деревьев, посаженных еще в екатерининские времена, кормить уток у пруда, задирать голову, щурясь на солнце, и думать о вечном.

Только вот редко выпадает такое нашему современнику, живущему в большом городе. Весь вид из окна — соседняя многоэтажка да помойка во дворе, вся прогулка — до автобусной остановки или ближайшей станции метро — быстрым шагом, не глядя по сторонам, втянув голову в плечи. Все мысли о том, где денег взять. Все развлечения и отдых — в телевизоре. А в парк там или на природу — это, конечно, хорошо, но все, знаете ли, некогда.

И так — год за годом.

Людмила Андреевна Бочкова в то утро никуда не спешила — как раз накануне газетный прилавок в универсаме закрылся и ее уволили. Она медленно шла по шуршащим листьям, но не замечала ничего вокруг — слишком уж муторно было у нее на душе в это погожее осеннее утро.

Она чувствовала себя усталой, старой, вконец изработанной клячей. С работы уволили, ноют отекающие ноги, да еще сын Андрей сегодня не ночевал дома. Сам по себе это факт не примечательный, было бы чему удивляться — иногда он неделями не показывался! Неслухом вырос мальчишка. А ведь одна его тянула сколько лет, во всем себе отказывала, думала — человеком станет, а он... Учиться не захотел, работает от случая к случаю, а большую часть времени болтается с компанией таких же оболтусов у подъезда и таскается по девкам. У одной из них, наверное, и заночевал сегодня, больше нигде.

Только вот на сердце как-то беспокойно. Ночью она плохо спала, забылась ненадолго лишь под утро. И сон приснился гадкий — огромные, жирные сине-зеленые трупные мухи, с шумом летающие над куском сырого мяса. Проснулась она, когда темнота ночи едва стала сменяться бледными предраассветными сумерками.

Первая ее мысль — даже не мысль, а смутное ощущение на грани сна и яви — была о том, что с сыном случилось что-то плохое, очень плохое. Непоправимое даже.

Она ворочалась без сна еще долго, потом встала, бесцельно слонялась по квартире ненричесанная и неумытая, в старом халате. Хваталась за домашние дела — постирать надо,

убраться, цветы полить... Но все валилось у нее из рук в то утро. Находиться в пустой квартире было просто невыносимо.

Людмила Андреевна оделась, кое-как пригладила волосы и вышла из дома. И сейчас она мерила улицу шагами не видя ничего вокруг, и думала о своем. Она вспоминала почему-то, какой Андрюшка был маленький, как тянул ручки к ней, улыбался беззубым ротиком, полным манной кашей. И молила, изо всех сил молила Бога, в которого не верила, чтобы все было хорошо, чтобы сын был жив и здоров. Пусть сейчас он кувыркается в постели с какой-нибудь размалеванной девкой, но только бы вернулся домой и был рядом! Какой уж есть — чужой, грубый, бездельник и неудачник... Лишь бы живой.

А сам Андрей в это время только-только открыл глаза. Людмила Андреевна хорошо знала своего сына. Рядом с ним на смятой за ночь постели лениво потягивалась Света — молодая и хорошенькая жена водителя-дальнобойщика Витьки Сахарова, что жил в соседнем доме.

Витька был парень сильный, суровый и очень ревнивый. Постоянно был в разъездах — гонял тяжелогруженные фуры по просторам нашей необъятной Родины. По приезде его всегда должен был ждать накрытый стол, горячий борщ и радостно улыбающаяся, всегда покорная и неворчливая женушка. Света хорошо об этом помнила и в день приезда супруга спозаранку неслась на рынок за свежими овощами и парной говядиной, чтобы Витенька был доволен. А то ведь недолго и в глаз получить, у него рука тяжелая, работа нервная и характер вспыльчивый.

Зато в его отсутствие Светочка отрывалась на полную катушку — не спал с ней только ленивый. Вот и Андрюхе вчера обломилось...

Эх, хорошо! Андрей снова потянулся к теплой, сонной женщине. Близость ее обнаженного тела возбуждала, почти как в давешнем сне. Его лучший друг уже принял боевую стойку — вон, даже одеяло торчит!

— Свет, ну давай, а?

— погоди, — она окончательно проснулась и потянулась за халатиком, — время сколько? Мне на работу надо.

— Чего годить-то? Давай по-быстрому.

Света взяла с тумбочки у кровати маленькие часики ойкнула и принялась быстро одеваться.

— Полвосьмого уже! Проспала, опаздываю. Ты давай вставай тоже, не залеживайся. Мне через десять минут уходить. Даже кофе выпить не успею.

Эх, такой кайф обломался! Андрей только начал натягивать брюки, когда щелкнул ключ в замке, хлопнула тяжелая входная дверь и в прихожей раздался веселый мужской голос:

— Светулек, а вот и я! Спишь еще? Встречай мужа! Прикинь, на три дня раньше отстрелялся!

Широко улыбаясь, в комнату тяжело протопал кряжистый молодой мужик в потертой кожаной куртке. В руках он держал большую плетеную корзину, заботливо прикрытую белой тканью.

— Смотри, Светуль, какие персики привез! И ни о чем почти...

Светочка смертельно побледнела, прикрываясь халатиком.

— Витя...

Увидев полуодетую Свету и Андрея, который все еще никак не мог застегнуть брюки трясущимися руками, мужик мигом перестал улыбаться. Лицо его стало жестким, глаза сузились, на скулах заиграли желваки.

— Так, — он аккуратно отставил корзинку в сторону, — с тобой, сучка, я потом поговорю. А тебя, — он подошел ближе, взял Андрея за подбородок, — в морге по чертежам не соберут!

Удар отбросил его к стене. В левый глаз будто гвоздь вонзился. Андрей попытался прикрыть лицо руками, но где там! Удары сыпались на него со всех сторон. Он скорчился на

полу и даже не пытался сопротивляться. Только когда тяжеленный Витькин ботинок врезался прямо в солнечное сплетение, туда, где ребра сходятся под грудиной, Андрей закричал противным, раздирающим криком. Тут голос подала и Светочка, которая до этого сидела тихо-тихо, скорчившись на табуретке в углу и сжимая обеими руками полы халатика на груди.

— Витя... Перестань, ты же убьешь его.

— Молчи, б...! — огрызнулся муж. Потом подумал и добавил: — Убил бы падлу, только сидеть за такую мразь неохота.

Видно было, что первая вспышка гнева уже прошла. Он легко, одним движением поднял Андрея на ноги и тихо, но веско произнес:

— А теперь — вали отсюда! И запомни, еще раз увижу, ноги из жопы повыдергиваю.

И так же легко вышвырнул Андрея на лестничную площадку. Вслед полетели его вещи — куртка, свитер, ботинки... Он кое-как оделся, сидя на заплеванном полу. Ботиночные шнурки никак не хотели попадать в дырочки. И брючный ремень застегнуть он так и не сумел — руки плохо слушались, будто чужие. Андрей посидел на полу еще немного, собираясь с силами, потом заставил себя встать. Было очень страшно, что Витька передумает и вернется за ним. Тогда уж точно убьет.

Шатаясь, Андрей вышел из подъезда. Он шел по улице, вытирая кровавые сопли с лица, и почему-то никак не мог вспомнить дорогу домой. Яркое осеннее солнце било в глаза, и все многоэтажки казались на удивление одинаковыми. Кажется, сюда... А может, и нет.

Вилен Сидорович Поликарпов с самого утра уже был на ногах. Когда привыкаешь всю жизнь вставать рано, то и спать особо не хочется, а потому и поднялся он как всегда, в шесть пятнадцать. Помнится, даже фильм был такой — «Жизнь по заводскому гудку». Или книга? Да и не важно. Главное — старая закалка дает себя знать! Не то что у теперешних неженков — дай им волю, целый день дрыхнуть будут. Ох, плачет сто первый километр по многим... Раньше, бывало, судили за прогулы и опоздания, тунеядствовать никому не давали, зато порядок был, а сейчас все личность уважают — и страну до ручки довели.

Другое дело, что встать-то встал, но идти больше некуда.

Помаявшись с полчаса в пустой квартире, Вилен Сидорович погулял с Крошкой, посидел немного у подъезда, но заняться было нечем, а просто так сидеть — скучно. Нехотя он поплелся домой и принялся готовить завтрак. Есть, в общем-то, тоже не хотелось, но, во-первых, нужно, а то снова язва разыграется, а во-вторых, голодная Крошка вертится под ногами, тихо поскуливая и выразительно заглядывая в глаза хозяину.

Геркулеса в пакете осталось на донышке — так, на раз сварить хватит, не больше. И молока нет, растительное масло на исходе... Значит, придется идти на оптушку за продуктами. И запастись бы неплохо на подольше — цены-то вон как скачут каждый день! Тяжело, конечно, и ноги болят, и идти далековато, и на метро ехать четыре остановки, а что делать? В магазине покупать — никаких денег не напасешься. Только вот идти туда пока рано — на часах всего семь тридцать. Даже торгаши еще глаза не продрали.

Вилен Сидорович хозяйственно застелил стол газетой и вяло принялся за еду. Каша на воде получилась невкусная, да еще и пригорела. Он и есть не стал толком — так, похлебал пару ложек, а остальное плюхнул в Крошкину миску. Потом собрал газетный лист со стола и хотел уже было выбросить, когда вдруг что-то привлекло его внимание. Ну-ка, ну-ка... Он аккуратно разгладил смятую страницу, даже очки достал. Счастье оптом и в розницу! Это ж до чего люди дошли! Мало им, что страну по кускам продали, теперь еще и счастьем торгуют. Или аферисты какие-нибудь, или подпольный публичный дом теперь так называется. Сказать бы им пару ласковых... А что, можно и сказать. Тут и телефончик есть.

Пока Вилен Сидорович крутил тугой диск допотопного телефонного аппарата, он прикидывал в уме, что скажет этим жуликам, которые совсем стыд потеряли, и даже остался доволен собой. Целая речь получилась. Но рот открыть не успел — как только раздался щелчок соединения, в трубке зазвучал записанный на пленку писклявый голосок. Ах ты

господи! Автоответчик. Ну да, рано ведь еще. Эти, которые на фирмах работают, раньше десяти, наверное, и не появляются. Адрес вот только странный. Он точно знал, что никакого Пыхова переулка в Москве нет. То есть был когда-то почти в самом центре, недалеко от Дома композиторов, и стояли там уродливые двухэтажные дома барачного типа, только их сломали давным-давно, еще в пятидесятых.

А впрочем, кто ж их, теперешних, разберет! Улицы все переименовали, чтобы было опять как при царском режиме, может, и Пыхов переулок заново отстроили? Ладно, ну их к лешему. Вилен Сидорович вздохнул и стал собираться — пока дойти, пока доехать, а там, глядишь, и рынок откроется. С сомнением посмотрел на старенькую хозяйственную сумку из коричневой болоньи, с которой обычно ходил в магазин — пожалуй, маловата. К тому же и протерлась по швам — ведь ее еще Зина сшила! А вот это — он вытащил из стенного шкафа здоровенную кошелку на колесах с длинной ручкой — в самый раз, по крайности не так тяжело будет. Вспомнив о жене, Вилен Сидорович расстроился. Вроде прожили столько лет вместе, и всякое в жизни было, и ругались часто... А вот теперь ее нет и чего-то не хватает, тоскливо одному. Даже поговорить не с кем.

В метро было много народу, вагон забит почти до отказа. Вилен Сидорович кое-как притиснулся в уголок со своей кошелкой. Хоть бы место кто уступил пожилому человеку! Вот, например — сидит молодая девка, морда размалевана, юбка еле стыд прикрывает, уткнулась в свою газету — и ничего ее больше не касается. Ясное дело, проститутка.

Пузатый мужчина, сидевший рядом с противной девицей, поднялся и вышел на следующей остановке. Вилен Сидорович нацелился было на освободившееся местечко, да не поспел подхватить кошелку вовремя и задел колесом носок ее лакированной туфельки.

— Блин! — взвизгнула девица. — Смотри, куда прешь, козел, со своей бандурой!

Вилен Сидорович и сам еле устоял на ногах, тем более что поезд резко затормозил. И место уже заняли — плечистый молодой парень живо плюхнулся на сиденье. Мелочь вроде, но все-таки обидно.

А наглая девица и не подумала извиниться за грубость. Наоборот — отодвинулась подальше, в самый угол, принялась рассматривать испачканную туфельку и, брезгливо кривя ярко накрашенный рот, процедила сквозь зубы:

— Развелось вас, старперов! Не протолкнуться прямо.

Вилен Сидорович задохнулся от возмущения:

— Да мы всю жизнь работали! А ты, сикилявка...

Девица вдруг подняла на него большущие, серые, будто сажей обведенные глаза и строго сказала:

— Как работали, так и живете. Передохнете — всем легче будет.

Вилен Сидорович вдруг почувствовал себя плохо. Куда там ругаться с грубиянкой — на ногах бы устоять, не упасть! Подобные слова ему, конечно, доводилось слышать и раньше, но сейчас почему-то было особенно обидно. Будто холодная, мутная волна подкатила под сердце и вот-вот накроет с головой, воздуха не хватает, перед глазами мелькают черные мушки... Надо скорее выйти на улицу, уж бог с ним, с рынком.

Он не помнил, как выбрался из вагона, как поднимался по эскалатору, прежде чем оказаться на тесном асфальтированном пятчке, прилегающем к станции метро. Отдышался немного, жадно втягивая прохладный воздух — и вроде бы легче стало, дурнота отступила.

Ну, и куда теперь? Обратно в метро, под землю? Почему-то при одной мысли об этом сердце противно екнуло и на лбу выступили крупные капли нота. Лучше пройтись немного по бульварчику, а там и до дома недалеко. Можно на автобусе доехать.

Вилен Сидорович шел по бульвару, шурился на осеннее солнышко, и настроение постепенно улучшилось. Хотелось расправить плечи, пройтись твердым шагом, голову держать гордо и в землю не смотреть, снова почувствовать себя молодым и сильным — хоть не надолго... Только вот кошелка эта дурацкая мешает. Тяжелая, зараза, и колеса подпрыгивают на каждом камешке. Волочишь ее за собой, как рикша какой-то. Мелькнула даже шальная мысль — бросить ее, что ли, потихоньку где-нибудь за кустом? Нет, нельзя. А

то ведь как на рынок пойти в следующий раз?

Вилен Сидорович едва не столкнулся с бледной, просто одетой женщиной, что шла ему навстречу. Он даже извинился, но женщина, казалось, его вообще не заметила. Только посмотрела отсутствующим взглядом, кивнула зачем-то и пошла себе дальше. Горе, наверное, у человека. Вроде бы и нестарая еще, и приличная женщина, а вид какой-то расхристанный, кофта наизнанку надета, глаза красные и волосы причесаны кое-как. Много сейчас горя у людей.

Тихий бульварчик упирался в оживленную трассу. Можно, конечно, спуститься в подземный переход и подождать автобуса, а можно — срезать путь через заросший пустырь с торчащим на нем остовам недостроя, брошенного еще в восьмидесятых, и по тропиночке выйти прямо к дому. Вилен Сидорович с сомнением посмотрел на остановку. Так и есть, народу — никого, значит, автобус недавно ушел, а следующего ждать придется долго. Он еще раз посмотрел на пустую остановку, махнул рукой и зашагал по тропинке через пустырь.

Ольгу в то утро разбудило солнце. Маленький острый лучик, что пробился сквозь плотно зашторенные окна, светил прямо в глаза, будто запутался в ее длинных ресницах. Было немного щекотно, но все равно приятно — казалось, что кто-то теплый, очень родной и близкий гладит ее по лицу.

Она лежала еще немного, сладко потягиваясь под одеялом, наслаждаясь остатками утреннего сна, потом вдруг, спохватившись, потянулась к будильнику на тумбочке — и блаженная истома тут же испарилась без следа.

«Кошмар! Половина девятого! На работу опоздаю! Почему же будильник не звонил? Вот и полагайся теперь на технику!» Ольга покосилась на будильник с такой горькой обидой, будто он был живым, разумным существом — и сильно ее подвел.

Она проворно вскочила с постели и заметалась по комнате: так, колготки, блузка, а где губная помада? И юбка от костюма осталась не глаженная с вечера... Ольга включила утюг, аккуратно расстелила на обеденном столе старенькое одеяльце и принялась наглаживать неподатливые встречные складки. Если уж все равно опоздала, не ходить же неряхой целый день!

Ну вот, кажется, и все. Оля придирчиво оглядела со всех сторон злополучную юбку. Теперь и надеть не стыдно.

И только тут она вспомнила, что на работу ей больше идти не надо, потому что работы у нее больше нет. Ольга опустилась на стул, как была — в черных колготках, строгой белой блузке, застегнутой всего на две пуговицы, с аккуратно наглаженной юбкой в руках.

Ей даже смешно стало — ну прямо собачка Павлова. Звонок звенит, лампочка светит, и сразу слюнки потекли, как по команде. Только вот косточку больше никто не даст — ушли домой господа ученые! Глупая собачка.

Ольга почувствовала, как подступают к глазам злые, обжигающие слезы, и, скомкав юбку, с силой швырнула ее на диван. И зачем гладила, старалась? Кому это теперь нужно? И кому нужно, что всю свою жизнь она была такой аккуратной, послушной, ответственной и все делала правильно? Маме? Начальству на работе? Соседям? Родным и знакомым? Ей самой, наконец?

Но мама умерла, других родственников у нее нет, с работы уволили все равно, а немногочисленным знакомым ее поведение в высшей степени безразлично. Так что и в самом деле — никому!

Парадоксальным образом Ольга вдруг почувствовала себя свободной и даже почти счастливой. Она больше никому ничего не должна! И может делать все, что захочет!

Эта мысль была такой новой, такой неожиданной, что Ольга и сама удивилась. Требовалось время, чтобы привыкнуть... Она накинула старенький домашний халатик и пошла на кухню варить кофе.

А ведь все-таки здорово, когда утром никуда не надо спешить! Можно не давиться второпях обжигающе горячим растворимым суррогатом, а спокойно, со вкусом приготовить

настоящий ароматный напиток — и насладиться им в полной мере. В самом дальнем уголке кухонного шкафчика Ольга отыскала джезvu с длинной ручкой. Это Маргоша подарила на двадцатипятилетие... надо же, как быстро время летит! А кажется — только вчера было.

Ольгина подруга Маргарита была девушка феерическая. Дочь московской интеллигентной барышни, приближенной к диссидентским кругам, и цеховика-армянина, она непостижимым образом сочетала в себе черты обеих культур — готовила невероятные блюда с непроизносимыми названиями и в совершенстве владела двумя иностранными языками, прекрасно водила машину и гадала на кофейной гуще, была остра и невоздержанна на язык и в то же время нежно, трогательно привязана к своим таким разным родителям. Маргошин папа Гурген Тигранович долго в Москве не зажил, поддавшись на уговоры родственников и уехал в родной Ереван, чтобы отпраздновать пышную свадьбу с девушкой из хорошей армянской семьи. Маргоша с мамой остались одни. «Папа у меня — просто феодал! И как только маму угораздило!» — веселилась она, но и с отцом умудрялась поддерживать вполне теплые отношения. Впрочем, Гурген Тигранович первую семью не забывал, помогал материально, а потому у Маргоши уже в девятом классе были и фирменные джинсы, и дубленка, а мама ее Елена Сергеевна ставила на стол не «Останкинскую» колбасу пополам с туалетной бумагой, а настоящий финский сервелат. В общем, Маргоша была девушка-праздник.

Она-то и научила Ольгу варить изумительно вкусный кофе — не кофе, а произведение искусства.

— Значит, так. Насыпаешь кофе, солишь слегка и обжариваешь недолго — буквально несколько секунд. Да потряхивай джезvu, а то сгорит ведь к чертовой бабушке! Потом кардамон добавь... Куда ты его в зернах съешь, размолоть надо! Вот так. Потом корицу, сахар, перемешай все хорошенько, кипятком долей — и на огонь. Ты что, барана жарить собралась? Нет? А почему огонь такой большой? Маленький сделай, чтобы чуть-чуть тлел. Как пена поднимется, снимай с огня, кипеть он не должен. Потом снова ставь — и так три раза. Откуда я знаю, почему три? Надо так, и все!

Кофе получился изумительный. Кардамона, конечно, нет, но и с корицей очень вкусно. Ольга с удовольствием отхлебывала из чашки маленькими глоточками — чтобы вкус почувствовать лучше и удовольствие растянуть... И думала, как жить дальше.

Умом она прекрасно понимала, что нужно искать работу — написать хорошее резюме, пересмотреть все объявления о найме, а потом, надев все тот же деловой костюм, ходить на собеседования с потенциальными работодателями. Все так, но...

Но вдруг при этой мысли Ольга почувствовала такое отвращение, будто вместо кофе, любовно и тщательно сваренного по Маргошиному рецепту, хлебнула жидкости для мытья унитазов. Аж скулы свело.

Ради чего все эти хлопоты и унижения? Чтобы снова стать образцово-показательной дрессированной собачкой? Нет уж, хватит! Ей захотелось сделать нечто совсем другое — такое, чего она еще не делала никогда. На глаза попалась вчерашняя газета с объявлениями. Что ж там такого интересного было? Ах вот оно, аккуратно отчеркнутое красной ручкой «счастье оптом и в розницу». Смешное название для брачного агентства.

— А вот возьму и позвоню! — почему-то вслух сказала Оля, сунула в мойку кофейную чашку, подхватила газету и решительно направилась в комнату — к телефону.

Автоответчик ее несколько разочаровал. «Коммерческий директор господин Шарль де Виль...» Скорее всего, просто какая-то фирма, а вовсе не брачное агентство, как она думала вначале. Даже непонятно — работает сейчас эта странная контора или уже затонула в мутных волнах кризиса, как многие другие. Например, та в которой Оля трудилась до сегодняшнего дня..

Что ж, фокус был пьян, и фокус не удался. Первая атака захлебнулась, но это вовсе не повод падать духом. Вот Маргоша, например, точно не стала бы унывать. Не такой она была человек.

Стоп! А почему «была»? Ольга аж подскочила на месте, ужаленная новой мыслью.

Давно, конечно, не общались, но почему бы не позвонить ей? И телефон должен быть где-то здесь, в старой записной книжке.

Минут через десять, перерыв кучу бумажек (мамины рецепты на лекарства... квитанции по квартплате... гарантийный талон к пылесосу, который давно не работает... Давно пора разобраться в этом бардаке!), Ольга нашла, наконец, потертый блокнотик в коричневой кожаной обложке. Так, а вот и Маргошин номер на букву «М». Она почему-то терпеть не могла, когда ее называли Ритой.

Трубку не брали очень долго. Пять гудков... десять... двенадцать... Наверное, дома нет или вообще куда-нибудь переехали — сколько лет-то прошло, вспомнить страшно!

Наконец, сонный голос ответил:

— Алло.

Ольга даже смутилась немного — позвонила-то явно не вовремя. Здравствуйте, я ваша тетя!

— Д-добрый день. — Надо же, и голос сел от волнения! Хотя чего бояться — непонятно. — А Маргариту можно услышать?

— Олек, ты, что ли? — Вялость и сонливость как рукой сняло, и Ольга сразу узнала подругу. — А я все думаю — куда пропала? Сто лет не виделись! Давай, рассказывай, как живешь, что поделываешь? Или нет. Давай лучше встретимся, поболтаем, посидим где-нибудь... Я же в Москве теперь редко бываю, ты меня случайно застала. Ой, такое расскажу! Подходи в кафе тебе удобно? Ну хорошо, пока, увидимся!

Положив трубку на рычаг, Ольга почувствовала, что улыбается. Маргоша совсем не изменилась — такая же шумная, жизнерадостная и готова спать до обеда, если только чрезвычайные обстоятельства не заставят подняться раньше. В институте она всегда опаздывала к первой паре.

Ольга заметно повеселела. Повидаться с Маргошей, выбраться в центр, в кафе посидеть... День обещал стать просто праздником! И, видит бог, она сильно в этом нуждалась.

Осталось только решить, что надеть. Костюм она отвергла сразу. Не хватает только и тут выглядеть серой офисной мышью. А что тогда? Юбку со свитером? Не то... Ольга решительно вывалила на диван все содержимое платяного шкафа. Ну просто гардероб старой девы — все серенькое, немаркое, как говорится, «простенько и со вкусом». Мама всегда критически оценивала ее наряды, и, когда она, поджав губы, роняла что-нибудь вроде «это же нескромно!» или «вызывающе!», Ольга всегда старалась вернуть «неподобающую» вещь в магазин или предложить кому-нибудь из подруг. А потом и сама привыкла, убедила себя, что ярко одеваются одни шалавы, а ей, приличной, достойной и неглупой молодой женщине, подходит неброская элегантность, и вообще, красивой должна быть в первую очередь душа.

В сад! Ничего не подходит!

Хотя... На антресолях должен лежать чемодан со шмотками, которые она зачем-то накупила в Турции, впервые в жизни оставшись без маминого присмотра. Тогда она не решилась все это носить, а сейчас, может, пригодится.

Оля принесла с балкона тяжеленную стремянку и, порывшись среди старых вещей (надо бы и здесь разобраться!), чихая от пыли, вытащила, наконец, злосчастный чемодан на свет божий.

Так... Шортики явно не подходят, чай, не лето уже. Ярко-зеленый сарафан в цветах тоже. А вот голубые джинсы-стрейч — вполне, померить только надо. И кофточка с вырезом «кармен» и открытыми плечами. Ох, хорошо, что мама меня не видит сейчас!

Напевая, она поспешно натянула непривычную одежду — да так и застыла перед большим зеркалом в шкафу. И это — я? Из зеркала на нее смотрела стройная, белокожая молодая женщина с большими удивленно-испуганными голубыми глазами. Длинные светло-русые волосы волной рассыпались по плечам. Тонкие руки и чуть торчащие ключицы придавали ей удивительно юный, незащищенный, даже трогательный вид. Ольга всю жизнь считала свою внешность обычной, а тут вдруг неожиданно zalюбовалась собой.

Из дома она вышла в самом радостном настроении. Ей вообще сегодня везло — и маршрутка подошла сразу же, и в метро народу было немного. В кафе Оля сначала немного оробела — интерьер, выдержанный в сине-желтых тонах, мягкие диванчики, драпировки на окнах показались ей очень стильными, а разнообразные торты и пирожные, выставленные в застекленной и заботливо подсвеченной витрине, были, конечно, соблазнительны, но подавляли стоимостью. «Ничего, — утешила она себя, — просто выпью кофе, и все. Зато здесь красиво, и музыка играет, и диванчик такой удобный. Это когда же я в кафе в последний раз была? Давно, очень давно... Всегда не хватало то денег, то времени».

Она все еще рассматривала меню, прикидывая, на что может хватить скудной наличности, когда тяжелая входная дверь со стуком распахнулась и в кафе влетела запыхавшаяся Маргоша.

— Ну вас и пробки в Москве! Как черепаха ползла. А ты заказала уже что-нибудь? Пить хочу — умираю. Но мне в моем положении только сок можно, а ты не стесняйся. Здесь глинтвейн хороший делают, ты попробуй — вкусно! Продолжая трещать как сорока, она махнула пухлой рукой в кольцах, подзывая официанта.

— Кредитки принимаете? Хорошо. У меня «Мастеркард». Значит, сок свежавыжатый, глинтвейн, грушевый торт... Олек, ты есть что будешь? Не знаешь еще? Тогда два торта! И побыстрее, пожалуйста.

Когда мальчик-официант, высоко подпоясанный передником, принял заказ и отошел от столика, Маргоша устроилась поудобнее и вопросительно посмотрела на Олю:

— Ну, теперь рассказывай про свою жизнь. Вижу, все цветешь, все как девочка, не то что я!

Маргоша и вправду сильно поправилась, раздалась в бедрах, но, несмотря на это, была красива тяжелой и яркой южной красотой. Сильно загорелая, в белом брючном костюме, увешанная золотыми украшениями, на фоне осенней Москвы она смотрелась как райская птица на березе. Оля даже засмушалась немного от ее натиска.

— Да нечего особенно мне про себя рассказывать. Живу по-прежнему, бухгалтером работаю... То есть работала.

Маргоша всплеснула руками.

— Бухгалтером? Так это же здорово! Мой Янис в Москве собирается открывать свое представительство, так что нужен человек, чтобы в офисе сидел целый день — и за бухгалтера, и за секретаря, и за всех. Сама понимаешь, свой человек должен быть, надежный, я уж голову сломала, кого предложить, мне улетать скоро — а тут ты!

— Постой, постой. Ничего не поняла. Куда улетать? Кто такой Янис? И что у него за бизнес?

— Ах да, ты же не знаешь ничего! Я ведь замуж вышла! У меня мальчику четыре года, теперь вот, — она тронула свой живот, — девочку хочу. Три месяца уже. А Янис — это мой муж, он киприот, бизнес свой расширять собирается, решил в Москве открыть представительство. Я же прилетела зачем? Маму навестить и заодно подыскать хорошего человечка. А бизнес какой... Отгадай загадку — исконный кипрский бизнес, но не туризм. Поняла?

Ольга кивнула. Про кипрские офшоры она, конечно, знала. Кому же охота платить налоги! Тем более — теперь.

— Ну что, пойдешь? Зарплата пока не очень, конечно, — всего пятьсот долларов, но это только на первое время. Зато офис в центре, работы пока немного, а командировки такие ожидаются — никакого отпуска не надо!

Вот это удача! И главное, как вовремя! Даже поверить трудно. Ольга робко спросила:

— Ты это серьезно... Насчет работы?

— Да уж серьезнее некуда! Только ты побыстрее определяйся — согласна?

Ольга решительно закивала:

— Да, я с удовольствием! А когда приступать?

Маргоша задумалась:

— У нас сегодня что — пятница? Вот на следующей неделе и приступишь. Введу тебя в курс дела и улечу домой со спокойной совестью. Держи визитку, здесь номер моего мобильного, позвони в понедельник часов в одиннадцать.

Ольга медленно тянула через трубочку горячий, ароматный напиток из вина и пряностей. Надо же — и правда очень вкусно! А Маргоша тем временем успела расправиться со своей порцией торта и грустно рассматривала пустую тарелку.

— Заказать, что ли, еще — или не надо? Нет, не буду. А то рожу такую же сластену, что тогда делать станем? — Она тяжело вздохнула. — Ладно, не будем делать из еды культа. Ты мне лучше другое скажи, подруга, как у тебя на личном фронте? Замуж не вышла пока? Или так кто-нибудь есть?

В этот момент в ее сумочке требовательно запищал мобильник. Маргоша схватила маленький серебристый аппаратик-раскладушку и быстро-быстро защелкнула что-то по-английски.

А Ольга обрадовалась, что на ее вопрос теперь не нужно отвечать. Врать и выдумывать не хотелось, а признаться в том, что у нее никого нет (а если уж совсем честно — то и не было никогда) — все равно что расписаться в собственной неполноценности. Сколько раз после таких вопросов Ольге приходилось ловить на себе сочувственные взгляды и выслушивать идиотские советы! И сколько раз ей хотелось крикнуть: да оставьте вы меня в покое! Так уж сложилась моя жизнь, что не встретился мне тот человек, кто по-настоящему нужен!

Маргоша закончила разговор и захлопнула крышку навороченного телефона.

— Нет покоя человеку! — с досадой сказала она. — Опять бежать надо. Ты уж извини, даже не поговорили толком. Ничего, теперь будем часто видеться. Значит, в понедельник позвони, не забудь. Молодой человек! — крикнула она официанту через весь зал. — Рассчитайте нас, пожалуйста, мы торопимся. Олек, не обижай меня, убери деньги, я же тебя пригласила! Тебя до метро подвезти?

— Да нет, спасибо, тут близко.

— Тогда счастливо тебе, до понедельника!

Маргоша чмокнула Ольгу в щеку, уселась за руль серебристой «kia-спортдж» и умчалась. И та, помахав подруге рукой, медленно пошла к метро.

Игорь все так же сидел в своей комнате и все так же прилежно шелестел газетными листами. Сегодня он не зря просматривал «Из рук в руки» — искомое объявление нашел почти сразу. Вот оно, родимое: «Уродливая старая дева...» Одному состоятельному и уж не знаю, насколько щедрому господину придется сегодня с ней поближе познакомиться.

И зовут эту деву — Смерть.

Вот и все. Время ожидания подошло к концу, что дальше делать — понятно. Но Игорь почему-то медлил. Он просто нутром чувствовал, что на этот раз успешное устранение заказанного объекта (а неуспешное — тем более!) почти неминуемо приведет к ликвидации исполнителя.

То есть его самого.

Ладно, хватит, уж чему быть, того не миновать. Нечего расслаиваться. Игорь встал, с хрустом потянулся, разминая мышцы, вышел в коридорчик, воняющий кошками (у хозяйки их жили три, будь они неладны), и вежливо, тихо постучался в ее комнату. Старушка мирно смаковала очередные мексиканские страсти по телевизору и даже не слышала, как он вошел.

— Зинаид Пална... Такое дело, съезжаю сегодня от вас.

Старушка сразу засуетилась, даже с места вскочила, кутаясь в пуховый платок:

— Ой, что ж так сразу, не предупредил, ничего... До конца месяца вон сколько осталось...

Деньги, надо думать, уже потратила. Ну да ладно, пусть ее.

— Работа у меня, командировка, срочная, и надолго. Уезжаю я, Зинаида Павловна. В... в Кинешму, — зачем-то соврал он.

Хозяйка грустно вздохнула. Жаль терять такого выгодного квартиранта, но если уж собрался человек уезжать, то ничего не поделаешь. Ей-то, конечно, без разницы — в Кинешму или еще куда, а вот теперь надо искать, кому сдать комнату, и неизвестно еще, какой жилец попадется.

Потом именно ее показания прибавят работы оперативникам, заставят их на уши поднять тихий и сонный городок, долгие месяцы рыть носом землю в поисках тщательно законспирированной подпольной террористической организации, чтобы потом вернуться и доложить про «обнаруженный чеченский след». Что там говорили мудрые китайцы насчет черной кошки в темной комнате? Устарела их мудрость. Кто хочет, тот всегда найдет.

Пока же Игорь кидал в рюкзак свои немногочисленные пожитки, а Зинаида Павловна стояла в дверях и причитала:

— Ты бы, Игорек, хоть чаю попил на дорожку!

В мыслях он был уже далеко, и ее воркотня только раздражала. Неужели трудно оставить человека в покое! Когда входная дверь в квартиру захлопнулась у него за спиной, Игорь даже ощутил некое облегчение. По крайней мере, не нужно ни с кем разговаривать. И возможно, уже никогда не придется. Быстрым шагом он дошел до ближайшей станции метро, купил в кассе жетон для телефона-автомата и набрал номер, выученный наизусть. Он уже приготовился произнести условленную фразу, когда в трубке вместо хриповатого баритона послышался юный девичий голосок, записанный на пленку:

«Счастье трейдинг энд компани». По всем интересующим вопросам вас готов лично проконсультировать коммерческий директор господин Шарль де Виль. В любое время мы будем рады видеть вас по адресу: Пыхов переулок, 14, второй подъезд, вход со двора.

Игорь так и застыл с трубкой в руках. На мгновение закружилась голова, очертания предметов утратили четкие контуры, его охватило странное чувство нереальности происходящего. Вот это да! Что же случилось-то? Минута за минутой он перебирал в памяти события вчерашнего и сегодняшнего дня, пока, наконец, не понял свою ошибку. Счастье оптом и в розницу! Именно это объявление привлекло его внимание вчера. И наверное, он автоматически набрал неправильный номер. Точно, там три шестерки вначале. Вот глупость! Даже стыдно стало.

Он сходил к кассе за новым жетоном и вновь принялся тыкать в кнопки — на этот раз с удвоенным вниманием. Вот теперь, кажется, все правильно. Почти с радостью он услышал знакомый глуховатый голос.

Через несколько минут Игорь уже спускался по эскалатору в метро и точно знал, что делать дальше: отправиться в старинный московский особнячок, давно предназначенный к реконструкции, достать из тайника на чердаке снайперскую винтовку Драгунова с оптическим прицелом и ждать, пока искомый объект появится возле фитнес-центра в Даевом переулке. Обычно он приходит в 14.30. Конечно, у него есть охрана, но это не серьезные профессионалы, а всего лишь шкафообразные молодцы, которые только внимание отвлекают. Главное, чтобы никто из них не попытался играть в героя и закрывать босса своим телом. Второй выстрел — нечистая работа.

Игорь посмотрел на часы — 11.25. Времени еще вагон с маленькой тележкой, вполне достаточно, чтобы оглядеться на местности и правильно определить позицию.

До центра Игорь доехал спокойно, без приключений. Милиционеры на выходе из метро привычно шерстили торговцев цветами, лиц кавказской национальности и гастарбайтеров из ближнего зарубежья, ну да пусть их. Игорь знал, что его среднестатистическая славянская внешность не привлекает внимания и позволяет легко раствориться в толпе. Вот один из милиционеров мазнул по нему равнодушным взглядом — и тут же отвернулся. Эх, ребята, знали бы вы!.. А то ищут там, где не клали.

В хитросплетении переулков он быстро отыскал нужный, спасибо долгим прогулкам по центру Москвы. Так, вот он, фитнес-центр, огромная вывеска зазывает желающих поправить здоровье и фигуру отшлифовать. И ничего так, идут людишки сгонять жирок, нажитый непосильным трудом от ежедневного сидения в офисах и поглощения деликатесов. Идут

даже сейчас, несмотря на кризис. А цены на абонементы такие, что какой-нибудь детдом в глубинке год содержать можно.

Здоровье берегут, суки.

А вот и особнячок напротив, почти в руинах стоит. Видать, еще никто к рукам не прибрал. Давным-давно весь облупился-осыпался, вместо окон и дверей листы фанеры. Это хорошо, маскировки никакой не надо.

Игорь осторожно отодвинул лист фанеры, прикрывающий дверной проем, и скользнул внутрь. Мать моя женщина, ну и запах! Не иначе, милый особнячок давно уже используют вместо сортира все, кому приспичило посреди улицы. Ну и бомжи, конечно. Игорь заметил среди строительного мусора в углу какие-то кульки, тряпки, черный от копоти чайник, явно подобранный на свалке. Точно, тут у них лежбище.

Он осторожно обошел дурно пахнущие кучи. Так, теперь навверх, по выщербленной лестнице. Чердак.

Кругом пыль, осколки штукатурки, пахнет какой-то плесенью, но хотя бы не дерьмом. Тайник должен быть где-то здесь, возле подоконника.

Игорь осторожно простучал стену. Глухо... Глухо... Пустота! Тайник представлял собой своего рода сейф, замаскированный под обшарпанную стену, покрытую отваливающейся штукатуркой. Аккуратно сработано, похвалил про себя Игорь. Если не знать — ни в жизнь не догадаешься. Сверху должен быть такой шпенечек... Влево его до упора и потом сразу вниз до щелчка. Есть!

Игорь осторожно достал длиннотвольную винтовку. Тяжелый приклад привычно и удобно лег на плечо. Есть, конечно, модели и поновее, и посовременнее — например, карабин СКС-8 легко помещается в спортивной сумке, но со старой моделью работать удобнее. Это как проверенный товарищ, который никогда не подведет.

Теперь — ждать... Сколько раз ему уже приходилось вот так сидеть часами, прильнув к прицелу ради одного-единственного выстрела! Работа снайпера не любит суеты и нетерпения.

Время шло, в здание напротив входили и выходили люди, но искомого объекта среди них не было. Игорь даже беспокоиться начал — уж не случилось ли чего-то из ряда вон выходящего, что заставило бы этого кренделя изменить свои планы?

А, вот он. У входа в фитнес-центр остановился черный джип величиной с трамвай. Просто не машина, а боевая техника! Эх, нам бы в Афгане такую... Мощность — хоть стены пробивай, скорость — уйдешь от любой погони, тонированные стекла надежно скрывают тех, кто внутри, от посторонних взглядов.

Только все это, друзья хорошие, вам уже не поможет.

Клиент наконец-то выбрался из машины — маленький, толстенький, жидкие волосенки дыбом стоят на лысине, глаза испуганно бегают по сторонам — совсем не такой, как по телевизору. Та-ак, еще поближе... Палец лег на спусковой крючок. Игорь слился со своим оружием.

— Милиция! Всем выйти из здания!

Сапоги топчут по стеклам и битой штукатурке. Лают собаки. Грубый голос отрывисто гаркает в матюгальник. Это еще что такое? Неужели провал? Нет, тогда бы его тихо взяли без шума и пыли с оружием в руках. При исполнении, так сказать. Что тогда? Облава на бомжей. Точно, по всей Москве сейчас идут такие, выковыривают блохастиков. Тогда есть шанс выкрутиться.

Нескольких секунд хватило, чтобы спрятать винтовку в потайной нише. Он сорвал фанерный лист с окна — и кошкой выпрыгнул прямо на мостовую. У-ух! Падение отозвалось болью в ноге, ладони содраны в кровь, но ничего, потерпим. Хорошо еще — не так уж высоко. Когда в Афгане прыгали прямо на камни из зависшего вертолета, да еще с полной выкладкой — круче было.

— Стой!

А теперь ходу, ходу! Игорь бежал, петляя в тесных переулках. Вскоре он перестал

понимать, где находится, хотя Москву знал хорошо. Он не думал, что провалил задание и теперь куда ни кинь — всюду клин. Это все потом, потом... Если только удастся оторваться от преследования. Вот здесь, где стройка, и все дома уже выселены, проще будет затаиться...

Анна Райдель собиралась на пункт приема объявлений газеты «Из рук в руки». Дело было не срочное, просто хотелось выйти из дома, немного развеяться и чем-то себя занять заодно.

День с утра не задался. Сначала позвонила мама Светы Горячевой, к которой она собиралась сегодня ехать на урок, и после долгих предисловий («Такая сложная ситуация... вы же сами понимаете...») сообщила, что приходить больше не нужно.

Анна расстроилась — так ведь недолго и совсем без заработка остаться! Часов до двенадцати она бестолково толкалась по квартире. Как нарочно, все валилось из рук, ничего не получалось. Сначала решила сварить суп на два дня сразу, но потом передумала. Готовить для себя одной было неинтересно. Потом взялась пришивать оторванную пуговицу к жакету и сразу же загнала иголку прямо под ноготь. Было ужасно больно, а главное, обидно почти до слез: ведь руки для пианистки — это главный рабочий инструмент, их беречь надо.

Да чего уж там. Снявши голову, по волосам не плачут. На ее карьере давно поставлен жирный крест, а чтобы учить оболтусов гаммы играть — не все ли равно, какие у тебя руки!

Подумав так, Анна расстроилась еще больше. Мысль о том, что она *никогда* не поднимется на сцену, была такой простой и ясной, жестокой в своей очевидности, что Анна чуть не расплакалась снова — как вчера, когда она ревела белугой, сидя на краю ванны. Потом, помнится, даже к психологу обратиться хотела и телефон набрала... Смешное такое объявление в газете было, что-то про счастье. Там, правда, сработал автоответчик, наверное, все уже домой ушли. И слава богу. Анне было немного стыдно за свой вчерашний порыв. Как маленькая прямо.

Нет уж, хватит ныть. Она решительно тряхнула головой. Надо встать, пойти куда-нибудь... Кстати, о газетах! Ведь пора же снова объявление дать. Вот оно, заполнено уже, лежит и дожидается. Взгляд упал на объявление, прошлым вечером вырезанное из газеты. Вот и дело нашлось! Если отдать сейчас, на следующей неделе уже опубликуют.

Она быстро оделась, будто боялась оставаться в пустой квартире наедине со своими мыслями. Пуговица держится на честном слове, ну да бог с ней. Так, сумочка... Немного денег с собой — на обратном пути в магазин заглянуть... Кажется, все. Окна закрыты, свет везде выключен, вода в ванной не бежит, и даже газ перекрыт на всякий случай. Анна в последний раз окинула взглядом квартиру.

Так смотрит человек, который отправляется в долгое путешествие и не знает, вернется ли он назад.

Она вышла из подъезда, поздоровалась со старушками на лавочке, наискосок пересекла маленький дворик, заросший старыми деревьями, и направилась к автобусной остановке.

Ждать пришлось долго, минут сорок. Когда к остановке, чихая и кашляя, подкатил наконец старенький автобус, Анна уже почти отчаялась и готова была вернуться домой. Не судьба, как говорится, что ж поделаешь...

Может, оно бы и к лучшему.

Поднимаясь в автобус, она зацепилась за плохо закрепленную железячку на верхней ступеньке и порвала почти новые колготки. Еще одно расстройство! Да сколько можно-то, а?

Народу было немного. Парочка пенсионеров сошла возле рынка, да стайка девочек-подростков, галдящих, как птичий базар, высыпала возле новой школы, переименованной за чем-то в лицей. В салоне остались только Анна да какой-то странный мужчина в клетчатом пиджаке с взъерошенными черными волосами и совершенно безумными, запавшими глазами, обведенными кругами многодневной бессонницы. Анна опасливо покосилась на незнакомца, но он сидел совершенно отрешенный, погруженный в собственные мысли.

До метро было уже совсем недалеко, когда двигатель старенького автобуса вдруг

взревел, будто раненый зверь, потом фыркнул и заглох. Водитель вылез, громко хлопнув дверью, и принялся конаться в моторе, ворча под нос и гремя какими-то железяками. Это продолжалось довольно долго. Анна даже беспокоиться начала, когда он наконец вернулся, открыл двери в салон и мрачно объявил:

— Выходите, приехали. Дальше пешком придется.

Мужчина сразу выскочил из автобуса и зашагал прямо по газону, загребая длинными ногами в стоптанных ботинках. Анна еще удивилась — какой же он высокий! Метра два, наверное, не меньше. Но ему-то хорошо, а ей что делать?

— Как же я пойду, — возмутилась она, — прямо по проезжей части? Тут ведь ни тротуара нет, ни дорожки пешеходной!

Водитель только развел руками и ответил довольно резко:

— А я что сделаю? Ремень полетел, техника старая. Самому тут сидеть до морковкина заговенья.

Анна совсем приуныла. Увидев ее расстроенное лицо, даже водитель смягчился. Вытирая руки замасленной ветошью, он сказал уже совсем другим тоном:

— Да чего тут осталось-то? Ерунда совсем. Пройдете наискосок между домами — тут и метро будет, с другой стороны только.

Анна вышла из автобуса. Как многие близорукие люди, она плохо ориентировалась в незнакомых местах. Между домами — это где? И наискосок — это куда? Дома казались совершенно одинаковыми, и к тому же неприятными какими-то — серые, облупленные... Она шла и шла вперед, совершенно потеряв чувство направления и не понимая, где находится.

Сергей Николаевич медленно шел по Никитскому бульвару. Только что он был в издательстве и узнал весьма неприятную для себя новость — из-за кризиса оно временно сворачивает свою деятельность, а потому публикация его книги откладывается на неопределенный срок.

Милая девушка Наташа — редактор научного направления — и сама выглядела расстроенной, беспомощно разводила руками: сложное положение, мол, что поделаешь! За бумагу и то рассчитаться нечем. Но, конечно, как только, так сразу, при первой же возможности... Звоните, заходите, мы вам всегда рады, ценим ваши заслуги и многолетнее сотрудничество.

А в глазах ее Сергей Николаевич видел совсем другое. Торопится девушка избавиться от докучного посетителя. Он тоже кивал и улыбался, следуя заведенному ритуалу. Все понимаю, мол, трудности временные, а наука — это вечно! Зайду и позвоню непременно. Позже.

«Если, конечно, доживу, — подумал он. — Наука-то, она, может, и вечная, а я — нет».

Он присел на лавочку — устал. И портфель слишком тяжелый. Из рукописи теперь можно хоть бумажных голубей складывать — все равно никому не нужны ни готы с гуннами, ни он сам. Поздно все, слишком поздно. Это для истории каких-нибудь сорок-пятьдесят лет — ничто, а для человека — о-го-го сколько! Попробуй еще их проживи.

Да что там годы... Когда тебе восемьдесят лет, каждый день — как последний. Жизнь ушла, будто вода сквозь пальцы, а он ее толком и не видел. Даже поработать так, как хочется — спокойно и вдумчиво, — не пришлось почти. Уж такое выпало время.

Одни только лагеря съели почти двадцать лет. А еще была война, которую он прошел в солдатской шинели до самого Берлина, были долгие годы молчания, нищеты и безвестности, когда никуда не принимали (ну разве что — сторожем, и за то спасибо), а работать приходилось урывками, и нужные материалы удавалось удавалось раздобыть, если очень повезет, а уж о том, чтобы проверить свои гипотезы в архивах или в экспедиции, — и мечтать не могли! Уже ходили по рукам его научные труды, отпечатанные на ротاپринте, и появилась кое-какая известность в узких кругах, а официально он долгие годы числился неработающим инвалидом (вот они, лагеря-то!) с третьей группой и копеечной пенсией.

Потом стало легче. Задули ветры перемен, как это принято говорить. После перестройки появились и опубликованные книги, и с лекциями он выступал, и даже снискал кое-какое признание. Только вот — поздно. «Всего на жизнь свобода опоздала...» Силы уже не те, и дают себя знать старые болячки. Тем более что вскоре наука вообще перестала интересовать кого-либо. О чем тут говорить, если профессора получают копеечные зарплаты и занимаются поборами со студентов, а молодые аспиранты идут в гувернеры к детям «новых русских»?

Но главное — не сумел он достичь главного в своей жизни: сделать историческую науку не достоянием начетчиков и книжных червей, а полезным инструментом для живущих и будущих поколений. Разработанная им теория возникновения и развития исторических процессов так и осталась теорией. Как часто и теперь, читая газеты или слушая новости по радио, ему просто плакать хочется — ну сколько же можно наступать на одни и те же грабли! Скольких ошибок и просчетов можно было бы избежать, если учитывать опыт прошлого!

Так ведь — не нужно все это никому. И получается, что зря он прожил свою долгую и совсем не простую жизнь.

Сергей Николаевич сидел на скамейке, прикрыв глаза, подставляя лицо лучам последнего осеннего солнца, и думал, что, возможно, это солнце — и впрямь последнее. Совершенно безразлично, умрет он через год-другой, или завтра, или прямо сейчас, вот на этой лавочке.

История катится вперед своим чередом, люди давно научились лечить смертельные прежде болезни и предсказывать землетрясения и ураганы, постигли тайну расщепления атома, и многие другие научные знания сумели поставить себе на службу...

Только вот извлекать уроки из собственного прошлого — не хотят.

— Мама, этот дедушка что, умер?

Он открыл глаза, с усилием разлепив тяжелые веки. Мальчик лет пяти в синих брючках и красной курточке уставился на него с изумлением. Сергей Николаевич чуть улыбнулся и помахал ему рукой — все в порядке, мол.

— Пойдем, пойдем быстрее, не задерживайся! — Мать потянула малыша за руку. — Он пьяный, наверное.

Сергей Николаевич окончательно пришел в себя. Взглянул на часы — ничего себе! Оказывается, почти полтора часа просидел. Вечереет уже. Надо идти, а то скоро час пик начнется.

Он тяжело, с усилием поднялся, подхватил портфель и зашагал к метро. Идти по Воздвиженке, продираясь мимо лоточников, торгующих всякой всячиной, и кавказских молодцев с сомнительными шашлыками (от одного запаха отравиться можно!), ему совсем не хотелось, и Сергей Николаевич свернул в Калашный переулок — прямо за Музеем восточных культур. Пусть так дальше получится, придется сделать небольшой крюк, зато спокойнее.

Но, не пройдя и ста метров, Сергей Николаевич почувствовал вдруг, что с ним творится нечто странное. Сначала ему почему-то стало трудно идти. Каждый шаг давался с невероятным усилием, огромная тяжесть давила на плечи. Он вспомнил лесосплав на реке Ловать, когда тяжеленные мокрые бревна приходилось таскать вручную. Каждый раз казалось, что вот-вот сердце лопнет. И вот сейчас — опять...

Последнее, что он увидел, перед тем как потерять сознание, — серый выщербленный асфальт, летящий прямо в лицо. И последняя мысль была: вот, кажется, и все. А подумают — пьяный упал!

Глубоко за полночь Олег вышел из ночного клуба на Садовой. Он сунул швейцару червонец, долго надевал плащ, не попадая в рукава, запнулся о порожек и чуть не упал. Швейцар еле успел подхватить его.

— До свидания, приходите к нам еще!

— Непр-ременно, — хмуро буркнул Олег и вывалился наконец на улицу. Все его раздражало сегодня — и огни ночной Москвы, и лужи на мостовой после дождя, и проносящиеся мимо автомобили, и редкие прохожие...

Был он тяжело, мутно пьян, что вообще-то случалось с ним крайне редко. Но сегодня был особый случай — в клубе Олег встречался со старым приятелем Антоном Нечаевым, служившим теперь в налоговой полиции. Вот поди ж ты, как жизнь разводит людей в стороны — когда-то в институте вместе учились, а теперь оказались по разные стороны баррикад... Хотя какие уж там баррикады! Так, каждый делает вид, что выполняет свою работу. И почти всегда — к обоюдной выгоде.

Почти всегда, но не теперь.

Сегодня Антон поведал ему весьма неприятную новость. Оказывается, налоги придется платить со всех сумм, которые он заработал в течение этого трижды неладного года. И плевать, что дефолт был и со счета в банке удастся вытащить неизвестно что и неизвестно когда. Налоги платить придется живыми деньгами. Большой Брат своего не упустит.

Несомненно удручал тот факт, что в общем и целом год был удачный. А Олег, ощутив некоторое «головокружение от успехов», настолько расслабился, что не предпринял никаких мер по сокрытию своих доходов, за что сейчас себя особенно корил. Ну в самом деле, что стоило откатать на офшор или, на худой конец, просто обналичить? С карточкой кредитной ходить удобно показалось, пижон хренов! Не просек, мудила, что все его финансовые операции видны как на ладони.

Зато теперь придется выложить нехилую сумму. Непонятно только, где ее взять. И главное, за что?

В клубе Олег заказал одну за другой четыре порции «золотой» текилы и сейчас чувствовал себя пьяным, злым и несчастным. Машину он предусмотрительно оставил на стоянке возле офиса. Надо бы взять такси... Олег привычно поднял руку. Почти сразу рядом притормозила раздолбанная старая «Волга» с зеленым огоньком.

— Куда?

— Проспект Вернадского.

— Двести пятьдесят, садись.

Олег уже открыл дверцу — и вдруг раздумал. В голове кружилось, слегка мутило от выпитого, и нырять в прокуренное, воняющее бензином нутро автомобиля было противно. Олег решил пройтись немного, надеясь, что прохладный ночной воздух приведет его в чувство.

— Извини, командир! Езжай, я пока так...

Водитель — пожилой толстый мужик в шерстяной синей олимпийке посмотрел на него удивленно — что за псих, мол? Даже пальцем у виска покрутил.

Олег потом часто думал — а что, если бы он сел тогда в машину? Просто сел и приехал домой, лег спать, а утром пошел на работу...

И ничего бы не случилось. *Совсем* ничего, подумать только!

А пока он шел по улице, засунув руки в карманы и подняв повыше воротник плаща. Под ногами были лужи, а в голове — пустота. Очень скоро он перестал понимать, где находится. Попытался найти обратную дорогу, свернул в какой-то переулок, но вышло еще хуже. Темень кромешная, да еще и стройка...

Олег сначала чуть не провалился в какую-то яму, потом зацепился за торчащую арматуру и порвал плащ. Ну вот, еще и тут убыток! В ботинках противно хлюпала жидкая грязь, Олег осмотрелся, безуспешно пытаясь найти хоть какие-нибудь опознавательные знаки. Чувствовал он себя на редкость глупо. Только вот заблудиться еще и не хватало! Следопыт, блин. Приспичило гулять среди ночи, да еще и в подпитии. Только неприятностей искать.

Глаза уже привыкли к темноте, и Олег сумел разглядеть, что дома вокруг ветхие, нежилые, явно вот-вот под снос пойдут. Даже удивительно, как они простояли так долго. Центр ведь, земля здесь просто золотая. Не сегодня завтра снесут эти особнячки бульдозером

и выстроят какой-нибудь офисный центр или элитный дом в ложноклассическом стиле с башенками.

Олегу даже грустно стало. Ему показалось вдруг, что дома укоризненно смотрят на него пустыми окнами, будто предчувствуя скорую гибель. А белеющие в темноте фигуры атлантов и кариатид, подпирающих затейливые балкончики, и вовсе навеяли жуть. Захотелось убраться отсюда, и поскорее.

Другой вопрос — как?

Глава 3

ОПЫТ УСПЕШНЫХ ПРОДАЖ

Говорил паук мухе: заходи ко мне на обед!

Странный все-таки город Москва — многоликий, почти мистический. Каждый день сотни людей приезжают сюда, будто притянутые огромным магнитом. Если спросить зачем, расскажут самое разное. Кто-то хотел мир посмотреть, кто-то на работу устроиться, чтобы выбиться, наконец, из нищеты родного Урюпинска, кто-то — поступить в институт, выйти замуж или дубленку купить. Очень все звучит правдиво, убедительно, буднично даже...

А потом город берет их в плен, являя каждому собственный лик, и мало кого выпускает из своих цепких объятий. Никто не знает, кому доведется сделать головокружительную карьеру, а кому — просто перебиваться, зарабатывая тяжким трудом на хлеб насущный, а то и вовсе сгинуть в нищете. Какая Золушка завтра станет принцессой, выходящей из роскошного лимузина, а какая — будет торговать на рынке, отвешивая морковь и свеклу придирчивым покупателям, выгадывать копейки на подпиленных гирьках или мерзнуть, дрожа на ветру в мини-юбке, поджидая клиентов где-нибудь на Ленинградском шоссе.

В Москве роскошь и нищета, старый интеллигентский быт и «понты» нуворишей бандитского разлива существуют рядом, почти не пересекаясь, будто в параллельных мирах. Стоит сойти с проторенных троп центральных улиц, где сверкают витрины дорогих магазинов, снуют туда-сюда озабоченные менеджеры обоего пола в офисных костюмах и бродят толпами престарелые иностранные туристы в панамках и шортиках, завернуть за угол отреставрированного по-московски особняка (это когда сносят под корень, а потом строят точно такой же и вешают табличку «охраняется государством»), как оказываешься в другой реальности. Там — облупленные стены и выщербленные тротуары, там пахнет мочой, прокисшим пивом и подозрительной едой, сварганенной тут же, на мангале грязными руками какого-нибудь черноусого сына Востока. Там тусуются бомжи, дешевые раскрашенные проститутки и молодые люди крепкого сложения, у которых жующая часть лица по объему раза в три превышает часть думающую. Каждый, кто оказался в подобных местах по рассеянности или недомыслию, быстрее спешит покинуть их, спасая здоровье, жизнь и кошелек.

И хорошо, если удастся.

Есть в Москве и вовсе странные места — целые улицы домов, предназначенных к сносу. Кажется, что время здесь навсегда остановилось. В иных домах еще живут люди, упорно цепляясь за свои старые обиталища, несмотря на то что и воды нет, и штукатурка падает на голову, и трещины змеятся по стенам. Почти нечеловеческие условия пугают их меньше, чем перспектива отправиться куда-нибудь в Марьино или Южное Бутово. А те дома, из которых жильцы успели выехать, смотрят на мир пустыми оконными проемами с немим упреком — до тех пор, пока не закипит стройка вокруг и не засуетятся смуглолицые гастарбайтеры, дабы возвести очередной архитектурный кошмар из стекла и бетона. Здесь не ходят ни местные, ни пришлые, разве что иногда кто-нибудь, случайно отклонившись от привычного маршрута следования по городским джунглям, попадает сюда.

Странное впечатление производят такие дома. И странные дела иногда там творятся.

Андрей свернул в узкий проулок. На мгновение стало темно, а когда он вышел на свет

— оказался в совершенно незнакомом месте.

Узкая улочка. Вместо типовых многоэтажек кругом двух и трехэтажные дома явно дореволюционной постройки. Видно, что никто здесь уже не живет — фасады зияют пустыми оконными проемами, двери заколочены, лепнина облупилась и потрескалась. Трудно разглядеть даже, что там хотел изобразить безвестный скульптор.

Только что светило солнце, а сейчас вокруг стало сумрачно и тускло. Все серое, будто паутиной подернутое. И запах... Затхлый, пыльный, чуть гнилостный — нежилой. Так пахнут чердаки и подвалы в старых домах, предназначенных к сносу.

Андрею это место решительно не понравилось. «Куда это я забрел?» Надо бы хоть спросить у прохожих, но вокруг ни души, ни одного человека. А кровь текла из разбитого лица, в голове мутилось. Да еще тошнит, и в горле першит от пыли. Андрей ухватился за какой-то шаткий заборчик, чтобы не упасть. Еще не хватает сдохнуть тут, прямо посреди улицы.

Он огляделся по сторонам. Как хоть улица называется? А, вот табличка на доме: «Пыхов переулок, 14». Никогда о таком не слышал.

Хотя нет. Андрей вспомнил вчерашнее утро, объявление в газете «счастье оптом и в розницу», нежный девичий голосок в телефонной трубке... Точно, был именно этот адрес! Как она там говорила? В любое время дня и ночи.

Вот оно, спасение: там должны быть люди. Они, наверное, окажут ему первую помощь или «скорую» вызовут. Если уж обещают счастье всем желающим, то не могут же просто так его прогнать!

Андрей решительно шагнул к тяжелой металлической двери, выкрашенной в черный цвет, и нажал кнопку звонка. Мелодичная трель отдалась болью в голове. Сердце вдруг ухнуло вниз, будто в холодную воду. Почему-то на краткий миг захотелось бежать куда глаза глядят, лишь бы оказаться подальше от этого странного места.

Дверь распахнулась сразу же, будто его здесь ждали. Андрей осторожно шагнул через порог. Странно, вокруг — никого... Сама она, что ли, открылась? Или здесь установлена какая-то хитрая электроника? Он оказался в безликом офисном коридоре с белыми стенами, люминесцентным освещением под потолком и серым ковролином на полу. Коридор заканчивался единственной дверью.

«Сюда, наверное, — почему-то обреченно подумал Андрей, — больше некуда».

Он осторожно постучал.

— Входите, не заперто!

Кабинет оказался довольно большим и светлым. Тот же офисный интерьер — белые стены, черная мебель, серый ковролин — но явно очень даже недешевый. Контора-то, видно, богатая. И чего это они офис снимают в таком гадючнике?

Из-за стола вышел низенький, толстенький человечек с прилизанными волосами, в дорогом костюме. Лицо его выглядело так, будто его сначала долго мыли, до полного уничтожения индивидуальных черт, а потом покрыли блестящей сахарной глазурью. С такой внешностью хорошо, наверное, продавать леденцы, газировку и воздушные шарики на народных гуляниях.

Андрей бестолково топтался в дверях, а незнакомец расцвел ему навстречу такой радостной улыбкой, будто именно его он тут и дожидался всю свою жизнь.

— Добрый день! Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь. — Он указал на массивное кожаное кресло. — Чай, кофе? Может быть, коньяк?

Андрей уселся на самый краешек, стесняясь своих поношенных брюк, заляпанных грязью ботинок, а главное — разбитого лица. Глаз начал опухать, и губа все еще сочилась кровью... Он мельком глянул на свое отражение в оконном стекле — и ужаснулся. Ну и рожа! А еще в приличное место пришел.

Словно заноза, в мозгу засела мысль — что-то здесь не так. Ведь окна во всем здании давным-давно выбиты, даже рам и оконных переплетов не осталось, он сам видел с улицы! А здесь — дорогуший стеклопакет.

Но кожаное кресло приняло его в свои объятия, сидеть было удивительно спокойно и удобно, кофе в невесть откуда появившейся перед ним маленькой фарфоровой чашечке был такой вкусный, что тошнота и головная боль мигом исчезли. А главное, толстячок выглядел таким доброжелательным и приятным человеком, что Андрей поспешил себя успокоить — не заметил, наверное. Вот именно этого окна и не заметил.

Незнакомец внимательно и сочувственно наблюдал за ним, сложив перед собой пухлые розовые ручки. Маленькие такие, будто у ребенка. А сам — все говорил и говорил без передышки:

— Разрешите представиться — Шарль де Виль, коммерческий директор компании «Счастье трейдинг энд компани». Правда, — он таинственно улыбнулся, — на моей родине я именуюсь барон де Виль, но здесь можно без титула. Инкогнито, так сказать.

Он смущенно развел своими детскими ручками. Дескать, не виноват я, что барон, так уж сложилось.

— Вы можете называть меня просто Шарль, без церемоний.

Он замолчал на минуту и вопросительно посмотрел на Андрея.

— А вы как предпочитаете, чтобы к вам обращались?

— Андрей... Бочков, — еле выдавил тот внезапно севшим голосом. И зачем-то добавил: — Андрей Александрович.

— Очень приятно, Андрей Александрович! — Улыбка толстяка стала еще радостнее. Хотя, уж кажется, дальше некуда.

— М-можно без отчества.

Андрей даже засмутился — до сих пор никому не приходило в голову его так называть. Чувствовал он себя намного лучше, чем несколько минут назад, когда переступил порог этой странной конторы. «Скорую» вызывать уже не потребуется. Но как не хочется уходить отсюда!

Будто угадав его мысли, собеседник внезапно посерьезнел.

— Итак, думаю, что теперь мы с вами можем поговорить как деловые люди.

Он сделал заметный упор на слове «теперь». Заметил, конечно, его слабость, но вида, как воспитанный человек, не подал. Так, разве что чуть-чуть. Зато разговаривает вежливо, уважительно.

В поисках временного заработка Андрею уже много раз приходилось бывать в таких вот офисах и общаться с людьми, которые обращались с ним как с куском дерьма. Они смотрели сквозь него, никогда не предлагали сесть и уж, во всяком случае, не называли по имени-отчеству.

Поэтому так хотелось сидеть здесь и слушать этот голос, мерно журчащий, обволакивающий, словно кокон. А главное — хотелось верить каждому слову. И самом деле, ну может же повезти человеку! Вдруг именно сейчас он оказался «в нужное время в нужном месте»?

— Для начала я хотел бы подробнее рассказать о нашей компании. Фирма «Счастье трейдинг энд компани» существует много лет. Больше, чем вы можете себе представить.

Толстячок вдруг криво усмехнулся, и Андрей заметил, что его безупречно белые зубы имеют небольшой дефект — клыки заметно длиннее остальных зубов. Интересно, а чем они все-таки занимаются? Наркотой торгуют, что ли? Андрей беспокойно заерзал в кресле.

— Спасибо большое, наверное, мне пора...

Собеседник посмотрел на него холодно. Куда только девалась его приветливость! Розовое, отмытое до блеска, сияющее сладчайшей улыбкой лицо пухленького человечка мгновенно стало серьезным и даже суровым.

— Молодой человек, — медленно и веско произнес он, — пожалуйста, больше не перебивайте меня. Никогда не перебивайте! — Он помолчал и добавил: — А если вас интересуют дешевые подделки, вы можете обратиться в подземный переход на Лубянской площади и не занимать попусту мое время.

Андрей мигом пожалел о своей несдержанности, хотя и не высказал сомнений вслух. А

толстячок, будто спохватившись, снова натянул на лицо выражение доброжелательной приветливости и продолжал как ни в чем не бывало:

— Мы имеем филиалы по всему миру. Цель нашей компании — привлечение к сотрудничеству активных, думающих и талантливых людей с большим потенциалом, который не был по каким-то не зависящим от них причинам раскрыт до настоящего времени.

Шарль де Виль выдержал многозначительную паузу и выразительно посмотрел на Андрея. Тот даже выпрямился в кресле, почувствовав небывалый прилив гордости: о нем, значит, речь! Это он — активный, думающий и чего-то там еще! Просто ему не везло пока. По жизни не везло. Вот ведь что значит умный человек, сразу все понял.

— Мы предоставляем бесплатное обучение, соцпакет и неограниченные возможности карьерного роста. Все зависит только от вас! Со временем вы сможете занять подобающее место в структуре нашей организации.

Не иначе опять какой-нибудь «Гербалайф». Андрею даже грустно стало. А ведь так все хорошо начиналось! Сейчас этот толстенький скажет, что для начала нужно приобрести пробную партию товара долларов эдак за сто пятьдесят или принести диплом о высшем образовании. Наконец, от полной безнадёги он решился подать голос:

— А чего делать-то надо?

Толстяк пожал плечами:

— Тут простор неограничен. Наша компания предоставляет режим наибольшего благоприятствования практически в любой из сфер деятельности. Мы *гарантируем* вам полный успех. У вас... — толстяк усмехнулся, и в лице его на мгновение мелькнуло что-то хищное, как у большого кота, наблюдающего за мирно чирикающей птичкой, — у вас просто не будет другого выхода.

Андрею стало страшно. Намного страшнее, чем сегодня утром, когда он увидел Витьку-дальнобойщика в дверях Светочкиной спальни. Какая-то часть его рассудка кричала ему — беги! Беги отсюда как можно быстрее! Может быть, еще не поздно. Но он быстро справился с собой. Вот еще глупости! В кои-то веки представился небывалый случай и просто так его упустить? Нет уж. Он даже покосился опасливо на своего странного собеседника — не заметил ли тот его слабость и сомнения? А то вдруг еще передумает.

Но толстячок, называющий себя Шарлем де Вилем, продолжал:

— Итак, чего же вы хотите?

Андрей растерялся. Трудно ответить вот так, сразу.

— Ну, денег...

— Сколько? — Шарль де Виль откуда-то из воздуха достал шикарный блокнот в черной кожаной обложке с тисненым изображением большой летучей мыши, раскрыл его на середине и приготовился записывать.

— Штуку баксов! — выпалил Андрей одним духом и аж задохнулся от собственной наглости.

Но собеседник почему-то совсем не удивился. Он деловито пометил что-то на аккуратно разграфленной странице блокнота, потом поднял глаза на Андрея и деловито переспросил:

— В день?

Видали такое? Интересно, он что, сумасшедший или из Америки приехал? Может, там кто и зарабатывает такие бешеные бабки. А здесь кто их имеет? Разве что олигархи какие-нибудь.

Что же, как говорится, дают — бери, а бьют — беги. Андрей проглотил вязкую слюну и кивнул.

— Хорошо. Что еще?

Вот тебе и раз! А что еще надо-то?

— Вы хотите только денег? — Шарль де Виль удивленно поднял брови.

Андрей снова кивнул, чувствуя себя полным идиотом.

— Денег как таковых или вы их собираетесь каким-то образом тратить?

Час от часу не легче! Конечно, деньги нужны, чтобы их тратить, зачем же еще?

— Так что же вам *действительно* нужно?

Андрей задумался.

— Ну тачка шикарная, квартира, жратва, выпивка... Еще девочки там, кабаки, клубы — чтобы на все хватало!

Андрей все говорил и говорил... Он представлял себе красочные картины той прекрасной жизни, которой у него не было никогда, потому что все это было ему недоступно, и почувствовал, как горло стали схватывать спазмы, а к глазам подступили горькие, обжигающие слезы. Ну, почему так несправедлива жизнь? Почему одним — все, а другим — два нуха и мешок дыма в придачу?

А толстячок все кивал и записывал что-то в своем блокноте.

Андрей наконец осекся, голос его прервался, и он почувствовал, что плачет. Шарль де Виль поднялся, обошел громоздкий офисный стол и сел рядом с ним. Он положил ему на плечо пухлую розовую руку и тихо так, задушевно спросил:

— И почему же у тебя всего этого нет до сих пор? Что тебе мешает? И... почему ты в такой заднице, сынок?

Андрей отпрянул и подозрительно, исподлобья посмотрел на него. Издевается он, что ли? Но толстячок смотрел так сочувственно и ласково, что Андрей даже не обиделся. Он вдруг закрыл лицо руками и забормотал невпопад, размазывая слезы по лицу:

— Откуда? У других... Мамы, папы, мохнатые лапы везде... и все схвачено... А я? Что я могу? Отца нет, мать все ноет только... Деньги нужны, без блата никуда не сунешься... За копейки уродоваться надоело!

Слова вырывались из горла вместе с рыданиями, и чем дольше он говорил, тем больше сам себе верил. Появилось ощущение жизни, безжалостно загубленной злыми, несправедливыми людьми и неудачными обстоятельствами. И так стало жалко себя!

А Шарль де Виль сидел рядом, кивал и даже как будто слегка поглаживал его по плечу.

— Если я правильно понял, ты стал жертвой ряда обстоятельств, от тебя не зависящих. С самого начала тебе не очень-то повезло. К сожалению, мы живем в несправедливом мире. *Очень* несправедливом.

Андрей преисполнился огромной благодарности к этому маленькому странному человечку. Ведь он — первый, кто понял его по-настоящему! Первый, кто не читает нотаций с умным видом, не изрекает прописных истин и не учит, как жить.

Просто — понимает.

Он с готовностью закивал — все так, мол. А Шарль де Виль потер свои маленькие ручки и спросил:

— А если бы судьба была к тебе более благосклонна? Если бы не приходилось думать о куске хлеба каждый день — что бы ты делал тогда? Чем бы ты *хотел* заниматься по-настоящему?

Андрей не понял.

— Как чем? Ну, гулял бы, с друзьями бухал, развлекался, по клубам ходил...

— И это все? — Шарль де Виль лукаво прищурился. — Не надоест?

А ведь и правда! Так и спиться недолго. Андрей задумался надолго. Почему-то в голове упорно крутился дурацкий стишок Маяковского: «У меня растут года, будет мне семнадцать. Кем работать мне тогда, чем заниматься?»

Вот в самом деле — чем?

— Ну, бизнес, наверное, какой-нибудь открыл... — неуверенно протянул он.

Шарль де Виль оживился, даже вперед подался.

— Бизнес? В самом деле? Очень интересно. Так какой же именно?

— Магазин там, например, или автосервис... может, кафе или ресторан.

Андрей говорил тихо и робко, будто сам себе не верил. О бизнесе он имел крайне смутное представление. И Шарль де Виль, конечно, это заметил. Он остро глянул ему в глаза и спросил:

— А ты уверен?

Андрей покачал головой и честно ответил:

— Нет.

— Так что же, — толстячок как будто начал сердиться, — есть же хоть что-нибудь в этом мире, что интересно тебе?

— Ну, я это, — Андрей шмыгнул носом и утерся рукавом, — рок-музыку люблю. Круто.

— Рок-музыку, говоришь? — Де Виль задумчиво побарабанил пальцами по столу. — А что, мысль интересная!

Он снова расцвел лучезарной улыбкой, будто наконец нашел решение сложной задачи, и закончил уже совсем весело:

— Значит, рок-музыку!

Он вытянул вперед маленькую пухлую ладошку.

— Вот так примерно, да?

На белой стене перед ним неизвестно откуда появилась огромная плазменная панель. Андрей как-то видел подобное чудо в магазине «Техносила», долго ходил кругами, пока охранник не стал подозрительно на него коситься, и прикидывал в уме — кто же может себе такое позволить? Бабок стоит немерено!

На экране бесновалась толпа молодых людей. Шел рок-концерт на Васильевском спуске. Парни и девчонки отрывались по полной программе — раскачивались в такт музыке, подпевали, некоторые умудрялись танцевать в такой тесноте, другие сажали девушек себе на плечи.

Музыка кончилась. На сцену выскочил ведущий — вертлявый парень в оранжевой майке с надписью «Вау!» на груди и ярко-зеленых штанах. Он схватил микрофон, будто собирался проглотить его, и пронзительно завопил:

«Итак, наступил долгожданный момент! Сегодня с нами... — он выдержал эффектную паузу, — певец Андреян Орловский и группа „Ночной кошмар“! Встречайте!»

Толпа радостно взывала. Вальяжной, чуть развалистой походкой на сцену вышел высокий широкоплечий парень в черных джинсах и кожаной рубашке с завязками у горла. Сзади другие музыканты возились с аппаратурой и инструментами, но их никто не замечал. Все взгляды были устремлены на него. А ведь и правда хорош! Слегка выющиеся золотисто-каштановые волосы небрежно падают на лоб. Большие синие глаза смотрят насмешливо, с легким прищуром. Движения чуть ленивые, но в теле чувствуется немалая физическая сила и ловкость. Но главное — в лице, глазах, повороте головы Андрей увидел что-то очень знакомое.

Парень вскинул вверх сжатый кулак правой руки.

«Привет вам, люди!»

Толпа взывала снова. Он подождал немного и весело спросил:

«Так мы орать будем или песни петь?»

И, обернувшись к своим, тихо сказал:

«Пацаны, гитару дайте».

Да, классный чувак! Андрей смотрел на него во все глаза. Наконец, он на мгновение оторвался от экрана и спросил:

— А кто это?

Шарль де Виль наблюдал за ним с легкой снисходительной усмешкой.

— Не узнаешь? Это же ты!

Потрясенный, Андрей снова уставился в экран. А ведь и правда!

Звук пропал, изображение стало тусклым, оно расплывалось постепенно и наконец исчезло окончательно. Экран погас. Потом он куда-то делся, и перед глазами снова осталась только белая стена и ничего больше.

— Ну что, понравилось? — заботливо осведомился Шарль де Виль.

— Да, еще как!

И он еще спрашивает! Разве *такое* может не понравиться? Андрей был готов на что угодно, лишь бы снова увидеть себя таким — уверенным, мужественным, окруженным безграничным обожанием зрителей.

— Хорошо. Тогда мы можем поговорить о деталях нашего будущего сотрудничества. — Толстячок заговорил официально, даже на «вы» снова перешел. — Мы предоставляем вам уникальный шанс прожить другую жизнь. Например, такую, как вы только что могли наблюдать.

— Когда? — У Андрея пересохло в горле. О таком он и мечтать не мог.

— Сразу после того, как мы подпишем контракт, — спокойно отозвался Шарль де Виль. — Порядок есть порядок. Сами понимаете.

Перед Андреем на столе появился лист бумаги. Он успел еще заметить, что бумага какая-то необычная — толстая, желтоватая, с маленькими розовыми прожилками. Наверное, от волнения буквы плыли перед глазами, и Андрей никак не мог прочитать этот странный документ.

— А что... здесь написано?

— Форма стандартная. Я, нижеподписавшийся, в обмен на исполнение моих желаний... Здесь вот, в скобочках свободное место, нужно вписать... находясь в здравом уме и трезвой памяти, добровольно и без принуждения отдаю свою бессмертную душу в пользу бенефициара, то есть компании «Счастье трейдинг энд компани». Число... Подпись... С подлинным верно. Формальность, конечно, но наша фирма очень чтит традиции.

Андрею стало не по себе. В церковь он не ходил, в Бога не верил и о существовании бессмертной души никогда не задумывался. К тому же рос Андрей в те годы, когда в школах еще свирепствовала антирелигиозная пропаганда. «Гагарин летал, а Бога не видал!» И все-таки, все-таки... А вдруг *там* что-то есть?

— Я должен это подписать? — спросил он внезапно дрогнувшим, каким-то детским голосом.

Шарль де Виль пожал плечами. В лице его появилось отстраненное, безразличное выражение. Так хорошая хозяйка смотрит на тараканов в чужой кухне — меня это, конечно, не касается, но все-таки неприятно.

— Да нет, ничего ты не должен. Можешь оставаться тем, кем был раньше. Выход прямо перед тобой.

И он демонстративно отвернулся, зашуршал бумагами на столе.

— Приятно было побеседовать. Я вас больше не задерживаю.

Эх, была не была! Андрей схватил со стола очень кстати здесь оказавшуюся авторучку и размашисто расписался в самом низу страницы. Он еще успел удивиться, что чернила были кроваво-красные и почти сразу прожгли толстую бумагу почти насквозь.

Потом все вокруг закружилось и исчезло. Черный клубящийся вихрь подхватил его и швырнул в темноту. Стало трудно дышать, Андрею даже показалось на мгновение, что он умирает. Потом он как будто шлепнулся со всего размаху во что-то мягкое...

И проснулся.

Вилен Сидорович шел по тропинке через пустырь. Проклятая сумка подпрыгивала на каждой колдобине и противно скрипела. Почему-то идти пришлось очень далеко, и он быстро выбился из сил. А казалось-то поначалу — рукой подать... Он уже поругивал себя за неосмотрительность. Ведь правду говорят — дурная голова ногам покоя не дает! Ну, что бы стоило автобуса подождать?

Он оглянулся. Нет, возвращаться тоже далековато.

А солнце уже припекало. Надо же — осень, а какой теплый день выдался! Над пустырем висел туман. Сухие травы тонули в молочно-белой пелене, и даже остов недостроенного стадиона (ах да, точно! Это же стадион был) казался сказочным воздушным замком из старой детской книжки, покоящимся на облаках.

Вилен Сидорович прищурился. Это даже не туман как будто, а какое-то странное

маревое, состоящее из целого роя стеклянных мушек, сверкающих на солнце. Он шагнул в это живое, шевелящееся облако и почувствовал, что теряет сознание. Вот она, гипертония — чуть понервничал, и уже приступ! Вилен Сидорович вспомнил наглую девицу в метро и чуть не заплакал от обиды и унижения. Туман сгустился вокруг него, потом мухи стали черными...

Где-то здесь, в нагрудном кармане, должны быть таблетки. Дрожащими пальцами Вилен Сидорович потянулся за лекарством. Ах, вот, слава богу. Теперь под язык, осторожненько, и надо подождать, пока подействует, глаза прикрыть даже можно, отдохнуть...

Лекарство подействовало неожиданно быстро. Дурнота прошла, Вилен Сидорович открыл глаза — и снова зажмурился. Почему-то под ногами вместо утопанной земли был выщербленный, потрескавшийся асфальт, и только кошелка на колесиках все так же стояла рядом, как верный пес. Может, показалось? Он открыл глаза снова — медленно, осторожно, как в далеком детстве, когда с ребятами играли в прятки во дворе. Пожалуйста, ну пусть все будет как раньше!

Бесполезно. Пейзаж вокруг него был другой, совсем другой. Вместо яркого солнца — пасмурное небо, затянутое серыми облаками. Вместо пустыря — узкий переулок, вплотную застроенный старинными особняками. Только в центре и сохранились такие.

«Как это я сюда попал?» Вилен Сидорович пребывал в полном недоумении. Неужели он каким-то образом смог проехать пол-Москвы в бессознательном состоянии и даже не помнить как? Не дай бог, старческий маразм начинается.

Он решительно двинулся вперед. Так или иначе, надо возвращаться домой. Плохо только, что он совершенно не представлял себе, где находится. Как назло, кругом ни души, даже дорогу спросить не у кого.

Ему показалось, что в окне мелькнул свет. Значит, здесь все-таки есть кто-то! Он поднял голову и прочитал на табличке: «Пыхов переулок, 14». Знакомое название. Где-то он слышал его совсем недавно.

Вилен Сидорович задумался. Почему-то вспомнить, откуда он знает название переулочка, показалось ему вдруг очень важным. Слово «маразм», внезапно всплывшее в мозгу как красный сигнальный флажок, и перспектива провести остаток жизни в интернате среди выживших из ума стариков и старух так напугали его, что он отчаянно цеплялся за каждый лоскуток памяти. Хотя бы себе самому хотелось доказать, что он еще в своем уме. Буквально по минутам он вспоминал сегодняшний день. Так заядлый курильщик ищет завалявшуюся в пачке последнюю сигарету. Вроде бы ничего особенного и не было — встал, позавтракал, с Крошкой погулял...

А да! Газета! Это те жулики, которые счастьем торгуют. Вилен Сидорович вспомнил — и обрадовался.. Ноги уже сами несли его к черной железной двери. Когда он нажимал на кнопку звонка, и сам не понимал толком, чего, собственно, хочет — скандал устроить, как собирался давеча? Или дорогу спросить? Или... просто удостовериться, что все это ему не приснилось? Дверь открылась сразу. Вилен Сидорович поколебался еще немного — и зашел внутрь. Замок с противным лязгом захлопнулся у него за спиной. Даже неудобно как-то стало — и что теперь делать? Несколько минут он стоял, глядя по сторонам. Нет, на бордель совсем не похоже — все строго, солидно, ничего лишнего. Коридор заканчивался массивной дверью с табличкой «директор». Вилен Сидорович все еще раздумывал, что делать дальше, когда дверь чуть приоткрылась.

— Вы ко мне? Проходите, пожалуйста.

На пороге стоял невысокий, лысоватый, приветливо улыбающийся мужчина в строгом костюме. Ну вылитый Алексей Федорович — председатель профкома на заводе! Тот тоже был такой — улыбчивый, вежливый, простой и никогда зря не морил народ в приемной.

Вилен Сидорович прекрасно понимал, что это ошибка и приятный человек принял его за кого-то другого. Нет у него никаких дел здесь и быть не может. Но так захотелось зайти, побеседовать, почувствовать себя нужным и интересным для кого-то хоть ненадолго!

Он аккуратно прислонил свою кошелку к стене. Тащить ее за собой показалось неудобно. Авань не сопрут, люди солидные.

Хозяин кабинета жестом указал на массивное кожаное кресло.

— Присаживайтесь. Может быть — чай, кофе? Вилен Сидорович промычал что-то невнятное. А в самом деле — хорошо бы сейчас чайку горячего! И не этой гадости в бумажных пакетиках, что воняют какой-то парфюмерией. Того, настоящего, из пачки со слоном, что раньше в заказах к празднику давали.

Прямо перед ним на столе вдруг оказался стакан с чаем в серебряном подстаканнике. Он как будто появился прямо из воздуха, но Вилен Сидорович даже удивиться не успел. Его собеседник, сидя напротив него, жмурился как кот, прихлебывая такой же чай из такого же стакана:

— Люблю, знаете, настоящие напитки! Простите, не знаю ваших вкусов, потому и взял на себя смелость предложить то, что сам пью обычно. Никакой суррогат не сравнится! Вы согласны?

Вилен Сидорович кивнул. Чай действительно был выше всяких похвал. Даже Зина-покойница такой заваривать не умела.

— Ох, простите, — спохватился вдруг хозяин, — забыл представиться. Меня зовут Шарль де Виль.

Вилен Сидорович сразу напрягся. Иностранец? Этого еще не хватало! А вдруг — шпион? Он так разволновался, что даже чай пролил себе на колени. Отставив злополучный стакан подальше, он осторожно спросил:

— Сами-то издалека будете? А откуда так хорошо по-русски говорите? Учились?

Его собеседник добродушно махнул рукой. Казалось, он не заметил настороженности, почти враждебности в тоне вопросов.

— О да, издалека! Знаете, какой переменчивой иногда бывает жизнь? Но вырос-то я здесь, под Москвой, в детском доме МОПРа. Слышали про такие? Так что здесь моя, как говорится, вторая родина. А если разобраться — так и первая.

Вилен Сидорович наморщил лоб, пытаясь вспомнить. Верно ведь, было такое! В газетах писали про специальные детские дома, где воспитывались сыновья и дочери иностранных коммунистов, жестоко преследуемых на родине за свои убеждения. И такой гордостью наливалось сердце за свою страну — самую лучшую, самую великую и справедливую в мире, которая через огромные расстояния протягивает руку помощи всем угнетенным и обездоленным! Тогда у пионерских костров пели песню про веселого барабанщика, и казалось, что совсем чуть-чуть осталось до торжества мировой революции. Что совсем скоро рабочие поднимутся против угнетателей — помещиков и капиталистов, и наступит время Всемирной республики Советов... Даже обидно было — ну почему они медлят? Зачем терпят эксплуатацию?

— «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо...» — тихонечко напел Шарль де Виль. — Хорошая песня! Детство — оно ведь не забывается. Счастлирое было время. — Он помолчал недолго, чуть улыбаясь, будто погруженный в приятные воспоминания. Потом заговорил снова — медленно, с чувством: — Столько лет прошло, но я все равно остался убежденным марксистом. Скажу вам откровенно — просто больно смотреть, что происходит сейчас в Советском Союзе! Простите — бывшем Союзе. Даже название не смогли удержать. Люди отказались от ценностей, ради которых боролись и умирали их отцы и деды. Все поклоняются чистогану, просто помешались на деньгах. А что в результат?? Преступность, наркомания, СПИД... Вы уж простите меня за резкость, но скажу откровенно — страна просто катится в пропасть!

Вилен Сидорович смотрел на него не отрываясь. Это же надо — иностранец, а как все правильно понимает! Сразу видно, умный человек.

— А пожилые люди вроде нас с вами зачастую оказываются несправедливо забыты. Брошены на произвол судьбы, так сказать. Оставлены на обочине жизни, — продолжал он, явно увлекшись этой темой.

Ну, «вроде нас с вами» — это он загнул, конечно. Больше пятидесяти на вид ему не дашь. Ишь, гладкий какой... Хотя кто их знает — там, за границей-то?

— Но поверьте, не всем безразлична эта вопиющая, я бы сказал, ситуация. Наша компания представляет собой общественное объединение на добровольных началах, которое ставит своей целью помощь людям, которые не смогли или не захотели по тем или иным причинам вписаться в дикий капитализм. Настоящим ЛЮДЯМ.

Он испытующе посмотрел на него:

— Надеюсь, вы меня понимаете?

Вилен Сидорович слушал его, почти не дыша, боясь пропустить хоть слово. Неужели — правда? Он боялся поверить, а так хотелось!

— Это что, вроде комитета ветеранов, что ли? — осторожно спросил он.

Его собеседник неопределенно пожал плечами:

— В общем, да. Что-то вроде того. — И непонятно добавил: — В том числе. — Потом деловито раскрыл толстый блокнот: — Итак, я вас внимательно слушаю. Чего вы хотите? Точнее — чем я могу вам помочь?

Вилен Сидорович не нашелся что ответить. Трудно ведь вот так, сразу...

— Ну, это... Чтобы пенсию прибавили!

Шарль де Виль пометил себе что-то и деловито переспросил:

— На сколько?

— Ну... Тыщи на две!

— Простите, я должен уточнить — две тысячи чего?

— Рублей, конечно! Не копеек же, — выпалил изумленный пенсионер и сразу же пожалел об этом. А вдруг бы долларами заплатили? Чем черт не шутит!

— Так, хорошо. Что еще?

Вилен Сидорович молчал, глядя в пол. То есть на языке вертелось еще много чего — и продуктовые заказы, и хорошая ведомственная поликлиника, и из лекарств чтобы бесплатно выдавали в аптеке не только самые дешевые... Но Вилен Сидорович вдруг ясно ощутил, что все это — не то, что нужно. Не то, о чем стоит думать и говорить сейчас.

А собеседник его шелестел бумагами на столе и вроде бы даже не обращал на него внимания. Что-то просматривал, подшивал степлером, раскладывал в папки... И тихонечко мурлыкал себе под нос:

Средь нас был юный барабанщик,

В атаку он шел впереди.

С веселым другом барабаном...

Вилен Сидорович почувствовал, что краска стыда заливает ему щеки. Только что осуждал рвачей и хапуг, у которых деньги — главное в жизни, а сам-то чем лучше? Пенсию прибавить... Ведь что могут изменить все эти подачки? Лишний килограмм колбасы купить можно будет? А зачем? И никакие лекарства не сделают его молодым и сильным. И ничего не изменится — как правила в стране жулики, так и будут править.

Однажды ночью на привале

Он песню веселую пел,

Но, пулей вражеской сраженный,

Допеть до конца не успел.

Слушая эту песню, Вилен Сидорович ощутил такую тоску по своей молодости, по друзьям, работе — всему, что окружало его тогда. И Зина была молодой и веселой, и ходили они вместе в кино, на танцы в клуб, на первомайские демонстрации... Трудно жили, но весело!

Вилен Сидорович почувствовал в горле большой, горький шершавый комок. И глаза

какие-то подозрительно мокрые... Он смахнул слезу рукавом и твердо сказал:

— Ну ее, эту пенсию. Ничего мне не надо.

Шарль де Виль поднял глаза от своих бумаг:

— Вот так-таки и ничего? Совсем?

— Совсем.

— То есть вы вполне довольны тем, как живете сейчас? Примите мои поздравления, вы — счастливый человек!

Вилен Сидорович только рукой махнул:

— Да нет... Какое уж там — доволен! Только не нужны мне подачки.

Шарль де Виль возмущенно всплеснул руками:

— Что вы! Кто говорит о подачках? Мне очень жаль, если вы меня поняли именно так.

— А что же тогда?

— Вот это уже деловой разговор. — Шарль де Виль снова раскрыл свой блокнот. — Я хочу знать, чего вы *действительно* хотите.

— Чего я хочу — то невозможно.

— Ну, например.

— Ну... хочу опять быть молодым!

— Когда — сейчас?

Ну уж нет! Вилен Сидорович даже испугался немного. Так хоть пенсию платят, немного, зато регулярно, а если молодой — шалишь, не будут больше! И что тогда делать? На завод не пойдешь, стоят они, а торговать и воровать — не приучен.

— Вы хотите снова оказаться в прошлом?

Вилен Сидорович задумался. А ведь пожалуй что и нет! Только в детстве и ранней юности было у него ощущение себя как части чего-то большого, мудрого и значимого, великое чувство восхищения и любви к своей стране — и одновременно принадлежности к ней. Куда все это ушло потом? Пропало, испарилось, разменялось на мелкие житейские дразги, наверное, мучительно было бы жить и знать, что все скоро кончится. Снова пережить крушение идеалов — участь незавидная.

Видимо, сомнения отразились на его лице, и Шарль де Виль это заметил. Он подумал немного и серьезно спросил:

— А если бы и прошлое можно было изменить — что бы вы сделали?

Вилен Сидорович вспомнил холодный промозглый мартовский день в пятьдесят третьем году, когда объявили по радио: «С глубоким прискорбием... после тяжелой болезни...» И плакали старики, плакали девушки, весь мир казался осиротевшим. Даже непонятно было — как теперь жить? Как жить, если *он* умер?

— Да если бы Сталин не умер в пятьдесят третьем... — ответил он и осекся. Слезы душили его — впервые, пожалуй, за долгие годы. Такой человек, а вот не уберегли!

Его собеседник сразу оживился:

— Да, незаурядный был человек! *Великий*, я бы сказал.

Шарль де Виль произнес эти слова вполне серьезно, но по лицу его пробежала нехорошая усмешка. Пенсионера Поликарпова это сначала покорило немного, но он вскоре успокоился. Ну, может, просто нервный тик у человека!

— А если бы он был жив? И даже бессмертен?

— Ну, тогда бы, наверное, уже коммунизм построили! — Вилен Сидорович почувствовал, как у него просто дух захватило от такой перспективы. — Были бы заводы, фабрики... Реки бы повернули вспять! Пустыни бы оросили! За Полярным кругом яблони бы цвели! Эх, да что там говорить — великая была бы страна.

Вилен Сидорович подумал немного и добавил:

— И уж точно, не дожили до такого позора, чтобы капиталистам кланяться и у немцев гуманитарную помощь принимать. Это же мы их победили! А теперь выходит — что они нас.

Шарль де Виль посмотрел на него с уважением:

— Да, картина впечатляющая. Знаете, редко приходится встречать человека, который думает об общественном благе.

Вилен Сидорович даже приосанился:

— Нас всегда так учили. Общественное — выше личного!

— Хорошо. А какова была бы ваша жизнь? В ней бы, наверное, тоже что-то изменилось?

— Да, конечно. Уж до такой старости собачьей не дожил бы! Жил бы, работал... Токарь-фрезеровщик шестого разряда — это вам не баран чихнул. Техника-то шагала вперед о-го-го как! Каждый год производительность росла, планы перевыполняли. Цены снижали, между прочим, регулярно! И все, заметьте, своими силами, без всяких там умников-иностранцев, что сейчас понаехали.

Вилен Сидорович осекся и осторожно посмотрел на своего собеседника — понял, что сказанул лишнего. А ну как обидится? Но тот, казалось, даже не заметил, только записывал что-то в свой блокнот. Вилен Сидорович успокоился и бойко продолжал:

— Зарплату бы хорошую получал. Жили бы с Зиной в центре, в отдельной квартире, а не в этих... загопинских выселках. От каждого, как говорится, по способностям, каждому — по труду. Детей бы завели двоих — мальчика и девочку, — он вздохнул, — так-то нам детей, как говорится, Бог не дал.

— Бог? — Шарль де Виль искоса посмотрел на него.

Вилен Сидорович отвел глаза. Как он только догадался? Бог действительно тут был ни при чем. Зина забеременела в пятьдесят пятом, через год после свадьбы. Жили тогда в коммуналке, тридцать душ на пять комнат.

Какие дети! Хорошо еще, как раз тогда аборт разрешили... Зина пошла в медсанчасть при заводе, вернулась через три дня бледная, как смерть, легла на кровать, повернулась лицом к стене, долго плакала и разговаривать не хотела. А потом — не получалось больше.

— Ну, Бог там или не Бог... Словом, не было у нас детей.

— Хорошо, — Шарль де Виль покладисто кивнул, — значит, если я правильно понял вас, пожелания следующие: Сталин — бессмертен, страна живет и развивается по намеченному им курсу, вы — ценный сотрудник гиганта индустрии, у вас есть квартира, хорошая зарплата, семья, уважение в обществе... Все так?

— Так. — Вилен Сидорович сжал потные ладони. Господи, чего еще желать-то? Но почему-то ему вдруг стало страшно.

— Если условия вас устраивают, мы можем поговорить об оплате.

Вот тебе и раз! Вилен Сидорович опешил даже. Какая оплата? Сначала ведь помочь обещали!

— Нет у меня денег, — буркнул он.

— А кто говорит о деньгах? Я вполне понимаю, что у честного человека в наши дни их нет и быть не может. Да и как можно оценить деньгами, если человек душу вкладывает в свою мечту?

— Ну и что? — Вилен Сидорович посмотрел на него исподлобья. «Что-то темнит иностранец, ой темнит! Я бы тоже душу продал за такое, да кто ее возьмет?»

— Я, — Шарль де Виль смотрел ему прямо в глаза и говорил совершенно серьезно, — я согласен купить вашу душу.

Бог ты мой, да он сумасшедший! Вилен Сидорович всполошился. «Надо же, казался таким приличным человеком. А я-то, старый дурак, сiju, уши развесил. Уходить надо, и побыстрее».

— Ну спасибо за чай, приятно было познакомиться, я, пожалуй, пойду... — Он пытался встать, но почему-то не смог.

— Не смею вас задерживать, — вежливо ответил Шарль де Виль, сложив руки на груди и чуть откинувшись в кресле.

А Вилен Сидорович все медлил, все не уходил, словно незримая, но мощная сила

держала его здесь. Да что уж там говорить — уходить ему совсем не хотелось.

А этот чертов иностранец смотрел на него и чуть-чуть улыбался. Будто знал, что никуда он не уйдет, что сейчас ему легче поверить в самую нелепую выдумку, чем вернуться опять в свою скучную, вымороченную жизнь. Наконец, пенсионер сдался.

— Что делать-то надо? — угрюмо спросил он.

— Да ничего особенного. Просто подписать — вот здесь.

Вилен Сидорович взял протянутую ручку и листок бумаги. Руки дрожат, буквы расплываются, без очков он ничего не видел, но почему-то ему было уже все равно.

— Где расписаться-то?

— Вот здесь, где галочка.

Оля медленно шла по Цветному бульвару, подставляя лицо нежарким лучам осеннего солнца. Она и вспомнить не могла, когда в последний раз вот так гуляла среди дня по городу, никуда не спеша. А то все бегом да бегом...

Она шла и думала — как же быстро может все измениться в жизни! Вот только что была безработной и не знала, что делать дальше, а прошло всего полдня — и как-то само собой все устроилось. За долгие годы она привыкла к мысли, что все хорошее в жизни дается после упорных усилий, труда и пота. А здесь — один телефонный звонок, дружеская встреча, беседа за «жизнь» — и проблемы как не бывало! Да еще такие перспективы открываются, о которых она раньше и не мечтала. Зарплата всего пятьсот долларов! И она изволила согласиться! Не признаваться же было Маргоше, что на прежнем месте она получала триста, и то в рублях по курсу, который благополучно канул в вечность.

Занятая своими мыслями, Оля давно миновала станцию метро «Цветной бульвар» и дошла почти до Трубной площади, когда совсем рядом услышала резкий, чуть гортанный мужской голос с кавказским акцентом:

— Дэвушка, ты пачиму такой красывый и адын?

Оля обернулась и увидела, что по проезжей части за ней медленно едет довольно потрепанный «ниссан-альмеро». Водитель — смуглый черноволосый и горбоносый мужчина с усами лет сорока на вид — высунулся из машины чуть ли не по пояс.

— Я сегодня тоже адын, и мой друг адын! Иды к нам, всем хорошо будет!

Оля даже не сразу сообразила, что приглашение обращено именно к ней. Все-таки не зря мама говорила — не надо вызывающе одеваться! Оля в испуге прижалась к стене, а мужчина, отъехав чуть вперед, остановился и приоткрыл дверцу машины. Надо же, их там и в самом деле двое.

— Дэвушка, иды сюда, что там стоишь, сколько я еще тебя звать буду! Чего боишься, пойдем в рэсторан, покушаем, вэсэло будет! Иды давай!

Оля свернула в первый же переулок — быстрым шагом, почти бегом. Успела еще заметить табличку «1-й Колобовский пер.». Колобок, колобок, я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, и от тебя уйду... Оглянувшись, заметила, что машина по-прежнему следует за ней. Она не сразу поняла свою ошибку, ведь на бульваре полно людей, а здесь никого, и затащить ее в машину будет легче легкого. Оля уже бежала. Нырнула в какую-то арку — проходной двор, потом узкий проулок... Наконец, она оказалась в тесном дворике-колодце, из которого не было другого выхода. А шум мотора все ближе и ближе...

Оля испугалась по-настоящему, зачем-то оглянулась. «Где это я? Ах, вот, Пыхов переулок, 14. Знакомый какой-то адрес. Откуда же я его знаю? Точно! Объявление в газете! Сама же звонила утром».

Она решительно шагнула к черной железной двери. «Вот где можно укрыться от преследования! Брачная там контора или не брачная — значения не имеет, в крайнем случае просто объясню ситуацию и попрошу о помощи. Только бы там был кто-нибудь!»

Ольга нажала кнопку звонка. Ну, скорее же, скорее! Дверь чуть приоткрылась, как будто специально для того, чтобы впустить ее, и тут же захлопнулась за спиной. Фу-у! Теперь можно отдышаться. Она чувствовала, как по спине стекает струйка пота, волосы

растрепались, и косметика размазалась, наверное. А, вот зеркало на стене, можно хотя бы слегка привести себя в порядок.

Оля пригладила растрепавшиеся пряди и чуть улыбнулась своему отражению. В общем-то, ничего страшного, хорошенькая даже — щеки покраснелись и глаза блестят...

Она огляделась. Вокруг никого не было — ни секретарши, ни охранника, ни других сотрудников. «Кто же тогда меня впустил? И есть ли здесь вообще хоть кто-нибудь?»

— Добрый день, проходите, пожалуйста! — услышала Оля прямо у себя за спиной. Вежливый такой, доброжелательный, очень располагающий мужской голос. Она обернулась и прямо перед собой увидела маленького, толстенького человечка с гладким, розовым, почти детским лицом.

Странно только почему он не отражался в зеркале? Или просто она не заметила?

А человечек все говорил и говорил без умолку:

— Проходите, пожалуйста, вот сюда, в мой кабинет, здесь нам будет удобнее. Присаживайтесь, располагайтесь. Как вы добрались? Легко нас нашли? Адрес, конечно, есть, но Москва — такой странный город! Очень нелогичный, но все же прекрасный.

Он правильно и гладко изъяснялся по-русски, но в его речи присутствовал легкий иностранный акцент. Оля никак не могла разобрать, какой именно. И почему-то эта маленькая особенность казалась ей очень симпатичной — немного смешной и милой, создавала ощущение комфорта и безопасности.

— Другие города — строились, а Москва — росла, как живое существо. Только здесь есть Кри-во-ко-лен-ные переулки! — Человечек выговорил по слогам это длинное, трудное для иностранца слово и посмотрел на нее с гордостью — знай, мол, наших! — Москва — необыкновенный город, она живая и красивая. Наверное, поэтому и женщины здесь необыкновенные.

Ну вот! А так все хорошо начиналось. Оле стало немного страшно — а не попала ли она из огня да в полымя? И многим ли отличается этот улыбчивый коротышка от двух джигитов в потрепанном «ниссане»? А вдруг...

Будто уловив ее волнение, собеседник вдруг спохватился:

— Простите, я не представился. Шарль де Виль, коммерческий директор фирмы «Счастье трейдинг энд компани».

Он встал, как-то очень по-старомодному щелкнул каблуками и склонился в легком поклоне. И это тоже вышло смешно и мило. Оля сразу успокоилась.

— Название, конечно, несколько экстравагантное, зато оно в полной мере отражает суть деятельности нашей компании, и в самом деле, разве не в том состоит счастье для каждого человека, чтобы встретить свою судьбу?

Он помолчал, испытующе глядя на Олю. Надо же, какой тактичный и вежливый человек! Это не объявления в газете, где тебя оценивают как лошадь на базаре: возраст-рост-вес-глаза-волосы-дурные привычки...

— Правда, не каждому это удастся. К тому же иногда жизненные обстоятельства складываются не самым благоприятным образом. Например, работа занимает много времени или нужно заботиться о своих близких... Или просто воспитание не позволяет размениваться на случайные связи. Согласитесь, такое часто случается в наши дни!

Оля кивнула. Что правда, то правда. Выходит, не она одна такая? А коротышка продолжал:

— Так и получается, что умные, симпатичные, порядочные мужчины и женщины порой оказываются в невыгодном положении по сравнению с людьми более примитивными, эгоистичными, даже корыстными.

Тоже верно. Оля вспомнила соседку Катерину — вот уж кто не страдал от одиночества! Кавалеры у нее менялись примерно раз в квартал — не считая, как она выражалась, «легких увлечений». При этом она нигде не работала, пребывая в твердой уверенности, что мужчины должны не только водить ее по ресторанам и ублажать в постели, но и обеспечивать все прочие насущные потребности. С грустью приходится признать, что она была совершенно

права... Веселая соседка ходила зимой в норковой шубке, а летом — в простеньких, но ужасно дорогих платьицах, в ушах и на пальцах у нее всегда поблескивало что-нибудь недвусмысленно драгоценное, и продуктами она отоваривалась в супермаркете, а не на оптовом рынке. И — что уж там греха таить! — иногда, наблюдая, как она садится в очередную иномарку у подъезда, Оля ловила себя на нехороших, завистливых мыслях.

— Жизнь иногда действительно бывает несправедлива И наша цель — исправить эту несправедливость!

Фраза прозвучала несколько высокопарно, но Оля не обратила на это внимания. Она слушала как зачарованная, находя в словах собеседника отражение собственных мыслей. А он вдруг замолчал и вопросительно посмотрел на нее:

— Теперь, моя дорогая, я готов выслушать ваши пожелания.

Оля не сразу нашлась что ответить. Трудно было сказать вот так, вслух: я хочу познакомиться с мужчиной! А потом как? Листать альбом с фотографиями, выбирая мужа, словно диван по каталогу? Или отвечать на дурацкие (а порой и откровенно неприличные) вопросы психологических тестов «на совместимость»? Разве может любовь уложиться в готовые схемы? Да нет, конечно.

Особенно если и любви тоже нет.

«Не стоило сюда вообще приходить, — грустно подумала Оля. — Только зря время у людей отнимаю».

— Извините, я, наверное, не готова ответить, — смущенно пробормотала она, пытаясь выбраться из мягких глубин низкого и широкого кресла. Почему-то это оказалось совсем не просто. — Наверное, мне пора.

— Ну, разумеется, если вы так считаете... — В голосе Шарля де Вилья прозвучало разочарование. — И все-таки, я предлагаю вам подумать на досуге — сейчас или в другой день — а чего же вы хотите? Поверьте моему опыту, — он понизил голос почти до шепота, — в жизни каждого человека это самый важный вопрос!

Оля так и замерла на месте — очень уж странным ей показался этот простой вопрос. Всю свою сознательную жизнь она думала только о том, что *должна* делать (хорошо учиться, работать, слушаться маму, а потом — заботиться о ней...). Но о том, что *хочет*, — никогда. Мама давным-давно объяснила, что быть эгоисткой — нехорошо и неправильно. «Мало ли, чего ты хочешь!» — говорила она, когда маленькая Олечка просила конфет, куклу или нарядное платьице. Маму, конечно, тоже надо понять — велика ли зарплата библиотечарши! Но годы прошли, вот и мамы уже нет в живых, а привычка — осталась.

— Я не знаю, — тихо сказала она, — правда, не знаю.

Шарль де Виль посмотрел на нее с удивлением:

— В самом деле не знаете? Простите, бога ради, я и в мыслях не держу быть невежливым или чем-то обидеть вас, но все же хочу спросить — а зачем же тогда вы пришли?

Оля смутилась еще больше, но взгляд собеседника не выражал ни насмешки, ни осуждения — только неподдельный интерес... Ну, и еще немножко сочувствия.

Наверное, стоило бы честно рассказать, что она здесь оказалась совершенно случайно, может быть, даже про двух горячих кавказцев в «ниссане», только уж слишком глупо это выглядит. И потом, она же сама звонила сюда утром! Так что вполне может считаться потенциальной клиенткой. И нечего трястись как осиновый лист. Неудобно, понимаешь... Они здесь уже, наверное, всяких видели-перевидели, раз занимаются таким бизнесом. Недаром ведь этот господин де Виль выражается деликатно и обтекаемо, избегая называть вещи своими именами.

Оля решительно тряхнула головой.

— Я хочу найти человека, который любил бы меня!

— Что — любого человека? Вас не интересует ни возраст, ни статус, ни материальное положение вашего избранника?

Ну вот, пошли вопросы, которых она так боялась.

— То есть вас бы устроил семидесятилетний вокзальный бомж — лишь бы он любил вас?

Оля задохнулась от возмущения. Да что он себе позволяет, этот иностранец? Он просто издевается над ней!

— Нет, конечно! — сказала она резко, почти зло. — Я хочу встретить молодого, красивого и богатого! И еще — героя! И поэта! И принца на белом коне! И чтобы он меня обожал, носил на руках и выполнял все мои желания! И просил на коленях моей руки!

Она выпалила эту гневную тираду на одном дыхании и с вызовом посмотрела на собеседника — что, съел? Но тот почему-то совершенно не обиделся, наоборот, старательно записывал что-то в блокноте. Долго записывал. Потом поднял на нее глаза и совершенно серьезно спросил:

— Простите, он непременно должен быть особой королевской крови? Должен вас предупредить — могут возникнуть дополнительные сложности. Современные монархии до сих пор практикуют династические браки. Вы никак не согласны на меньшее?

— Нет! — Ольга задорно тряхнула головой. Она внезапно вошла во вкус этой странной игры. — Барон там или граф какой-нибудь мне не подходит. Пусть будет принцем.

А чего уж там, гулять так гулять.

— Хорошо, — Шарль де Виль покладисто кивнул, — принц так принц. Вы правы, дорогая, никогда не стоит идти на компромиссы в своих желаниях. К тому же... даже царствующим домам иногда приходится пересматривать устаревшие нормы — разумеется, при условии, что они хотят выжить и продолжиться. Если бы об этом знала, к примеру, Мария-Антуанетта... — Он мечтательно закатил глаза, как будто предаваясь сладостным воспоминаниям, помолчал недолго, а потом заговорил вновь — уже совсем другим, деловым тоном: — Итак теперь, когда мы договорились об условиях, надо оформить нашу сделку документально. Цена — ваша душа.

Оля опешила. Игра перестала быть забавной, и приятный, вежливый собеседник вдруг показался ей совсем другим — сухим, жестким и безжалостным. И о душе он говорил так спокойно и буднично, будто речь идет не о какой-то нематериальной субстанции, которая еще то ли есть, то ли нет у человека, а о самом обыкновенном предмете купли-продажи — ведре картошки там или килограмме гвоздей.

От этого деловитого тона Оле стало страшно. Она вспомнила почему-то, как давным-давно, еще в детстве, набрела однажды в лесу на лужайку, покрытую удивительно яркой, веселой зеленью. Но только ступила на нее — и сразу же земля ушла из-под ног, ее стало засасывать в болото. Оля тогда закричала, ее быстро вытащили, но ощущение хлюпающей жижи вместо твердой почвы она запомнила навсегда. А еще — чувство, что ее обманули: была ведь лужайка, а оказалась — трясина... В книгах она читала, конечно, истории о людях, продавших душу дьяволу, но справедливо считала их вымыслом автора либо суевериями невежественных и темных людей Средневековья. А чтобы вот так, в самом конце двадцатого века, предлагали продать душу! Да не ночью там где-нибудь на перекрестке дорог, а белым днем, в центре Москвы, в привычном и стандартном офисном интерьере. Никаких тебе сушеных жаб и черных кошек, все солидно и основательно, вот и монитор компьютера на столе, бумаги разложены, пронумерованные папки расставлены на полках... Сумасшествие какое-то.

Оля чувствовала себя совершенно сбитой с толку. Шарль де Виль наблюдал за ней, снисходительно улыбаясь.

— Согласен, мое предложение выглядит несколько... — он щелкнул пальцами, подыскивая подходящее слово, — несколько экстравагантно. Вы ведь не верите мне, моя дорогая? По глазам вижу, что не верите. И я, между прочим, прекрасно вас понимаю. Но подумайте сами — а что вы теряете? Если я шарлатан и обманщик, а возможно, даже сумасшедший, как вы думаете сейчас, но стараетесь этого не показывать, то вы можете навсегда забыть про этот эпизод вашей биографии. По крайней мере, — он коротко хохотнул, — по крайней мере, как видите, я не буйный. А с тихими сумасшедшими врачи

рекомендуют соглашаться. Но если нет, — он возвысил голос, — у вас появляется шанс получить все, о чем вы даже не мечтали! Точнее, *не разрешали себе мечтать*. И вы готовы пройти мимо? Только для того, чтобы потом терзаться вопросом — а вдруг? Вдруг моя жизнь могла стать другой, а я сама отказалась?

Оля закусила губу. Опять он прав, никуда не денешься!

— И к тому же, — голос его снова потеплел, — разве заплатить за любовь своей душой — это плохая сделка? Впрочем, простите, слово «сделка» тут не вполне уместно. Потому что за любовь приходится платить всегда. Душой, сердцем, жизнью...

— Я согласна! — Оля почувствовала, как в ее голосе звучат слезы. Ведь разве не об этом она мечтала всю свою жизнь? Даже в детстве, читая романы о красивых, смелых и мужественных людях? И разве не плакала она тогда, сладко надеясь, что и с ней когда-нибудь произойдет нечто подобное? И разве не выслушивала она с брезгливой жалостью рассказы подруг о том, как Великая Любовь постепенно опускается до мелких дрызг по поводу немытой посуды и некупленной картошки, грязного белья, аборт и торопливых измен? — Я согласна, — повторила она тихо и твердо.

Обыкновенный лист формата А4, текст, отпечатанный на принтере. Сотни раз в своей жизни она видела подобные бумаги. Заказчик, подрядчик... «Интересно, откуда он только знает мою фамилию-имя-отчество, да еще номер паспорта в придачу?» — запоздало подумала Оля. Заключили настоящий договор о нижеследующем... Надо же, все по пунктам — и красавец, и принц, и поэт... Даже белого коня приплели!

Бред, просто бред. Но, так или иначе, юридической силы эта бумага не имеет. Бояться ей нечего.

А, была не была! Оля взяла заботливо протянутую ручку и поставила подпись в самом низу страницы. Там, где «Заказчик».

Игорь бежал, не чуя ног под собой. Он даже по сторонам не смотрел — просто петлял в узких переулках, как заяц, который запутывает следы, уходя от погони. Быстрее, быстрее! Он уже нацелился проскочить через арку проходным двором, но в этот момент он не заметил торчащую из земли арматуру и упал на бок, неловко подвернув левую лодыжку.

Черт! Как больно, даже в глазах потемнело. Игорь ощупал быстро отекающую ногу, попробовал встать — и чуть не закричал. Если не перелом, то вывих уж точно. Теперь не уйти. Все ближе и ближе лай собак, голоса преследователей...

Похоже, бежать больше некуда. Он огляделся. Странная какая-то улица, будто мертвая. Ветхие дома, которым не сегодня завтра идти под снос — пустые оконные проемы, рухнувшие перекрытия, груды строительного мусора. Не иначе тут тоже бомжи тусуются.

А может, и не только бомжи. Один дом выглядит чуть поприличнее остальных. На облупившейся штукатурке виднеется табличка «Пыхов переулок, 14». Адрес показался смутно знакомым... Да некогда там разбираться. Главное — дверь чуть-чуть приоткрыта. Собрав последние силы, приволакивая больную ногу и стараясь не ступить на нее, Игорь скользнул внутрь.

Дверь захлопнулась за спиной, и металлический лязг замка показался слаще райской музыки. У-уф! Кажется, оторвался. Игорь отбросил слипшиеся от пота волосы со лба, привалился к стене и почувствовал, что вот-вот потеряет сознание от боли. Он уже начал медленно сползать на пол, когда почувствовал, как кто-то очень осторожно, но твердо подхватил его под локти и потянул за собой.

— Так, так, осторожненько, потихонечку... Ножками, ножками давай! Вот молодец, — слышал он сквозь мутную дурноту.

Потом он будто провалился куда-то, но не надолго. Когда Игорь пришел в себя, первым, что он увидел, были лампы дневного света на потолке. Белые стены... Больница, что ли? Нет, вряд ли. Офис какой-то. Он обнаружил, что сидит, а точнее — полулежит в низком и широком, удивительно удобном кожаном кресле. Левая нога вытянута вперед и лежит на маленькой скамеечке. Игорь попробовал ею пошевелить. Больно, конечно, но не то чтобы

очень. Перелома, похоже, нет.

— Да, в самом деле, это всего лишь вывих, — услышал он спокойный голос где-то совсем рядом.

Игорь повернул голову и увидел невысокого полноватого мужчину, сидящего за столом. Он улыбался, но глаза смотрели зорко, внимательно и остро. Прямо как у куратора Сергея Степаныча.

— Добрый день. Позвольте представиться — Шарль де Виль, генеральный директор компании «Счастье трейдинг энд компани». Игорь наморщил лоб. Где-то он слышал это название, и даже фамилию слышал — давно, очень давно... Сегодня утром, когда звонил по телефону и ошибся номером. Объявление еще было в газете такое забавное. И адрес — Пыхов переулок. Надо же, как все сошлось!

А толстячок все смотрел на него изучающим взглядом, будто раздумывал, что делать дальше.

— Как вы себя чувствуете? — заботливо осведомился он.

— Спасибо, уже лучше, — еле вымолвил Игорь, с трудом шевеля пересохшими губами.

— Ну что же, теперь можно и поговорить, — радостно резюмировал странный человек с пышной иностранной фамилией.

Игорь удивился. Что у него на уме, интересно? О чем с ним разговаривать?

Только сейчас он осознал всю серьезность своего положения. Травма — это, конечно, ерунда, пройдет скоро, но как не вовремя! Документов нет, денег почти не осталось, но главное — задание провалено. Пусть не по его вине, пусть просто несчастное стечение обстоятельств, но кого это волнует!

В общем, надо уходить отсюда, и побыстрее. Только вот куда — неизвестно. Пускаться в бега при такой ситуации — дело глупое, почти безнадежное, но больше делать нечего.

— Спасибо, конечно, за помощь, но мне идти надо. Времени нет разговаривать. — Он попытался встать и снова скривился от боли. Перелома, может, и нет, но на такой ноге далеко не уйдешь.

— О да, разумеется, не смею задерживать. — Физиономия толстяка изображала полнейшее радушие, но в глазах Игорь увидел усмешку. Мол, уйти-то ты уйдешь, мил-человек. Если сможешь, конечно.

— Поговорить — о чем? — буркнул он.

Толстяк чуть нахмурил лоб, будто не знал, с чего начать этот разговор.

— Видите ли, у меня есть для вас предложение.

Так. Понятно. Предложение, от которого нельзя отказаться. Один раз такое уже было — пять лет назад, когда Игорь бежал из тюрьмы.

Попал он туда в девяносто третьем за вымогательство. Тогда это называлось «давать крышу» — крепкие ребята за приличные деньги предлагали начинающим бизнесменам защиту от себя же самих. Ну а если кто отказывался, могли и грубо обойтись. Очень даже грубо.

Игорь вдруг вспомнил разбитое, окровавленное лицо Ахмета — хозяина маленькой, грязноватой забегаловки «Кавказская кухня». И как он зубы выплюнул прямо на пол... Тьфу, мерзость какая не к месту в голову лезет! И ведь не столько даже были деньги нужны, все прогулять могли в ту же ночь. Главное — злоба душила. Мы там кровь проливали, и столько хороших ребят в земле лежит, другие — калеками прыгают на костылях, перебиваются на грошовые пенсии, и никому не нужны, кроме замученных своих матерей и жен, а тут барыги жируют? Да не бывать такому! Пусть делятся.

Были они тогда сильными, молодыми, бесшабашными... И глупыми донельзя. Потом оказалось, что на языке Уголовного кодекса эти действия квалифицируются по 148-й статье и грозят нехилым сроком — от трех до семи лет с конфискацией или без оной. Игорь и его ребята — все прошли Афган, но УК прочитать времени не нашли — даже удивились очень, когда их взяли при передаче денег от очередного «клиента». Особенно обидно почему-то было, когда пачка денег оказалась «куклой» — просто резаная бумага, и только две

настоящие купюры сверху и снизу. Ну, в падлу было в тюрьму садиться за двести долларов!

Но Игорь в тюрьму садиться не собирался — надолго, во всяком случае. Оказавшись в одной из камер Бутырки, доверху набитой человеческим материалом, который общество отторгло от себя, как материал бракованный, а быстро уничтожить почему-то постеснялось, Игорь, конечно, сразу себя поставил так, как нужно, в авторитете. Чтобы и шконка нижняя, и доля с передач, и почет с уважением от сокамерников. Но думал он о другом — как отсюда выбраться? Пожалуй, в первый раз в жизни оказался он в состоянии вынужденного бездействия, а потому и думать начал. Оказалось, и это тоже работа! Поначалу даже уставал с непривычки. Потом — ничего, привык, втянулся... Иногда просто не замечал, как день проходит.

Когда в камеру привели Сашу Мошанского — испуганного, туповатого парня, попавшего под следствие за кражу трех метров кабеля на заводе, Игорь сразу же обратил внимание на его удивительное внешнее сходство с самим собой. Ну прямо одно лицо! Будто братья родные. Вначале его это позабавило, потом навело на интересные мысли. А что, если... Срок-то парню светит совсем небольшой! А скорее всего, условный, потому что судимость первая и кража копеечная.

И он начал действовать — потихонечку, исподволь, благо времени было навалом и на допросы его вызывали нечасто. Сначала благородно «прикрыл» Сашу — защитил от наездов молодых и наглых уголовников. Потом начал вести с ним долгие беседы «за жизнь». Через пару дней он уже знал все про его немудрящую и непутевую жизнь — где живет, в какой школе учился, про отца-алкоголика, маму-уборщицу и соседскую девчонку Ирку. А главное — еще больше укрепился в своей уверенности, что ему повезло, невероятно повезло. Можно сказать, Сашу ему сам бог послал. Они еще долго разговаривали о чем-то шепотом, но о чем — никто не слышал.

В то утро, когда Сашу вызвали на суд, он так и не поднялся со своей койки. (Потом оправдывался: спал, не слышал, ничего не знаю.) Зато Игорь вышел вместо него. Ссутулившись, шаркая ногами (зря, что ли, целый месяц тренировался копировать походку, речь и выражение лица своего сокамерника!), он вышел в коридор. Сонный контролер-надзиратель скользнул по нему равнодушным взглядом — и не заметил подмены!

В суде тоже все прошло гладко. Как Игорь и рассчитывал, никто из Сашиных друзей и родственников не пришел «поболеть» за него, а значит, и узнать его было некому. Он даже не волновался почти. Только в окно смотрел, на улицу. Смотрел и не мог оторваться, слишком уж отвык за долгие месяцы, проведенные взаперти. Там падал снег — легкий, пушистый декабрьский снежок, что скрывает осеннюю грязь белым сверкающе-чистым покрывалом.

А внутри все было так скучно, казенно и обыденно, будто здесь дровами торгуют, а не решают человеческие судьбы. На миг только екнуло сердце, когда судья, монотонно зачитывая приговор по бумажке, произнесла:

— ...И приговорить к двум годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Неужели?

— В соответствии со статьей 176 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, наказание считать условным.

Фу-у! Пронесло. Кто бы знал, чего ему стоило тогда остаться спокойным, дожидаться, пока невыносимо медлительная секретарша отдаст ему паспорт и выпишет справку об освобождении! Он тогда сумел не запаниковать, не побежать, спокойно выйти из зала суда...

Да толку-то. Всего три недели и пришлось погулять на воле. Его взяли в банке, где в сейфовой ячейке хранился «неприкосновенный фонд» — жить-то надо! Прямо там и караулили... Когда крепкие молодые ребята в штатском заломили ему руки за спину и защелкнули наручники на запястьях, Игорь подумал — вот и все, конец. Удостоверение зачем-то сунули под нос... Еще бы права зачитали, как в американском кино. Привезли в какой-то замызганный околотов, приковали к батарее...

А дальше пошло непонятное: сначала пришел какой-то мужик лет сорока пяти, судя по повадкам — начальник, главный здесь. Посмотрел на него, подумал, бумаги полистал и стал кому-то звонить. Потом его долго везли куда-то с завязанными глазами. А потом... Появился в его жизни Сергей Степаныч и рассказал... про тайную организацию, созданную офицерами, уставшими от бессилия в борьбе с мафией и коррупцией. «Санитары леса», так они себя называли.

В самом деле, трудно упрятать надолго какого-нибудь уголовного авторитета, бизнесмена-афериста или продажного чиновника. У них и адвокаты, и суды купленные, а иногда — даже депутатская неприкосновенность. Просто больно смотреть честным ребятам, когда такой тип гоголем на свободу выходит. Зато от пули никто еще не спрятался.

Сергей Степаныч говорил долго и убедительно, даже как будто сам увлекся. А потом — сделал то самое предложение.

— Ты же понимаешь, — сказал он тогда, — мы тебе доверились. Дали шанс. А ты в розыске, беглый. Такие, как ты, могут оказать сопротивление при задержании, а там... В общем, ты человек неглупый. Так что — выбирай.

Игорь все понял и согласился. И не потому, что так уж сильно боялся умирать и в тюрьму идти не хотел. Во всяком случае, *не только* потому. Было и еще кое-что, в чем он и сам себе признавался с неохотой... Каждый раз, когда он всаживал пулю в эти наглые, самодовольные, отъевшиеся на чужой крови рожи, какая-то часть его существа испытывала радость. И нехорошая это была радость, темная какая-то. Будто древняя тварь, живущая в бездонном омуте, на миг показывает голову, оскалив зубастую пасть, схватит зазевавшуюся мелкую живность и снова исчезает. Это даже пугало его иногда.

А вот теперь все повторяется снова... Да почему бы и нет, в конце концов? Судьба, видно, такая.

— Ну и что? — угрюмо спросил он. — Чего от меня надо-то?

Его собеседник как-то сразу оживился:

— Люблю деловой подход! Как это у вас говорится... — он прищелкнул пальцами, будто припоминая нужное слово, — раз-два и в дамки! Знаете, мне очень нравится, когда не нужно ходить вокруг да около, объяснять, доказывать, призывать... Вы не поверите, до чего иногда нерешительны и глупы могут быть люди!

Игорь слушал его молча и ждал, пока иссякнет поток красноречия. Наконец, будто уловив его настроение, толстячок заговорил очень серьезно:

— Так вот. Я хочу купить вашу душу.

Вот тебе и раз! Псих какой-то. Душу купить хочет... На фига она ему сдалась? В карман ведь не положишь! Издевается он, что ли? Или просто любит повыпендриваться?

Был когда-то у Игоря приятель Гоша, который тоже любил выражаться темно и непонятно. Бывало, загнет что-нибудь эдакое — карма, чакра, душа мира... Профессорский сын, а вот занесло его — сначала в Афган, потом в бандиты. Под Кандагаром Гоша горел в подбитом БТРе, а потому выглядел как младший брат Фредди Крюгера. Хороший был парень, только пил много. До тюрьмы Гоша, правда, не дожил — его застрелили еще в девяносто втором на «стрелке» с коптевскими. И где бы сейчас ни обреталась его душа, только надеяться, что там ему лучше, чем здесь.

— Так я не понял... Чего делать-то надо конкретно?

Шарль де Виль пожал плечами:

— А что хотите. Буквально все. Возможности Вселенной неограниченны. — Он помолчал недолго, мечтательно закатив глаза, будто воочию представляя себе эту самую Вселенную с ее неограниченными возможностями. Потом, будто спохватившись, снова заговорил — на этот раз сухо и деловито: — Только после того, как подпишете один документ. Любые условия можно отразить в договоре купли-продажи, так что не сомневайтесь, у нас все без обману.

У него в руках вдруг появился откуда-то толстый блокнот с большой летучей мышью на обложке. Де Виль рассеянно перелистал его, открыл на чистой странице, вооружился

толстым золотым паркером (кажется, он тоже появился из ниоткуда) и приготовился записывать.

— Итак, я вас внимательно слушаю.

Умом Игорь прекрасно понимал, что это все — чистой воды сумасшествие, так не бывает, но фантазия-то уже заработала! И почти помимо собственной воли начал мечтать, прикидывать...

Но почему-то на ум ничего не шло. А вот и в самом деле — что? Деньги, бабы, тачки, кабаки? Этого всего хотелось по молодости, когда только-только дорвался. Деньги — пыль, сегодня есть — завтра нету, после кабаков назавтра блевать тянет, а бабы... У них у всех все одинаковое. Шалавы — они шалавы и есть. Закурить бы, что ли!

Собеседник пододвинул к нему пачку «Лаки Страйк», зажигалку и девственно-чистую беленькую пепельницу.

— Кури, солдат. Или как там правильно? — Он снова прищелкнул пальцами. — Гвардии старшина воздушно-десантных войск?

Он выговорил непривычные слова с потешной старательностью, чуть ли не по слогам. Так обычно говорят ученики-отличники на чужом языке. Ну да, иностранец ведь... А сколько про него знает! Игорь посмотрел на своего собеседника с уважением. Чем бы он там ни занимался, но в своем деле этот коротышка — профессионал экстра-класса. Пожалуй, Сергей Степаныч ему в подметки не годится.

Игорь вытащил сигарету из пачки, с наслаждением затянулся. Хорошо! Даже мир как-то посветлел. Как говорил вокзальный бомж после неудачной попытки самоубийства — а жизнь-то потихоньку налаживается! Игорь выпустил пару колечек из сизого дыма и принялся думать дальше.

Задал же задачку чертов коротышка! Чего б такого еще захотеть? Бизнес какой-нибудь? Только про бизнес он понятия не имеет никакого, а чтобы учиться — это поздно уже, да и неохота. За границей жить, греть пузо на теплом море? Остров купить собственный? Хорошо бы, наверное, только хрен разберешь эту заграничную жизнь. Игорь как-то поехал в Испанию — и еле выдержал две недели. Поговорить не с кем, ходишь как немтырь. Там, конечно, гиды есть, но не будешь всю жизнь его под боком держать! Или коттедж выстроить с башенками где-нибудь на Рублевке, огородить забором метра в три высотой, оплести колючей проволокой и ток пустить? Прямо как в зоне. Только запретки не хватает и вышки с часовым.

Так что выходит — хотеть ему особенно нечего. В стране, где старики в мусорках роются, девчонки на панель идут, потому что жрать нечего, а пацаны — в бандиты, если только раньше на какой-нибудь очередной войнушке не убьют, счастья себе не выстроишь ни за каким забором. Разве что...

— Значит, так, — он заговорил очень медленно, тщательно подбирая слова, — если бы я и правда все мог, я бы, типа, мафию свою создал.

Собеседник посмотрел на него с удивлением:

— Мафию? Очень интересно. Расскажите поподробнее, пожалуйста. Игорь задумался.

— Сперва, наверное, собрал бы нормальных пацанов — из тех, что на фиг никому не нужны. Дорога-то у них известная — школа-армия-работа-бутылка-тюряга-могила. Помог бы для начала. Ну, там деньгами, жильем или в институт поступить... Больше-то им никто не поможет!

— Вы что, хотите возглавить политическое движение?

— Нет, — Игорь решительно покачал головой, — этого и даром не надо. Они там гнилые все, только бабло себе намывают. И потом — они ж не решают ничего! Так, говорящие головы вроде дикторов.

— А вы чего хотите?

— Я хочу конкретным хозяином быть! Чтобы я про всех все знал, кто чем дышит, а про меня — никто!

— Ну хорошо, а дальше?

— Дальше — бизнес бы прибрали к рукам, службу безопасности крепкую создали... Уж получше ментовки с ФСБ! Ух, таких дел бы натворили — чертям тошно стало бы!

Игорь уже полностью включился в эту странную игру. Он, конечно, не верил ни минуты, что толстенный коротышка, что сидит напротив него за столом и строчит в своем черном блокноте со скоростью автомата, может реально купить его душу за такую цену. Ведь не бывает так, будь он хоть трижды профессионалом! Но все равно помечтать было интересно, и перед глазами уже возникали картины, одна радужнее другой. Надо же, как все просто! Он так никогда раньше не думал.

— Скажите... — Шарль де Виль деликатно кашлянул, прерывая этот поток сознания, — простите бога ради, но я хочу вас спросить: а зачем вам нужно все это?

— Как — зачем? — Игорь даже удивился, но не сразу нашелся что ответить. Потом тихо сказал: — Чтобы жить было нормально. Чтобы все по-честному, а не так, как сейчас.

— А нормально — это как?

— Да просто! — Игорь почувствовал, что начал злиться на непонятливость своего странного собеседника. — Чтобы не воровали столько. А то морды наедят поперек себя шире, и давай заливать: нет, мол, денег в бюджете! А потому — сдохните вы все в дерьме и не вякайте. Сейчас вон опять всех кинули со своим кризисом — а кто-то хорошо наварился. Я хочу, чтобы людям жить можно было, а не только вора. Чтобы пацаны учились, работали, спортом занимались, а не гадостью всякой ширялись по углам. И чтобы на войне их не убивали как скот, потому что одни мудаки между собой договориться не могут, а другие — бабки на этом делают. А девки чтобы по домам сидели и детей рожали, а не на панель выходили сиськами трясти!

Никогда в жизни он еще не говорил так. Да и не думал, пожалуй. А сейчас — будто вылилась разом вся злость, накопленная за долгие годы. Руки сами собой сжались в кулаки, лицо горело...

— Ладно, — он спохватился, будто устыдившись этой вспышки своей откровенности, — поговорили, и будет. Спасибо, конечно, за все, но мне пора. Пойду я. Или... Как?

— Да как хотите. — Станный коротышка пожал плечами. Лицо его изображало полнейшее равнодушие. — Я вас, Игорь Анатольевич, уговаривать не собираюсь. А задерживать — тем более. У меня права такого нет. Так что... Как это у вас говорится по-русски? Вот вам бог, а вот порог. Было приятно побеседовать, но у меня масса дел.

Игорь попытался опереться на больную ногу. Почти не болит, это хорошо. Только вот дальше ничего хорошего не светит. Долго ему не пробегать, это точно. Тем более без денег и документов. Бывшие друзья и коллеги достанут «на раз».

А еще свербила, росла, ворочалась в голове мечта, которой уже не сбыться. Красиво ведь все-таки получилось! Раньше он так не думал, а теперь вот уже жалко, что новорожденная идея зазря пропадет. Эх-х, чего уж там! Хуже ему уже все равно не станет.

— Я согласен.

Он с трудом вымолвил эти простые слова — и не узнал собственный голос. Таким он показался тихим, слабым и почти безжизненным. Как будто шелестит сухая трава на ветру...

На краткий миг все окружающее стало каким-то тусклым, будто изображение в старом телевизоре, потом и вовсе исчезло куда-то. Игорь ощутил себя стоящим посреди гладкой, как стол, равнины, простирающейся вдаль. А вокруг — ни души, ни строения, ни человека, ни зверя. Только багровое небо над головой, да трава — высокая такая, почти по пояс. И... странная какая-то. Выглядит как травка «петух или курица», только многократно увеличенная. И черная почему-то. Но главное — длинные стебли колыхались, хотя в тяжелом и жарком воздухе не было ни ветерка. Они раскачивались во все стороны, склонялись друг к другу и шуршали, шуршали... Будто разговаривали между собой на своем, только им понятном языке.

Почему-то это было так страшно, что Игорь чуть закричал. Он набрал воздуха в грудь... И снова очутился в той же комнате, сидящим у стола в глубоком

— Я согласен, — повторил он твердо.

Шарль де Виль чуть искоса посмотрел на него.

— А вам не страшно? — зачем-то спросил он. Игорь покачал головой и честно ответил:

— Нет.

Потом подумал немного и добавил:

— В аду я уже был.

Он вспомнил, как во время боя в горах духи загнали целый взвод в неглубокое ущелье и принялись лупить из градобойных орудий прямо поверх голов. И головы у пацанов лопались, как перезрелые арбузы, взрывались прямо. Как сам жив остался — уму непостижимо.

Да и потом... Много было всякого. Так что если разобраться — терять ему нечего.

Бумага была толстая, глянцева, почти как картон. И текст написан чудно — убористо, с завитушками. Почему-то прочитать его было сложно — слова вроде бы понятные все, а смысл никак не ухватить. Игорь сначала попытался, но потом махнул рукой на это дело. Какая на фиг разница? Авторучка с золотым пером показалась ему очень тяжелой. Он поставил какую-то кривую вместо подписи и хотел было поднять глаза от бумаги на своего странного собеседника — но не увидел его.

Все вокруг снова стало тусклым, размытым, потом исчезло куда-то.

Анна чуть не плакала. Ей казалось, что она идет уже очень давно, а эта странная улица, на которой она оказалась неведомо как, все не кончается и не кончается... Она устала, да еще и ноги опять разболелись. Ну зачем только надела туфли на высоких каблуках! Думала идет ненадолго, туда и обратно, а вот оно как вышло!

— *А на фиг ты их вообще носишь? Для чего?*

Анна застыла на месте, так неожиданно прозвучал этот бесцеремонный вопрос. На всякий случай оглянулась по сторонам — вокруг никого. Она еще отметила про себя, что голос был очень красивый — низкий, женственный, с богатыми модуляциями. Может быть, немного циничный... Голос женщины, которая много жила и многое видела, ничего не боится, никому не верит — и все-таки сохранила способность наслаждаться жизнью. Анна попыталась представить себе, как могла бы выглядеть такая женщина. Наверное, у нее высокие скулы и чуть раскосые зеленые глаза, темные волосы, длинные, чуткие пальцы, насмешливая улыбка — и горькая складка в углах чувственного, даже хищного рта. На миг Анна увидела это лицо, как живое...

Что за глупости лезут в голову! Ей даже стыдно стало немного. Видение сразу исчезло. Анна зачем-то сняла очки, чистым носовым платком протерла стекла и торопливо пошла дальше, как будто спешила миновать это место.

Черт бы побрал эти туфли! И в самом деле — зачем только женщины мучаются на таких шатких подпорках? Точнее — зачем *она сама* на них мучается? Потому что хочет стать красивее? Или потому что так принято? Или... она сама не знает почему?

Анна беспомощно посмотрела по сторонам. Улица казалась бесконечной. И эти дома, полуразрушенные, нежилые, навевали тоску и ужас. Она слышала где-то, что в таких домах ищут укрытия бомжи и преступники. А что, если сейчас кто-нибудь выйдет? И нападет на нее? Анна почувствовала себя такой одинокой, беспомощной и испуганной, как маленькая девочка, которая заблудилась и оказалась в чужом, незнакомом и опасном месте.

— *Кончай паниковать. Тебе уже не пять лет, забыла? Взять у тебя все равно нечего, так что успокойся.*

Голос снова звучал у нее в голове, но на этот раз даже как-то легче стало. Как будто уже не одна. Ну... не совсем одна.

А это что такое? На стене одного из домов Анна заметила ржавую, облупившуюся табличку. Она изо всех сил сощурила близорукие глаза, пытаясь разглядеть, что там написано. Какой-то переулок... Пехов, что ли? Нет, Пыхов, точно, Пыхов переулок. Где-то она слышала это название совсем недавно!

Анна вспомнила вчерашний вечер, когда она сначала ревела в ванной, а потом сидела на полу в кухне с газетой в руках. Она почувствовала, что начинает злиться — ведь именно из-за этой газеты оказалась в таком идиотском положении! Вот оно, объявление, в сумочке, аккуратно вырезанное и заполненное, а она стоит непонятно где, посреди этой странной, мертвой улицы только потому, что хотела опубликовать его в следующем номере.

— *При чем здесь газета? Это ты заблудилась, а не она. Лучше успокойся и думай, если не хочешь поселиться здесь навсегда.*

А ведь и правда! Там было еще объявление психолога, такое смешное... «Счастье оптом и в розницу»! Оно случайно попало ей на глаза, когда она рассыпала газетные страницы по полу. Ведь даже обратиться хотела...

А почему бы и нет? Раз уж все равно забрела сюда.

— *Да, подружка, похоже, ты пришла прямо по адресу. Очень кстати. Может быть, даже слишком кстати. Тебе так не кажется?*

— Не мешай мне, пожалуйста, — зачем-то вслух сказала Анна навязчивому голосу и шагнула к массивной железной двери. В крайнем случае она просто узнает что к чему, спросит дорогу и уйдет. Денег у нее, конечно, нет, но ведь за спрос не платят, не так ли?

Дверь была не заперта. Как только Анна слегка толкнула ее, она открылась сразу же, легко и беззвучно. Оказавшись в аккуратном и безликом офисном помещении, она слегка растерялась. Очки почему-то запотели, и Анна принялась шарить по сумочке в поисках носового платка. Где-то он был здесь, точно был!

— Добрый день!

Анна резко обернулась и от неожиданности даже выпустила очки из рук и уронила сумочку. Ключи, пудреница, кошелек, монеты и прочие мелочи рассыпались и покатались по полу во все стороны. Ой, как неудобно получилось! Анна почувствовала, что краснеет до самых корней волос. Без очков она почти ничего не видела — так, размытые пятна вместо окружающих предметов. Просто ежик в тумане... Опустившись на корточки, она попыталась собрать свои вещи, но только беспомощно шарила руками по полу. Где же очки? Неужели разбились?

— Простите, я, кажется, напугал вас? Приношу свои искренние извинения. Позвольте вам помочь.

Вежливый мужской голос где-то у нее над головой звучал мягко, сочувственно. Анна даже успокоилась немного. Потом очки каким-то образом снова оказались у нее в руках. Кажется, целы, даже не треснули нигде! Анна поспешила надеть их снова и увидела склонившегося над ней невысокого полноватого мужчину в темно-сером костюме. Смущенно улыбаясь, он протягивал ей ее сумочку:

— Бога ради, извините мою неловкость! Вот, возьмите, пожалуйста. Давайте пройдем в кабинет — не беседовать же нам в коридоре.

Он галантно подал ей руку, чтобы помочь подняться. В его голосе было столько теплоты, а улыбка казалась такой искренней и располагающей! Анна и оглянуться не успела, как оказалась в просторном и светлом помещении с белыми стенами и строгой офисной мебелью. Анна где-то слышала, что в кабинете психоаналитика обязательно стоит кушетка, на которую должен ложиться пациент, но здесь не было ничего похожего. Только кресло, в котором она сидела сейчас — большое, удобное кожаное кресло. На стенах висели какие-то дипломы в рамочках. Анна по близорукости не могла прочитать, да и написано вроде бы не по-русски, но все же... Бумаги внушали ей уважение. Видно, что человек серьезный, а не шарлатан какой-нибудь!

Она чувствовала себя очень неуверенно, не знала, с чего начать разговор. Просто спросить дорогу и уйти ей почему-то показалось неприличным. К тому же она так устала! Ноги просто гудят. Посидеть бы здесь немного, отдохнуть...

Молчание затянулось, но толстячок, казалось, не ощущал никакой неловкости. Он перекладывал какие-то бумаги в папке и, казалось, почти не обращал на нее внимания. Наконец, закончив свою работу, он поставил папку на полочку, сложил руки перед собой и

посмотрел на нее.

— Итак, давайте знакомиться. Меня зовут Шарль де Виль.

— Анна... — она сглотнула комок в горле, — Анна Райдель.

— Очень приятно, Анна! — Он улыбнулся, как будто был несказанно счастлив, что ее зовут именно так, а не иначе. — Я рад, что вы сумели зайти. Знаете, иногда это бывает совсем непросто — прийти к кому-то за помощью. Даже для такого шага нужно немалое мужество! Особенно здесь, в России. Люди почему-то боятся обращаться к специалистам, предпочитают оставаться один на один со своими проблемами — и делать вид, что их не существует вовсе.

Он все говорил и говорил, будто упиваясь собственным красноречием. Но Анну это вовсе не раздражало, наоборот, внушало уважение и симпатию — надо же, как человек увлечен своим делом! Слушать его было приятно, но Анна все же решила уточнить на всякий случай:

— Вы психоаналитик?

Шарль де Виль осекся на полуслове. Анна почувствовала себя неловко — в самом деле, перебивать некрасиво! Но он вроде бы совсем не обиделся, только задумался ненадолго и неопределенно пожал плечами:

— Давайте не будем привязываться к терминам. Скажем так — я помогаю людям решать их проблемы. Впрочем, вы правы — я чересчур увлекся. Итак, я вас внимательно слушаю.

Он вынул из ящика стола толстый блокнот в черной кожаной обложке, положил его перед собой и приготовился записывать.

Анна смутилась еще больше и забормотала, не поднимая глаз и нервно теребя ремешок сумочки:

— Простите, пожалуйста... Я вообще-то только узнать хотела... — Наконец, она собралась с духом и выпалила: — Сейчас у меня сложно с деньгами. Спасибо, конечно, но боюсь, я не смогу вам платить.

Шарль де Виль удивленно поднял брови:

— А кто говорит о деньгах? По крайней мере — сейчас? Я просто хочу понять сначала, что с вами происходит. Потом — чем я могу помочь вам. И только потом мы поговорим о прочих условиях.

— Но... А если я не смогу? У вас ведь, наверное, почасовая оплата...

— Анна, — он посмотрел на нее с легкой укоризной, — я не таксист и не гувернантка, чтобы брать деньги за каждый час работы. У меня есть свои принципы. Главное — это результат! Давайте договоримся так — сначала мы просто побеседуем. Расскажите как вы живете? Чем занимаетесь? И что с вами происходит такого, что привело вас сюда?

Анна вздохнула. Она не знала, с чего начать, и вся эта затея казалась ей сейчас такой глупой! Ну, зачем она только пришла сюда? На что рассчитывала? А теперь куда денешься, раз сама эту кашу заварила! Она набрала в грудь побольше воздуха и начала говорить:

— Я работаю учительницей музыки...

— Простите, где? В музыкальной школе?

— Нет, частным образом. Хожу на дом к ученикам. Деньги, конечно, небольшие, но это лучше, чем ничего. Но дело даже не в этом...

— А в чем же? Что вас по-настоящему беспокоит?

— Понимаете, у меня не получилось ничего, о чем я мечтала когда-то. Я не знаю, как дальше жить... То есть можно так, как теперь, но очень не хочется, а изменить я уже ничего не могу.

Анна сама от себя не ожидала таких слов, но вот сказала — и сразу поняла, что так оно и есть на самом деле.

— Почему? Как это случилось?

Он смотрел ей прямо в глаза, и под его настойчивым, вопрошающим взглядом Анна начала постепенно вспоминать всю свою жизнь, с самого детства. В том числе и то, что

долгие годы она пыталась забыть — да, видно, так и не смогла.

Родилась Анечка в обеспеченной и благополучной семье. Она была поздним ребенком, и родители просто надыхаться не могли на долгожданную дочку. Она росла, ходила в школу, занималась музыкой, потом поступила в консерваторию... Детство и юность ее были вполне счастливыми. Анечка знала, конечно, что ее родители — евреи, но в семье как-то не принято было придавать этому факту особенное значение.

Десять лет назад, в разгар перестройки, многое стало меняться в стране. Тотальный контроль государства за жизнью своих граждан несколько ослабел, люди стали ходить на митинги, открывать первые кооперативы, выезжать за границу, а некоторые — даже менять место жительства, не опасаясь репрессий. И даже бабушка Анны, восьмидесятилетняя Нехама Иосифовна, все чаще и чаще стала говорить, что умереть она хочет на исторической родине, в Израиле, где всегда тепло и кругом одни евреи. Мама и папа сначала смеялись, потом стали задумываться, а потом, когда на улицах начали появляться бритоголовые молодчики, затянутые в черную кожу, а на книжных развалах стали открыто продавать «Майн кампф», они твердо решили — едем!

Проблема была только с квартирой. Просторные, любовно обустроенные трехкомнатные хоромы в самом центре было жалко «за так» отдавать государству. Потому на семейном совете решили — Аня пока останется в Москве.

В тот год она заканчивала консерваторию. Анна просто бредила музыкой и готова была часами сидеть за инструментом. Огромный старинный беккеровский рояль заменил ей и друзей, и детские игры, и шалости, и первые влюбленности. Из всех сил правильная в двадцать два года, девочка из хорошей еврейской семьи, в делах житейских Анна была наивна и непрактична, как трехлетний ребенок — ведь до сих пор за нее все решали мама с папой. Они же и заботились о том, чтобы в холодильнике всегда были продукты, а в кошельке — деньги. Сама Анечка как-то не задумывалась об этом. Проводив родителей в Шереметьево, она проплакала всю ночь.

В первое время ее ошеломила неожиданная свобода. Никому не нужно было докладывать, куда идешь и когда вернешься, никто не следил за тем, в котором часу она легла спать и поела ли суп на обед. После отъезда родителей осталась тугая сберкнижка, и о хлебе насущном можно было не беспокоиться. Зато появились подруги, и шумные компании часто засиживались допоздна в ее просторной квартире. А еще — наступила весна и принесла с собой пьянящий воздух и неясное, смутное ожидание будущего счастья...

А потом пришла любовь. Однажды, погожим апрельским вечером, Анна возвращалась домой после занятий, не спеша и получая удовольствие от каждого переступа туфелькой по асфальту.

— Девушка, вы не подскажете, который час? Кстати, меня зовут Владислав. А вас?

Она обернулась — и увидела *Его*. Широкие плечи, обтянутые кожаной курткой, светлые волосы, веселые и дерзкие голубые глаза... Мужчины никогда не баловали ее особенным вниманием, а тут вдруг такой красавец! Он не отходил от нее, как будто боялся расстаться даже на минуту. Даже когда звонил из телефонной будки (это чтобы мама не волновалась!), попросил встать так, чтобы все время видеть ее через стекло.

Потом они долго гуляли вместе по Бульварному кольцу и говорили обо всем на свете, и казалось, что они знают друг друга всю жизнь (ей казалось, по крайней мере). Он проводил ее домой, и ей стало очень горько при мысли, что нужно расставаться. В самом деле, к чему все эти бабушкины условности, если вот сейчас она встретила свою единственную и настоящую любовь!

Он остался у нее на ночь, и принес наутро кофе в постель, и был таким ласковым, заботливым и нежным, что Анечка почувствовала себя на седьмом небе от счастья. А через месяц в ее квартире гуляли шумную студенческую свадьбу, все напились и кричали «горько!», только Лена, единственная Анина подруга еще со школы, как-то странно смотрела на ее новоиспеченного супруга. Родителям сообщили о радостном событии «по факту», и маме, которая срочно примчалась в Москву, Анечка твердо заявила, что в Израиль она не

поедет, что она встретила свою настоящую любовь и хочет остаться в Москве с мужем.

Был грандиозный скандал. Мама плакала, хваталась за сердце, пила валокордин, умоляла дочь немедленно бросить «этого гою», но ее Анечка, такая добрая и покладистая, послушная девочка, осталась непоколебима. «Я его люблю», — твердила она, и мама вынуждена была отступить. Уже собираясь уезжать, она обернулась на пороге и сказала:

— Будь с ним счастлива. Но помни, — и тут ее голос обрел небывалую прежде высоту, просто библейскую эпичность, — помни, что у тебя больше нет матери!

Аня плакала, забившись в угол дивана, и Владик утешал ее:

— Не грусти, котенок! Ну, не будут приезжать в гости. У нас своя жизнь. Мы прекрасно обойдемся и без них.

Анечка слушала Владика и затихла на его широком, надежном плече, но в сердце впервые закралось сомнение — в голосе мужа ей послышалась затаенная радость.

А потом настало время, когда с прилавков вдруг исчезли продукты, а деньги превратились в труху. Аня тогда как одержимая готовилась к международному конкурсу пианистов в Мюнхене и не обращала особого внимания на бытовые трудности. А любимый муж стал молчалив, невнимателен, куда-то исчезал надолго и даже иногда не являлся ночевать. Намекал на какой-то таинственный «бизнес», который требует вложения труда и времени, зато потом сулит большую отдачу. Анечка очень гордилась, что ей достался такой умный и предприимчивый супруг.

Отрезвление наступило быстро и грубо. Однажды вечером Аня решила перекусить в недавно открывшемся «Макдоналдсе» на Тверской. За соседним столиком она увидела, как нежничает какая-то парочка. Ей даже грустно стало и немного завидно — ведь сегодня она опять одна, Владик предупредил, что вернется поздно. Молодые люди сидели к ней спиной, и лиц не было видно. Девушка была маленькая, хрупкая, светловолосая, а парень — крепкий, широкоплечий... Почти как ее Владик.

Красивая пара.

Аня допила свой молочный коктейль и направилась к выходу, но что-то удержало ее. Она обернулась и увидела лучшую подругу Лену в объятиях своего мужа. Пластиковый поднос выпал у нее из рук. Вокруг было много народу, но все обернулось к ней — так страшно она закричала. Владик подошел к ней, схватил под руку и грубо потащил к выходу.

— Что ты орешь, идиотка? — прошипел он сквозь зубы. — Я живу и буду жить, как хочу.

С того дня прекратилась даже видимость счастливой семейной жизни. Аня то устраивала скандалы с бурными рыданиями, упреками и битьем посуды, то готовила его любимые блюда, лебезила, унижалась, выпрашивая хоть самую маленькую ласку, хоть слово, хоть взгляд. Владик только брезгливо кривился.

И настал тот день, когда он бросил ей в лицо унижительное слово «жидовка». Владик тогда собрался, наконец, уйти от нее окончательно, ходил по квартире, кидая в сумку свои вещи. Аня пыталась его удержать, хватала за руки, заглядывала в глаза. Она все еще надеялась, что это ошибка, глупость, что Владик опомнится, передумает и все будет по-прежнему.

— Владик, не уходи, ну, подожди, пожалуйста! Вспомни, ведь нам было хорошо вместе!

Он положил на диван аккуратно сложенный свитер, взял ее за руку и подвел к большому зеркалу в прихожей.

— Хорошо, говоришь, было? Это нам с тобой — хорошо? Да ты посмотри на себя, посмотри! Жидовка! Ни кожи, ни рожи, ни лица, ни фигуры! Думаешь, ты мне была нужна? Да мне жить негде, не возвращаться же в свою Кострому! Но теперь — все, не могу больше, и так сколько времени на тебя угробил, истеричка ненормальная!

Он отшвырнул ее к стене, в запястье что-то хрустнуло, и стало так больно, что Аня потеряла сознание. Потом оказалось, что это перелом, да еще не простой, а со смещением. Для любого другого человека это совсем не тяжелая травма. Для нее, пианистки, — конец

жизни и карьеры.

Потом оказалось, что Владик уйти ушел, но претензий на жилплощадь предъявить не забыл. Была длинная, унижительная процедура развода. Еще более унижительный размен по решению суда. «Я здесь прописан и имею право...» Судья, полная немолодая женщина с усталым лицом, смотрела на него явно неодобрительно. Но что поделаешь! Закон есть закон. Человек прописан, а значит, имеет право на жилплощадь.

Анна тогда вообще плохо соображала. На суд она пришла с загипсованной рукой и думала только об одном — как бы не упасть в обморок. Конечно, в милицию из-за травмы она обращаться не стала и в больнице сказала, что упала сама. Слишком уж было стыдно. Потом пришлось переезжать в эту конуру. Вещи из родительской квартиры сюда бы просто не влезли, да к тому же Владик успел вывезти из квартиры все более или менее ценное.

Потом были долгие месяцы, когда Анна не могла ни есть, ни спать, жила только на таблетках. Она чувствовала, что по отношению к ней жизнью допущена ужасная несправедливость, и в то же время винила себя. Ведь мама ее предупредила!

Она написала родителям горестное, покаянное письмо и даже ответ получила — сдержанный, но вполне доброжелательный. Иногда ей казалось даже, что они могут помириться и снова жить вместе. Только нужно время...

Жаль только, что палестинский террорист, настоящее имя которого так и не выяснили израильские спецслужбы, придерживался другого мнения по этому поводу. Обмотавшись взрывчаткой, он подорвал себя и еще десять человек в небольшом ресторанчике на окраине Беер-Шевы, куда ее родители не в добрый час зашли пообедать. Супруги Райдель оказались буквально в эпицентре взрыва, так что останки их потом смогли опознать только по зубам.

Получив известие об их смерти, Аня долго плакала. Почему-то и в этом она винила себя. Ей казалось, что если бы она не ослушалась маму, то все было бы хорошо и родители остались бы живы. Мысль эта, совершенно абсурдная, долго не давала ей покоя. Она даже хотела покончить с собой — купила пачку бритвенных лезвий «Нева», открыла теплую воду в ванной и попыталась перерезать себе вены. Но не получилось — сломанная рука плохо слушалась ее.

Анна рассказывала свою историю и плакала навзрыд. Вышитый носовой платочек давно превратился в мокрую тряпку, а она все говорила и не могла остановиться. Шарль де Виль слушал ее не перебивая. Потом он поднялся со своего места, налил в стакан воды из большого стеклянного кувшина и осторожно подал ей:

— Вот, выпейте. Вам станет легче.

Анна взяла стакан трясущимися пальцами и тут же расплескала половину себе на блузку. Она дрожала от рыданий всем телом, зубы стучали о стекло, но, как ни странно, вода оказалась такой холодной и приятной на вкус, что мало-помалу Анна успокоилась. Ей даже как-то легче стало от того, что она смогла рассказать все про себя этому странному человечку.

Он подал ей бумажное полотенце и задумчиво сказал:

— Да, вам многое пришлось пережить. Знаете, я иногда и сам удивляюсь — до чего же несправедлива бывает жизнь! И всегда одно и то же, всегда честные, порядочные люди становятся жертвами всяких мерзавцев и не умеют себя защитить. Именно в силу своей порядочности... Скажите, Анна, — он встрепенулся, будто вспомнил что-то важное, — чего же вы хотите сейчас?

— Не знаю... Ведь прошлого не вернешь! — Анна почувствовала, как голос у нее дрожит и снова подступают слезы. Сейчас она поняла особенно ясно, что жизнь ее загублена навсегда, ничего изменить невозможно. И никакие психоаналитики с дипломами или без тут не помогут.

— А если бы можно было вернуть? Просто представьте себе на минуту...

В помещении постепенно стало темно, как в кинозале, когда выключают лампы перед началом фильма. А на стене, как на широком экране, Анна увидела себя — такой, как она была в тот трижды неладный день. Вот она идет по Тверской (тогда еще улице Горького) в

своем светло-сером плаще с погончиками, в руках папка с нотами, она выглядит очень юной, счастливой и чуть-чуть отрешенной от окружающей действительности. Как говорится, «не от мира сего». Анна (а точнее — та девушка, которой она была тогда) слегка улыбается и покачивает головой в такт музыке, которую сейчас слышит только она.

— Помню! Это Бетховен, соната D-dur № 2! Как раз тогда я разучивала эту вещь! Я готовила ее к экзаменам.

Настоящая Анна — та, что стала на десять лет старше, смотрела на экран не отрываясь. Сейчас она снова почувствовала себя той девушкой, у которой все было впереди — у нее еще не было опыта обид и разочарований, в волосах не блестели серебристые нити, ноги были быстры и легки и не наливались свинцовой тяжестью по вечерам, а главное — ее руки были волшебной гибки и послушны, и левое запястье не уродовали старые шрамы. Она жила только музыкой и пока не успела исковеркать свою судьбу.

А следом за ней идет высокий парень в коричневой кожаной куртке. Это Владик, точно, Владик! Только сейчас он уже не казался ей красивым. Слишком низкий лоб, волосы какие-то сальные... И глаза нехорошие, бегающие. Анна даже удивилась немного: «Как я раньше этого не замечала?» Вот сейчас он заговорит — и вся ее жизнь пойдет по чужой, неверной колее.

— Нет! — закричала она. — Пожалуйста, не надо! Остановите это!

Изображение на экране будто замерло и стало каким-то тусклым, как старая выцветшая фотография. В комнате стало чуть-чуть светлее — уже не полная темнота, а так, полумрак. Где-то совсем рядом Анна услышала вкрадчивый голос Шарля де Виля:

— А если бы вы сейчас там оказались — что бы вы сделали?

Надо же, она ведь почти забыла о нем!

— Я бы прошла мимо и не стала бы с ним разговаривать! — ответила Анна. Она даже удивилась — голос ее звучал так смело, свободно и звонко, как, наверное, никогда раньше. Пройти мимо! Это же так просто. А потом — совсем другая жизнь.

— Вы хотели бы вернуться туда?

И он еще спрашивает!

— Да я бы все отдала за это, — тихо ответила Анна, — Душу бы дьяволу продала.

Анна была вполне образованной девушкой, много читала и нередко изъяснялась книжным языком в стиле романов девятнадцатого века. Но даже она не ожидала такой странной реакции собеседника на свои слова. Он деловито полез в папку, выудил оттуда лист бумаги с каким-то текстом и положил перед ней.

— Хорошо. Тогда подпишите вот здесь.

— А что это? — В полумраке трудно было разобрать мелкий шрифт.

— Простая формальность. Контракт, согласно которому вы передаете свою душу в обмен на возможность прожить свою жизнь заново и так, как вам хочется.

Странные, однако, методы психотерапии, запоздало подумала Анна, но ее рука уже потянулась к заботливо предложенной ручке. Она поставила свою подпись внизу страницы — и тут опять стало темно...

Олег шел по улице, продвигаясь вперед чуть ли не ощупью. Не вернуться бы в темноте. А то забрел — и не поймешь, куда. Хоть бы табличку повесили, уроды!

Олег споткнулся о какую-то скобу, торчащую прямо из земли, и упал. Мать-перемать вашу! Этого еще не хватало. Он медленно поднялся на ноги. Попытался кое-как отряхнуть окончательно испачканный плащ и брюки. Повернул голову вправо и сразу же уперся взглядом в аккуратный, подсвеченный изнутри прямоугольник на облупленной, потрескавшейся стене ближайшего дома: «Пыхов переулок, 14».

Олег вспомнил странное объявление в газете. Он ведь позвонил тогда по телефону из любопытства и даже не поленился свериться с электронной картой «Moscow map» в компьютере... Как там было? «Счастье оптом и в розницу». И Пыхова переулка в Москве — нет-Есть только Пыхов-Церковный.

Надо же, как интересно! Зайти, что ли, раз уж оказался рядом? Такси хоть по телефону вызвать.

Умом Олег прекрасно понимал, что сейчас время давным-давно перевалило за полночь и шансы застать кого-нибудь на месте ничтожно малы. Но почему бы не попробовать? Может, охранник сидит или там бабушка-вахтерша. Во всяком случае, попытка — не пытка, как говаривал товарищ Берия.

Олег даже повеселел немного и решительно направился к черной железной двери. Подергал ручку — так и есть, заперто. Уже не надеясь, надавил кнопку звонка — и тут заметил тонкую полоску света, пробивающуюся из-под двери.

В замке что-то щелкнуло, и дверь бесшумно распахнулась. Олег вошел, почему-то опасливо оглядываясь. Надо же — офис как офис, все как положено, на сауну или бордель совсем не похоже... Неужели они здесь круглосуточно работают? Олег все еще разглядывал интерьер и размышлял, что делать дальше, когда вдруг услышал прямо у себя над ухом вежливый мужской голос с едва заметным иностранным акцентом:

— Добрый вечер! Проходите, пожалуйста.

Олег вздрогнул от неожиданности и резко обернулся. Совсем рядом с ним вдруг появился маленький толстенький человечек в строгом темно-сером костюме, похожий на сытого, гладкого котяру. Олегу показалось даже, что он не подошел, а просто материализовался из воздуха. Вот только что его не было — а теперь есть...

Спать, наверное, померещилось.

А толстячок, казалось, ничуть не удивился позднему визиту. Наоборот — расплылся в сладчайшей, любезнейшей улыбке и принялся болтать без умолку:

— Здравствуйте, Олег Константинович! Разрешите представиться — Шарль де Виль. Очень рад, что нашли время заглянуть. Давайте пройдем в кабинет, там нам будет удобнее.

Олегу совершенно не хотелось беседовать с этим коротышкой в два часа ночи о чем бы то ни было, однако тот мягко, но напористо гнул свою линию, не давая вставить ни слова в поток гладкой, вежливой, обтекаемой какой-то речи. Олег и опомниться не успел, как оказался в глубоком и мягком кожаном кресле, а перед ним на столе стояла маленькая чашечка крепкого кофе, сваренного как раз так, как ему нравится — с кардамоном. И пах этот кофе... Просто изумительно! Олег с удовольствием отхлебнул глоток. Сразу стало уютно и тепло, даже хмель прошел. И сидящий напротив него толстячок с пышной дворянской фамилией (ну прямо как из «Трех мушкетеров»!) показался очень даже симпатичным.

«Интересно, а откуда он знает мое имя? И почему сидит на работе среди ночи, когда все добрые люди уже десятый сон досматривают?» Олег подозрительно покосился на своего собеседника.

А тот продолжал как ни в чем не бывало:

— Очень удачно, что вы меня застали сегодня. Люблю, знаете ли, иногда поработать ночами... Перефразируя вашего известного писателя, можно сказать: бизнес — понятие круглосуточное! Это наемные служащие, отбыв положенное время на работе, могут с чистой совестью идти домой, пить пиво и позабыть про дела. Знаете, — он заговорщически понизил голос, — иногда я им даже завидую!

Толстячок мечтательно закатил глаза. Ни дать ни взять — кот! Кажется, вот-вот замурлыкает.

— Да что я вам рассказываю, — вдруг спохватился он, — сами знаете, наверное. Что ж, как у вас говорится, кесарю — кесарево, а слесарю — слесарево.

Шарль де Виль коротко хохотнул своей шутке и продолжал уже совершенно серьезно:

— Итак, перейдем к делу. Наша компания в данный момент нуждается в серьезном, опытном, а главное, высокопрофессиональном партнере на российском рынке ценных бумаг. Не скрою, мы наводили справки. По... — он выдержал многозначительную паузу, — по разным каналам. И в свете того, что нам стало известно, ваша инвестиционная компания представляется наиболее подходящим партнером в России для нашей международной

корпорации.

Вот тебе и раз! У Олега даже челюсть отвисла от удивления. Толстячок помолчал недолго, наслаждаясь, видимо, произведенным эффектом.

— Сегодня утром я отправил имейл на ваше имя и, не скрою, рад вашему визиту, хотя и несколько удивлен. Полагаю, мы можем сейчас в общих чертах обсудить условия нашего будущего сотрудничества.

Шарль де Виль зашуршал какими-то бумагами на столе. Он смотрел остро и цепко, требовательно даже. От слащавой улыбки не осталось и следа.

— Так вы получили мое письмо? Ознакомились с бизнес-предложением?

Вот тебе и два, как сказал кирпич, падая с крыши. Не рассказывать же этому толстенькому, что забрел он сюда случайно, что компания его после кризиса находится на грани краха, даже Интернет отключен за неуплату...

А главное — про дурацкое объявление «Счастье оптом и в розницу».

— Н-да... — тянул Олег, — разумеется, в общих чертах...

— Какие сферы для инвестиций представляются вам наиболее привлекательными? Объемы? Доходность? Финансовый результат?

Олег наконец собрался с духом и твердо сказал:

— Сейчас я ничего не могу гарантировать. Вы, наверное, и сами представляете ситуацию...

Шарль де Виль даже приподнялся с места.

— Ценю вашу откровенность... И мужество. В наше время это так редко встречается! Я еще раз убедился, что не ошибся с выбором.

— Финансовые риски...

Де Виль сделал отстраняющий жест пухлой розовой ладошкой:

— Пусть это вас не тревожит. По мнению руководства нашей компании (и я с ним совершенно согласен), именно сейчас наступил самый подходящий момент для инвестиций. В спокойные времена, — он развел руками, — все пироги уже поделены. Приходится довольствоваться крохами. Так что, как говорится, — он лукаво улыбнулся, — куй железо, не отходя от кассы! Важно только не ошибиться с выбором.

Олег слушал внимательно и находил в его словах изрядную долю здравого смысла. Правда, сам он так никогда не думал, но почему бы и нет? Ведь сейчас и вправду можно скупать ликвидные активы буквально за копейки! Заводы все на боку, живые деньги дороги — а тут подвернулся такой благоприятный случай. Он аж вспотел от предвкушения редкой, почти невозможной удачи.

— Так с чего вы предполагаете начать?

— Ну, не знаю... Может быть, «мусорные векселя»?

— Ах, как интересно! — Шарль де Виль всплеснул своими пухлыми ручками. — Вы предлагаете скупать долговые обязательства мусороперерабатывающей промышленности? Вот это — новый взгляд!

— Да нет же. — Олег досадливо поморщился. Сколько раз говорили умные люди — отвыкать надо от профессионального сленга! — Вы меня неправильно поняли. «Мусорные векселя» — это долговые обязательства банков и предприятий, находящихся на грани банкротства. Сейчас они идут примерно в треть цены. Вложение, конечно, довольно рискованное, но эти риски вполне окупаются — либо контора в конце концов выберется из своего тупикового положения и вексель можно будет предъявить к оплате по номиналу, либо, в случае банкротства, можно рассчитывать на кусок собственности...

Он говорил довольно долго, даже во вкус вошел, увлекся. Толстячок слушал не перебивая, кивал, и его лицо выражало самое живейшее внимание и полную заинтересованность.

— Вот если найти хороший инсайдерский источник для полного счастья...

— Что, простите?

Ах да! Опять этот неистребимый сленг. Олег задумался, отхлебнул еще кофе... Как бы

объяснить поделикатнее, что иногда маленькие чиновники обладают ценной информацией и готовы конвертировать ее в денежные знаки несколько раньше, чем она станет общедоступной?

— Инсайдом называют... Ну, в общем, оперативные сведения из достоверных источников.

Олег подумал еще немного и бодро закончил:

— Кто владеет информацией — тот владеет миром!

Шарль де Виль слушал вроде бы внимательно, но Олегу показалось почему-то, что его мысли витают где-то далеко. Наконец, он деловито спросил:

— И это все, что вам нужно для счастья?

Олег даже опешил немного — таким неожиданным и даже неуместным показался ему вопрос. Хотя что с них взять, с иностранцев! В русском языке слишком много идиоматических выражений, не поддающихся дословному переводу.

— Ну, нет, конечно. Счастье — это так, фигура речи...

— В самом деле? — Шарль де Виль вдруг оживился. — Вы и в самом деле так думаете?

Вот только философской беседы и не хватало среди ночи! Но что ж поделаешь... Как говорится, кто девушку ужинает, тот ее и танцует. С потенциальным инвестором нужно дружить. Если он хочет поболтать на отвлеченные темы — бога ради.

Олег поудобнее устроился, откинувшись на спинку кресла, и задумчиво, с чувством произнес:

— Что такое счастье, в конце концов? Иллюзия, обман, круги на воде... Каждый понимает его по-своему. И никто не знает, что это такое.

Кажется, получилось вполне убедительно. Толстячок аж весь подался вперед, ловя каждое его слово.

— Каждый понимает по-своему... Как это верно подмечено! А что такое счастье *для вас*?

Олег почувствовал, как внутри постепенно нарастает раздражение. Вот привязался со своим счастьем!

— Ну, не знаю! Я так думаю, что его вообще нет. Досужая выдумка для лентяев и неудачников, больше ничего. Я вот вообще в него не верю — и ничего, прекрасно обхожусь!

Ответ прозвучал, пожалуй, излишне резко, но Шарль де Виль почему-то ничуть не обиделся. Он чуть насмешливо поднял бровь и весело переспросил:

— Вот так-таки и нет? Совсем?

Олег уже успел пожалеть о своей резкости, но отступить было некуда. Да пропади он пропадом, этот иностранец-коротышка! Слишком много чести будет — поддерживать светскую беседу среди ночи и унижаться ради туманных перспектив.

— Да, конечно! Я вообще не пойму — к чему этот разговор, — буркнул он сердито.

Вот сейчас время встать и уйти. Олег попытался было подняться из мягких объятий кожаного кресла, когда Шарль де Виль посмотрел ему прямо в глаза и тихо, очень тихо спросил:

— И что, вы всегда так думали? Всю свою жизнь?

Олег почувствовал, как вдруг обмяк, будто тряпичная кукла. Куда только девалась решимость — встать и уйти! Ведь он прав, этот чертов коротышка, тысячу раз прав — было в его жизни время, когда он каждый день засыпал и просыпался счастливым, когда мир был полон красок, звуков и запахов, а не сводился к тускло-зеленым графикам на мониторе компьютера и цифрам в балансовом отчете. И разве так уж давно это было? Давно — лет десять назад, наверное. Он тогда только-только окончил Московский энергетический институт, устроился по распределению в НИИ кабельной промышленности и женился на Галке из финансово-экономического.

Галка была девушка строгая, серьезная, уверенно шла на красный диплом в институте. Даже родителям его она понравилась, особенно маме. А он сам просто млел от Галкиной

нежной белой кожи, точеного профиля, взгляда серых глаз за очками в тонкой металлической оправе... Почему-то эти очки сводили его с ума. Даже в минуты особенной нежности он просил Галку не снимать их ни в коем случае.

После свадьбы молодые поселились в просторной квартире родителей Олега. Жили дружно, весело даже. С утра все разбегались по своим делам, но вечером обязательно собирались к общему столу, пили чай с печеньем «Поцелуйчики», которое мама Олега умела печь буквально из ничего (и ведь вкусно было!), разговаривали, шутили, смеялись... Олег тогда подрабатывал в кооперативе — паял автомобильные сигнализации, часто приходил усталый и грязный, но все равно было здорово. Жизнь была прекрасна и удивительна, казалось, что впереди — только хорошее.

До того дня, когда солнце погасло над головой. А началось все, как ни странно, с удачи — редкой, невероятной удачи. У Олега появилась возможность поехать на три года в Египет — поработать там на строительстве электростанции. Редко кому из молодых специалистов выпадает такой шанс — и мир посмотреть, и заложить прочную основу для будущей карьеры... А самое главное — получить в немалом количестве (и совершенно законным, честным путем!) вожеленные сертификаты, которые тогда только в «Березках» и отоваривали. Причем не абы как, а супердефицитом — японской техникой, дублинками, финскими сапогами и прочими прекрасными и полезными вещами, рядовому советскому потребителю недоступными. А может — удалось бы накопить на первый взнос в жилищный кооператив. Жить с родителями, конечно, хорошо, но ведь молодой семье надо и свое гнездо вить!

Рассудив примерно так, на семейном совете решили — надо ехать! Олега тогда неприятно резанул только алчный огонек, мелькнувший на мгновение в спокойных серых Галкиных глазах за стеклами очков. Сама-то она ехать вместе с ним не могла — пятый курс впереди все-таки.

— Ничего, с войны и дольше ждали! — отмахнулся отец Олега, Константин Семенович, и тем закрыл вопрос.

На следующий день Олег пошел подавать заявление. Потянулись дни и недели, заполненные хлопотами и суетой. Анкеты... кабинеты... очереди... снова кипы бумаг.

Нужно было еще пройти полное медицинское обследование. Помаявшись несколько дней в очередях в ведомственной поликлинике, сдав анализы всего, чего только можно, Олег пришел, наконец, получать вожеленную справку. И тут его ждал неприятный сюрприз — милая улыбчивая девушка, смотря куда-то вбок, сказала, что в следующую пятницу до восемнадцати тридцати ему нужно зайти в седьмой кабинет.

По первости Олег не заподозрил ничего дурного. Так только, чертыхнулся про себя на очередную задержку и потерю времени, придя в назначенное время, он нашел этот самый седьмой кабинет, уселся на стуле, достал из кармана припасенную «Вечерку» и углубился в чтение. Солдат спит — служба идет...

День был летний, жаркий, на стене играли солнечные зайчики, и настроение было превосходное. Олег думал о том, что вот сейчас он получит, наконец, эту справку проклятую, потом пойдет домой и будет ждать Галку — она обещала сегодня освободиться пораньше. Они будут вместе жарить яичницу с помидорами и подшучивать друг над другом, потом — пить чай, а потом...

Благо, сегодня родители на дачу уехали.

— Простите, к онкологу вы последний? — прошелестел над ухом тихий старческий голос. Олег почувствовал себя так, будто его окатили ведром холодной воды. Хорошее настроение мигом улетучилось.

Он не помнил, как дождался своей очереди, как оказался перед врачом — усталой теткой лет сорока пяти, толстой, вялой, разомлевшей от жары и равнодушной ко всему на свете. Уткнувшись в свои бумаги, она скороговоркой пробубнила что-то о том, что нужно лечь в клинику для полного обследования, а потом долго, обстоятельно выписывала направление в онкоцентр на Каширке.

Будто накладную на мешок цемента.

Олег кивал, будто китайский болванчик, не понимая ни слова. Он боялся, что просто разрыдается, как ребенок. В горле будто застрял шершавый комок, который ни проглотить, ни выплюнуть, глаза жгло изнутри.

В дверь постучали, и на пороге появилась молоденькая медсестра.

— Анна Пална, вы заказ продуктовый брать будете? — деловито спросила она. — Сегодня куры, гречка и две банки сгущенки.

— Ах ты господи! — спохватилась врачиха. — Я и забыла совсем!

Она вдруг засуетилась, порылась в сумочке, достала потертый кожаный кошелек. С неожиданной легкостью она вспорхнула с места и кинулась к двери. Равнодушие и апатию как рукой сняло.

— Любочка, пожалуйста, ты уж распишись за меня! Видишь, — она кивнула на Олега, — у меня еще прием идет. Работы полно!

Потом уже совсем другой, тяжелой походкой вернулась на место, плюхнулась на стул и вновь углубилась в свою писанину.

Но нескольких секунд Олегу вполне хватило, чтобы перегнуться через стол и заглянуть в свою медицинскую карту. Слова «рак толстой кишки» в графе «предполагаемый диагноз», небрежно нацарапанные фиолетовыми чернилами, навечно врезались в его память. Разве такое забудешь! Даже сейчас, через много лет Олега передернуло с ног до головы.

В тот же день Олег отправился в библиотеку и прочел все, что можно, о своей болезни. Результаты его не утешили. Продираясь сквозь дебри медицинской терминологии, он понял только одно — для него теперь вероятны два исхода. В худшем случае он просто умрет, и смерть его не будет легкой. А в лучшем случае ему, скорее всего, придется до конца жизни носить на специальном поясе пластиковый мешочек для собственного дерьма. Так или иначе, прежняя его жизнь кончена, кончена, кончена и уже никогда не вернется.

Когда Олег вышел на улицу, яркое июльское солнце померкло у него перед глазами. Он даже удивился — разве бывает черное солнце? Хотя, впрочем, ему было совершенно все равно. Шагая размеренно, как заведенный автомат, не видя и не слыша ничего вокруг, он купил бутылку водки, вернулся домой и впервые в жизни мертвецки напился.

Он сидел за столом в чистой, уютной кухоньке, среди вышитых прихваток, полотенчиков с петухами, кокетливых ситцевых занавесочек, что так нравились маме, и не узнавал привычных вещей. Разве здесь мы пили чай по вечерам? И ели домашние пельмени, бутерброды и печенье «Поцелуйчики»? И смеялись над папашиними анекдотами про Василия Ивановича, и подшучивали друг над другом?

Да не было этого, кажется, никогда.

Олег вливал в себя водку как воду — рюмка за рюмкой, без перерыва. Сначала было немного противно, потом в голове зашумело, сознание погасло, и это было хорошо. Темнота убаюкала его спасительным коконом, и последняя мысль была — хорошо бы остаться там навсегда! Вот прямо сейчас, не дожидаясь, пока превратишься в развалину...

Когда Олег снова открыл глаза, за окнами уже темнело. Он лежал на полу, а вокруг почему-то было мокро и липко, и пахло гадостно — какой-то кислятиной. Было очень противно и стыдно лежать вот так, но для того, чтобы подняться, не осталось сил.

Галка вернулась после занятий веселая, и в нем впервые шевельнулось недоброе чувство к жене. Увидев Олега в столь непотребном виде, она аж зашлась от возмущения, но ему почему-то было все равно. Хотелось только вернуться в уютное забытие, чтобы ничего не видеть и не слышать больше. Олег потянулся за бутылкой и допил остатки прямо из горлышка.

Увидев его неживые глаза, Галка почему-то испугалась и быстро ушла к себе, бросив только:

— Я с тобой завтра поговорю!

Окончательно Олег пришел в себя только под утро, с угрюмым ожесточением он вымыл пол, тщательно убравшись в кухне, выбросил бутылку из-под водки от греха подальше и

почти час простоял под горячим душем. Утром он встретил Галку чисто выбритый, в свежей рубашке, пахнувший одеколоном... Только вот запали глаза да глубокие складки пролегли к углам рта. Тусклым, лишенным интонаций голосом он сообщил ей о том, что с ним случилось. Галка ахнула, прикрыв рот ладошкой, и принялась уверять, что все будет хорошо, а ему хотелось только одного — чтобы оставили в покое.

Оказавшись в больнице, Олег будто отупел, окаменел, перестал жить. Он равнодушно переносил все, что с ним проделывали врачи, равнодушно ел больничную еду, не чувствуя вкуса, почти не разговаривал с соседями по палате и часами лежал, отвернувшись к стене. Когда приходили мама и Галка, он тяготился их визитами. Олег складывал в тумбочку домашние вкусности, односложно отвечал на вопросы о здоровье и хмуро уклонялся от телячьих нежностей. «Сыночка мой дорогой! Олежек, любименький! Все будет хорошо, ты поправишься!» Дуры. Олегу каждый раз хотелось крикнуть: «Да оставьте вы меня в покое, наконец! Неужели вы не понимаете, что ничего теперь хорошо уже не будет! И нечего слюни разводить о своих переживаниях, это я умру, а *вы* останетесь!»

Очнувшись после наркоза, Олег увидел над собой круглую, улыбающуюся физиономию лечащего врача. Прежде он избегал встречаться взглядом (такой молодой! Жалко), а сейчас прямо сиял. Из его слов Олег понял только одно — произошла ошибка, опухоль доброкачественная, он будет жить и останется человеком. Странно, но даже от этого известия большой радости Олег не испытывал. Он лежал на спине, смотрел в потолок, испещренный мокрыми разводами, и ни о чем не думал.

Годы спустя Олегу часто казалось, что вместо него живет кто-то другой, а настоящий Олег Сартанов умер на полу, извиваясь в собственной блевотине.

Вернувшись домой, Олег первым делом уволился из своего НИИ. Видеть преувеличенно бодрые лица сослуживцев и отвечать на бесконечные расспросы о здоровье оказалось выше его сил. Сохрани нас бог от месткомовского сочувствия.

Он полностью сосредоточился на работе в кооперативе, паял свои сигнализации по двенадцать часов в сутки, уставал как раб на плантации... И это было хорошо, потому что делать что-либо другое Олег все равно был не в состоянии. Через несколько месяцев он равнодушно развелся с Галкой, при первой возможности купил однокомнатную квартиру и переехал от родителей.

С тех пор он целиком ушел в бизнес. Сначала были автосигнализации, потом он открыл торговую фирму и неплохо заработал на торговле сигаретами и спиртом «Роял», а после этого занялся ценными бумагами — и это оказалось особенно интересно. Бизнес не оставлял времени на личную жизнь, и это тоже было к лучшему — жениться снова он не собирался, а проститутками брезговал. Поэтому довольствовался легкими случайными связями и то время от времени. Олег вообще не понимал, почему любви придают такое большое значение: ну да, хорошо, пять минут приятно, зато сколько суеты до и после!

Так и катилась его жизнь в заданном направлении... Вплоть до сегодняшнего дня. Олег давно привык, притерпелся, научил себя не вспоминать прошлое, но сейчас он вдруг почувствовал себя таким несчастным, обокраденным и обделенным судьбой, что хоть плачь!

Он понял вдруг, что и вправду плачет. По щекам текли слезы — те, невыплаканные много лет назад! Те, что обжигали изнутри все эти годы. Олег плакал, но почему-то совсем не было стыдно, наоборот — становилось легче, будто вместе с соленой влагой из души уходила тяжесть и боль.

Толстенький коротышка (как бишь его зовут? Шарль... Точно, Шарль де Виль!) тихо спросил:

— Это ведь очень трудно — умереть, а потом жить снова?

Олег удивленно уставился на него. «Он что, мысли читать умеет? Или я говорил что-нибудь? Не помню, да это и не важно». Важно другое — каким-то образом он сумел очень правильно сформулировать то, что Олег чувствовал в этот момент.

— Да, трудно... А что поделаешь? Что было, то было.

— А если бы — не было?

Голос его странного собеседника звучал теперь требовательно, напористо, мягкость и сочувствие мигом подевались куда-то.

— Какова бы *тогда* была ваша жизнь?

Олег задумался. А ведь и в самом деле — какова?

— Ну, с Галкой, наверное, разводиться не стал, так и жили бы вместе, — неуверенно начал он.

Толстячок согласно кивал и быстро-быстро записывал что-то в большом блокноте.

— Так. А еще?

— Бизнесом бы занимался, конечно! Только умнее был — слил бы все активы в офшор до дефолта.

— И это что — все? — В голосе толстенького человечка звучало недоумение.

Олег снова задумался, и на этот раз — надолго. Как объяснить словами, что это за штука такая — радость жизни? Которая возникает не потому, что бабла наварил немерено, конкурента утопил или купил себе крутую тачку, а просто так, ниночему? Когда можно идти по улице пешком и улыбаться просто так, потому что солнце светит и воробьи купаются в лужах? Когда ничего не боишься, потому что непуганый еще, и не знаешь даже толком, что это такое — бояться по настоящему? Когда от улыбки твоей женщины, от движения руки, завитка на белой шее или строгого взгляда из-под круглых очочков шевелится что-то не в штанах, а в душе? И кажется, что все только-только начинается, потому что жизнь впереди длинная и все можно успеть...

Наверное, только в юности и бывает такое.

— Если я вас правильно понял, вы хотите вернуться в молодость и заново прожить собственную жизнь — только без болезни? И всего, что с этим для вас связано?

Олег кивнул:

— Да, пожалуй, именно так. Только это ведь невозможно...

Шарль де Виль насмешливо поднял бровь:

— Почему же невозможно? *Все* может быть возможно — после подписания контракта.

При слове «контракт» Олегу почему-то стало не по себе. Одно дело — полуночная беседа, просто треп ни о чем, и совсем другое — брать на себя какие-то обязательства и подписываться под этим. Тем более в таком состоянии, как сейчас. Алкоголь и ностальгия по прошлому — не лучшие советчики.

Но а что он, собственно говоря, теряет?

— И какова цена договора? — Олег попытался иронически улыбнуться, но улыбка вышла кривая, жалкая. Он и сам это почувствовал.

Собеседник его был совершенно серьезен.

— Цена у нас обыкновенная — душа. Вы же образованный человек, сами все понимаете. Дорогой товар дорогого стоит, подделок не держим.

В горле у Олега пересохло. «Прочь отсюда — и немедленно! Он же сумасшедший, как я сразу не понял этого?»

— А если я откажусь?

— Пожалуйста! Это ваше право. Вы можете уйти прямо сейчас, никто и ничто вас не удерживает. Но... посмотрите сначала, *от чего* вы собираетесь отказаться.

На белой пустой стене прямо перед глазами Олега вдруг появилось большое, полномасштабное, красочное изображение. Оно было таким живым и объемным, будто открылось окно в другой мир.

Мир, где он был счастлив когда-то.

Олег узнал свою комнату, чуть выцветшие обои с веселенькими голубыми цветочками, тюлевые занавески на окнах, раскладной диван, служивший когда-то им с Галкой супружеским ложем... Вот и Галка — мирно посапывает, подложив ладошку под щеку. Трогательно так, совсем по-детски. А кто это рядом с ней? Олег присмотрелся внимательнее и узнал себя самого — такого, каким был десять лет назад. Тот, молодой Олег спал на спине,

разметав руки, и чуть улыбался во сне. Такое хорошее, ясное у него было лицо... Даже завидно.

Олег смотрел — и не мог оторваться. А коротышка гнул свое:

— Ну, разумеется, если вы отказываетесь, я не могу настаивать. Приятно было познакомиться, всего доброго.

Волшебная картинка стала понемногу исчезать, таять. Краски потухли, контуры предметов утратили четкость. Вот сейчас все исчезнет навсегда...

— Нет! — крикнул Олег. — Пожалуйста, нет! Я согласен! Я подпишу ваш контракт!

Не глядя, он поставил закорючку внизу подсунутой страницы.

— Вот и славно! Идите же. Здесь — ваше счастье, и оно ждет вас.

Олег поднялся, не чувствуя ног под собой. Сделал шаг, другой — и натолкнулся на незримую преграду.

— Смелее! — Голос прозвучал, как удар хлыстом.

Олег изо всех сил подался вперед, почувствовал упругое, но не слишком сильное сопротивление, как будто это полиэтиленовая пленка, которая вот-вот прорвется...

Сергей Николаевич не знал, сколько времени он пролежал без сознания на улице. Когда он открыл глаза, было уже темно. Или *еще* темно? Кто ж его знает!

Он осторожно поднялся. Ничего, ноги вроде бы держат. И голова не кружится, сердце не болит, так что жить можно. Полез во внутренний карман плаща — там, где деньги и документы. В темноте, конечно, не очень разглядишь, но вроде бы все цело. Даже портфель с рукописью — вот он, валяется чуть поодаль, целехонький. Видно, никто не польстился.

Он посмотрел по сторонам. Фонари, конечно, не горят, но и темнота не кромешная. Откуда же взялся этот слабый, бледный свет? Ночь-то вроде безлунная... Ах, вот оно — табличка на стене дома, прямо у него над головой. «Пыхов переулок, 14».

Странно. Сергей Николаевич точно помнил, что шел он через Калашный переулок. Как он здесь-то очутился? Когда глаза немного привыкли к темноте, он сумел разглядеть, что и дома здесь были совсем другие — нежилые, давно выселенные, зияющие выбитыми стеклами и пустыми дверными проемами. Пыхов переулок... А ведь название-то знакомое! Сергей Николаевич вспомнил объявление во вчерашней газете и странный номер телефона. Очень уж цифры там были... говорящие.

Он чувствовал, что попал в какую-то нехорошую историю, что надо уходить отсюда побыстрее, но любопытство просто-таки толкало его вперед. В самом деле, чего ему еще бояться? Все, что могло быть страшного в его жизни, уже давным-давно случилось.

Добротная, крепкая железная дверь выглядела чем-то инородным среди окружающей разрухи. Если объявление — это не шутка и не розыгрыш, если здесь действительно что-то есть, то наверняка за этой самой дверью.

В просторном холле, где он оказался, было на удивление светло и чисто. Даже пахло приятно — дорогим трубочным табаком и немного какой-то парфюмерией. Одеколоном, наверное.

Сергей Николаевич с любопытством осматривался. В подобных местах (сейчас их называют «офисами», на английский манер) ему доводилось бывать нечасто. И почему-то все у них одинаковое — стены белые, как в больнице, мебель — черная, а на полу — что-то вроде серого жесткого паласа. Сговорились они, что ли? Или просто мода такая? И свет какой-то странный, рассеянный, будто прямо из потолка.

— Добрый вечер, Сергей Николаевич.

Сергей Николаевич оторвался от созерцания плоских, как тарелки, светильников и повернул голову. Перед ним стоял невысокий полноватый человечек в темном костюме. «Откуда он только взялся? Ведь только что его не было. А главное, откуда он меня знает?»

Незнакомец любезнейше улыбался, будто приход посетителя среди ночи — самое что ни на есть обычное дело. Только вот глаза у него были странные, очень странные. Сергей Николаевич только глянул раз — и отшатнулся даже. Почему-то ему стало страшно. Будто в

бездну заглянул... Очень уж сильно не вязались эти глаза с кургузенькой фигуркой смешного человечка.

— Очень рад, что вы все-таки пришли. А то я, знаете ли... — он как-то по-детски улыбнулся и беспомощно развел руками, — я, знаете ли, уже волноваться начал.

Ну, ни дать ни взять — заботливый хозяин дома, который боится, как бы долгожданный гость не заблудился ненароком, «откуда же он меня все-таки знает. Может, встречались где-нибудь?»

— Да что же это мы стоим здесь, в коридоре? — вдруг спохватился он. — Давайте пройдем ко мне в кабинет, здесь нам будет удобнее.

Сергей Николаевич просто кожей ощутил опасность. Нечего здесь делать, уходить надо, пока еще есть такая возможность... Если есть. Но, оказавшись в светлом и теплом помещении, он вдруг почувствовал себя очень усталым и опустился в глубокое кожаное кресло. Отдохнуть бы немного, просто отдохнуть.

А толстячок удобно устроился за столом напротив него. Видно, что приготовился к длинному разговору. «Интересно, чего ему от меня нужно? — устало подумал Сергей Николаевич. — Вроде взять нечего».

— Позвольте представиться — Шарль де Виль.

Как интересно! Де Виль — Devil — дьявол! Неужели? Сергей Николаевич даже головой потряс — не ослышался ли он? — и осторожно спросил:

— Вы — тот, о ком я думаю?

Его собеседник ничуть не удивился, только кивнул и просто ответил:

— Да. Вы совершенно правы.

Неизвестно почему, но Сергей Николаевич вдруг поверил, что так оно и есть, что сидящий перед ним толстенький коротышка — не странный шутник и не сумасшедший, а именно тот, за кого выдает себя. Поверил — и все.

Ничего себе! Даже в пот бросило. Это же надо было столько лет заниматься историей раннего Средневековья, прочитать массу трудов по демонологии от Жана Бодена до Александра Амфитеатрова, чтобы сейчас, на старости лет, повстречаться лицом к лицу!

— Так вы все-таки есть! — выдохнул он.

— Ну да. — Его странный собеседник пожал плечами. — А вы сомневались? С вашей-то биографией?

Тоже правда. Сергей Николаевич вспомнил почему-то следователя с говорящей фамилией Грабищенко в ленинградских Крестах. После его допроса грузчик Иван Демур, туповатый, почти неграмотный деревенский парень, обвиненный почему-то в шпионаже в пользу Японии, вернулся в камеру без зубов и одного глаза. И Мылгина в Усть-Ижме. И легендарного полковника Гаранина на Колыме... Да сколько их еще было — от сержанта-вохровца, палившего по колонне эков просто так, от нечего делать, до министра внутренних дел Абакумова, который сам не брезговал бить подследственных на допросах, или даже всесильного Берии.

— И чего же вы хотите от меня? Я вроде это... Не по вашему ведомству.

— Вот именно! — Шарль де Виль поднял указательный палец. — Вы — не по нашему ведомству, как вы совершенно правильно изволили заметить. Потому я и хочу купить вашу душу — за любую приемлемую для вас цену.

— А зачем? От меня же ничего в этой жизни не зависит! Я вроде не политик, не министр, не бизнесмен, не олигарх...

Шарль де Виль посмотрел на него укоризненно:

— Сергей Николаевич, ну вы же умный человек! Зачем приобретать то, что и так мое по праву?

И это правда. Судя по тому, как эти господа ведут свои дела, они должны бы ежедневно отчитываться перед ним о проделанной работе. Сергей Николаевич подумал немного и твердо сказал:

— Зря вы это, господин дьявол. Человек слаб, конечно. Насчет души — не знаю, а

честь и совесть порой за пайку хлеба продавали... Или чтобы хоть не били больше. Сам видел. Но мне-то теперь терять нечего! Знаете, — он улыбнулся этой неожиданной, даже парадоксальной мысли, — знаете ли, в старости тоже есть свои преимущества!

— Что вы, Сергей Николаевич! Как вы могли подумать! — Де Виль вроде смутился немного. — У меня и в мыслях не было угрожать вам или принуждать вас к чему бы то ни было. Вы, может быть, не поверите, но у меня тоже есть свои принципы. Я же сказал — купить, и готов честно заплатить за это.

— Ну, тогда тем более! Деньги мне не нужны. В мои годы желания становятся намного скромнее.

— Все желания? — Де Виль лукаво прищурился. — Я, конечно, понимаю, что перспектива есть черную икру столовой ложкой или заполучить к себе в постель победительницу конкурса красоты не заставит сильнее биться ваше сердце. Кстати, — он прищелкнул языком, — кстати, и не советую. Никогда не нужно платить за дешевый товар слишком дорогую цену. Я хочу спросить вас о другом — вы ведь знаете, что скоро умрете?

Этот вопрос он задал так просто и буднично, как будто речь идет не о жизни человека, а о том, пойдет завтра дождь или нет.

— Догадываюсь. — Сергей Николаевич пожал плечами. Почему-то именно сейчас, впервые за долгое время, ему стало страшно при мысли о смерти.

— Тогда скажите — не обидно ли будет умирать, зная, что вы не сделали и десятой части того, что могли бы сделать? Вы, конечно, человек незаурядный, но будем откровенны... Ваш потенциал во многом так и остался нереализованным.

Вот это удар! Сергей Николаевич вспомнил, как всего несколько часов назад на бульваре думал как раз об этом. Все правда, и ничего тут не попишешь.

— Так когда же все пошло неправильно — не так, как нужно?

Давно... С самого рождения, пожалуй!

Родился он в приснопамятном семнадцатом году. Отец его, инженер-путеец, был человеком просвещенным и либерально мыслящим, а потому еще при царском режиме добивался сносных условий труда для рабочих и сочувствовал забастовщикам. Февральскую революцию он принял с восторгом, ибо полагал самодержавие препоной для развития новой, процветающей России. Позже, когда на смену Февралю пришел Октябрь, иллюзии развеялись. В тот промозглый осенний день, который потом навсегда войдет в историю, маленький Сережа родился на свет.

В городе стреляли. Один из артиллерийских снарядов угодил прямо в акушерскую клинику на Аптекарском острове. Слава богу, снаряд не разорвался и никто не пострадал, но страху все натерпелись — и врачи, и сиделки, и роженицы. Одна даже скончалась от разрыва сердца. А Сонечка Беспалова, молодая Сережина мама, все плакала и плакала, никак не могла остановиться.

— Что ж так убиваться, голубушка, ведь все уже кончилось. Мальчик у вас, здоровенький, радоваться надо, — уговаривала ее пожилая сиделка.

Соня ничего не отвечала, только мотала головой, размазывая слезы по лицу и крепко прижимая к себе новорожденного сына. Будто знала, какая жизнь ему предстоит.

Потом были годы Гражданской войны, разрухи и голода. Добыча дров стала подвигом, морковный чай — пиршеством, а полмешка мерзлой и проросшей картошки — богатством Шехерезады. Совсем тяжело стало, когда пропал отец — просто вышел на улицу и не вернулся. А хрупкая и нежная Сонечка, которая когда-то зачитывалась романами Лидии Чарской и рисовала лиловые ирисы на шелку, вдруг обнаружила в себе такую отчаянную, неженскую силу и волю к выживанию, что оставалось только диву даваться.

Как голодная волчица, у которой в норе остались детеныши, выбегала она на мороз. Ездила по деревням на крыше поезда, божась и ругаясь, сбывала деревенским бабам старые лифчики и за фунт пшена рассказывала красноармейцам о полотнах великих мастеров в Эрмитаже. Да мало ли еще что! Всего не упомнишь, а иное — и вспоминать не хочется.

В голодную, смертную зиму двадцатого года приходил иногда товарищ Жмаков —

уполномоченный желдорпути. Он приносил бутылку подсолнечного масла, полфунта сахару и хлеб, садился на колченогую табуретку и с полчаса говорил об отправке товарных составов. Потом скрипела старая кровать, и маленький Сережа хныкал за ситцевой занавеской, а Соня все смотрела и смотрела на бутыл с мутноватой жидкостью, на белую горку сахара на блюде, на кусок черного, сырого и тяжелого непропеченного хлеба, похожего на глину...

Потом стало как-то легче. Соня пошла работать учительницей французского языка. Сережа рос лобастым, синеглазым и упрямым. Больше всего он интересовался историей. Мир ислама и мир христианства, война венгров с австрийцами и поляками, Тридцатилетняя война... Потом — Античность, книги по истории Римской республики, завоеванию остготской Италии Византией — Велисарием и Нерсесом. Но больше всего он увлекся историей раннего Средневековья.

В 1934 году Сережа поступил в университет, а в 35-м его впервые арестовали. Тюрьма была переполнена, но Сережу почему-то вскоре перевели в одиночку. Там было очень скучно, но уже не так тяжело. Лежать в камере было нельзя, приходилось забираться под койку. Он лежал целыми днями на полу и думал — почему же совершаются исторические явления? почему тысячи людей бросали свои дома и шли в неизвестность ради достижения иллюзорных целей, вроде завоевания Иерусалима? Почему так ожесточенно и кроваво воевали друг с другом католики и гугеноты, если по большей части и те и другие были неграмотны и в богословских вопросах не разбирались вовсе? Почему многочисленным еретикам вроде катаров, вальденсов или русских старообрядцев было проще погибнуть, чем отречься, подчиниться и «жить как все»?

Сережа тогда так увлекся своими мыслями, что даже удивился, когда его довольно быстро выпустили. Падал снег, он шел домой по Литейному проспекту в легкой летней куртке (арестовали-то в начале октября, еще тепло было!), но холода не чувствовал. Думать было гораздо интереснее. Только сейчас ему стало приходить в голову, что далеко не всегда войны и прочие события происходят потому, что кому-то они нужны. Чаще всего — никому, и меньше всего их участникам. Значит, есть у людей устремления, которые в определенный момент становятся важнее, чем просто выживание и возвращение потомства! Значит, не всегда во главе угла стоит чья-то выгода, что бы там ни говорили университетские профессора о производительных силах, производственных отношениях и классовой борьбе! Сергей даже подпрыгнул от радости. Именно сейчас он нащупал идею, над которой потом будет работать всю жизнь.

Вернувшись домой, Сергей обнаружил, что из университета его давно исключили. Как-то враз постаревшая Соня долго смотрела на него, будто не веря своему счастью, а потом, вздохнув, твердо заявила:

— Уезжай, сынок. Пока они там... не спохватились, уезжай подальше. Так лучше будет.

Сергей послушался и устроился рабочим корректором в Геологический комитет. Несколько лет ездил по экспедициям — был в Южном Прибайкалье, в Слюдянке, в лесах Хамар-Дабана... Был и в Южном Таджикистане, учился там говорить по-таджикски. Это очень помогло, когда через много лет пришлось сдавать в университете кандидатский минимум по персидскому языку. Работа была тяжелая, но это все равно было счастьем — можно было ходить, дышать, говорить с людьми... А главное — думать и писать. Сережа сочинял стихи на исторические темы и охотно читал их вслух всем желающим, писал статьи на обратной стороне чертежей, геологи ругали его за это, но в общем относились снисходительно.

Счастье кончилось в тридцать седьмом, когда в Ленинграде пошли повальные аресты. Руководитель Сережиной экспедиции, профессор Тимашов, был расстрелян за саботаж (якобы специально скрыл месторождение золота, чтобы потом передать его агентам империалистических разведок). И никого не интересовало, что никакого золота Тимашов не искал, а занимался всю жизнь молибденовыми рудами. Время было такое.

Сергей тогда получил свою десятку и мог считать, что легко отделался — не расстреляли ведь! Сначала он попал на Соловки, а потом — на строительство Беломорканала. «Машина ОСО, две ручки, одно колесо...» Тяжеленные тачки, кубометры и кубометры мерзлого грунта, лесоповал, который бывалые зэки называли «сухим расстрелом» — трех месяцев «общих работ» хватало, чтобы здоровенный мужчина превратился в инвалида. Сергей бы умер там, но, к счастью, его десятилетний приговор прокурор отменил «за мягкостью», и его привезли в Ленинград на новое следствие.

Там, в Крестах, немного передохнул. А потом оказалось, что Ежова уже нет — расстрелян, и того прокурора тоже расстреляли. Новый следователь все спрашивал Сережу — за что, мол, сидишь? Внятного ответа он дать не смог, тогда ему дали всего пять лет (детский срок!) и отправили в лагерь под Норильском.

На новом месте ему повезло — взяли работать в химическую лабораторию. Там, по крайней мере, было тепло... Вообще же на Нижней Тунгуске место было очень суровое — летом мошка, комары, с сентября начинались дожди, а с октября — завалы снега. Когда началась война, Сергей ушел добровольцем на фронт и очень радовался, что взяли. На передовой он был солдатом, и это было намного легче. По крайней мере, там он чувствовал себя человеком, а не бесправным зэком номер такой-то.

Он дошел до Берлина, вернулся с фронта и приехал в родной Ленинград. «Я кровью смыл, я искупил...» Правда, что именно искупил — было непонятно, но все равно, свобода опьяняла крепче водки. Прямо с вокзала, в шинели с погонами он пошел в университет. Как фронтовика, его сразу же приняли и даже разрешили сдать экзамены экстерном.

Какое хорошее было время после войны! Сергей Николаевич до сих пор вспоминает его с нежностью. Он тогда даже умудрился сдать кандидатский минимум одновременно с госэкзаменами и опубликовать одну из старых своих работ, написанных еще в геологической экспедиции. И устроился научным сотрудником в Музей этнографии. И начал писать книгу о средневековых ересьях. А еще — познакомился с аспиранткой Наташей, которая потом стала его женой. Сергей так торопился жить и работать в те годы, как будто знал, как мало времени ему для этого отпущено.

Все кончилось после постановления Жданова о «Звезде» и «Ленинграде». Сначала его отовсюду выгнали и хорошие знакомые перестали кланяться на Невском. Пришлось работать где придется — дворником, сторожем, грузчиком на рынке и даже библиотекарем в сумасшедшем доме. Он просто кожей чувствовал, что скоро снова посадят, а потому и Наташу уговаривал развестись — зачем же калечить жизнь девочке! Она не поняла, обиделась, сначала все плакала, а потом собрала вещи и ушла.

И правда — вскоре его снова арестовали. Шла тогда волна повторных посадок. Следователь был толстый и ленивый, все спрашивал: в чем ты виноват, за что тебе можно дать срок? Так они вдвоем ничего толкового не придумали, да это и не важно было — раз взяли, значит, виноват! У нас просто так не сажают.

И снова перерыв почти на десять лет. Какая уж тут работа! Сергей тогда и лагеря считать замучился — его почему-то все время дергали на этапы. Освободили только в пятьдесят шестом, когда дела осужденных пересматривали пачками. Как сажали, так и освободили — вызвали в красный уголок, где заседала комиссия, дали расписаться в какой-то непонятной бумаге, шлепнули печать, и все — свободен!

Сергей вернулся в Ленинград, но оказалось, что жить негде — Соня умерла, а в их комнате давным-давно живут другие люди. Хоть на улицу иди или обратно в Караганду возвращайся. И вдруг — как чудо! — пришла весточка от Наташи. Сторож в Музее этнографии, куда Сергей зашел однажды по старой памяти, передал записку от нее. Оказалось — помнит, ждет, переехала в Москву и зовет к себе! Специально приезжала в Ленинград, бродила по старым местам, записку вот передала — почти в никуда, почти без надежды, что он ее когда-нибудь получит и прочтет.

С каким настроением Сергей тогда ехал в Москву — передать невозможно. Восемь часов в поезде (денег на самый дешевый билет в общем вагоне насобирал в долг всеми

правдами и неправдами) тянулись бесконечно, он волновался, как мальчишка, и когда увидел ее на вокзале, в сером пальто и черненьком беретике, с какими-то дурацкими цветами в руках, постаревшую и похудевшую, с морщинками у глаз и седыми нитями в волосах, но такую близкую и родную — как только сердце из груди не выпрыгнуло!

Почему слезы текут по щекам — даже сейчас, спустя сорок лет? И сердце щемит, как тогда?

— Вы хотели бы прожить свою жизнь заново — без тюрем и лагерей?

Сергей Николаевич снова задумался. Конечно, заманчиво звучит, только ведь и на воле жизнь была не сахар. Гнаться, молчать, аплодировать на собраниях, подгонять любую свою работу под труды классиков марксизма-ленинизма...

— Нет, господин дьявол. В такой стране — и воля не нужна.

— А если в другой?

Сергей Николаевич вспомнил, как в начале девяностых единственный раз поехал в Париж на конференцию с делегацией научных сотрудников. И подходили к ним, смотрели как на чудо совсем старенькие эмигранты первой волны, бывшие корнеты и штабс-капитаны Белой армии и их изрядно «офранцузенные» дети и внуки. Странное чувство вызывали эти люди — и жалость, и зависть одновременно. Конечно, приятнее быть водителем такси в Париже, чем эком на Колыме, только вот душу продавать за такую участь явно не стоит.

— Вижу, что и такая перспектива вас не вдохновляет. А ведь умный! Сразу заметил. Хотя, конечно — дьявол...

— Но знаете ли, гордость — это тоже грех. Сергей Николаевич вскинулся:

— Имею право! Я всей жизнью заплатил за это.

Де Виль смотрел ему в глаза — пристально и печально.

— Своей — да. Но только ли своей?

Вот это уже был удар ниже пояса. Наташа умерла в сорок лет от острого лейкоза, а он почти ничем не мог ей помочь. Тогда, после короткой «оттепели», все снова вернулось на круги своя, и от него все шарахались, как от зачумленного. Статьи его ходили по рукам вольнодумствующей учащейся молодежи, так что кое-какая известность уже появилась, но ее ведь на хлеб не намажешь! А в доме часто не было денег даже на самое необходимое. Долгие годы потом еще грызло неизбывное чувство вины перед рано ушедшей женой, казалось — недодал ей чего-то, недолюбил, мало уделял внимания... Может, еще можно было помочь, а вот он — не смог.

Сергей Николаевич углубился в свои воспоминания и не сразу заметил даже, что де Виль уже не смотрит на него, занятый какой-то своей новой мыслью.

— Значит, говорите, с самого рождения? А вы — ровесник революции, да? Очень интересно. А что, если бы ее не было?

Вот тебе и раз! Сергей Николаевич так и застыл на месте от неожиданности. Такая мысль никогда не приходила ему в голову. Это ему, историку! А ведь такое было вполне возможно... В семнадцатом году власть просто валялась под ногами.

— И как бы вы жили тогда? Что делали? Хотя я, конечно, догадываюсь, можете не говорить. Ведь хорошая была бы жизнь у вас, Сергей Николаевич, если бы для этого были созданы хотя бы минимально благоприятные условия! Знаете, даже завидно. — Он еще подумал немного, побарабанил пальцами по столу. — Так, значит, не хотите?

Сергей Николаевич не ответил. Он смотрел прямо перед собой и не видел ничего вокруг. Совсем другое представлялось ему сейчас. Перед его внутренним взором картинка менялись быстро-быстро, как в калейдоскопе: здание Московского университета на Моховой... Скифские курганы в Крыму... Лицо Наташи — счастливое, смеющееся... и ее тонкие руки, нежно обнимающие выпирающий животик. Он вспомнил, как хотела она детей, и чуть не заплакал, даже зубами скрипнул. Господи ж ты боже мой, да за такое ничего не жалко!

— Ну, что скажете?

Он кивнул:

— Я согласен.

— Тогда подпишите вот здесь.

Почти не глядя, стараясь удержать перед глазами милые сердцу видения, он поставил свой всегдашний витиеватый росчерк на подsunутой ему странице. Даже не читая, что именно он подписывает, — ему было все равно.

Глава 4 БАЧИЛЫ ОЧИ, ЩО КУПУВАЛЫ...

Время и место неизвестно

Андрей проснулся не сразу. Сознание возвращалось медленно-медленно, просачиваясь сквозь сонное оцепенение. Первое, что он ощутил, — это сильная головная боль и какая-то странная одеревенелость во всем теле. Спал, наверное, неудобно. И сон какой-то странный приснился... Он с хрустом потянулся, разминая затекшие мышцы, и сел на кровати, протирая глаза. Ну ничего себе!

Комната была совершенно незнакомая — очень большая, светлая, с огромным застекленным эркером в полстены. На полу — пушистый ковер с длинным и мягким ворсом, с потолка свисают какие-то чудные металлические штуковины, белые стены, как в больнице, и на них — огромные разноцветные кляксы... Кровать почему-то круглая. Сексодром, а не кровать.

Андрей с любопытством оглядывал свое новое обиталище и никак не мог вспомнить, как он попал сюда. Это ж надо — провалы в памяти начались! А вроде и не пил вчера... Он сел поудобнее, подобрав под себя ноги, и принялся вспоминать. Так что вчера было-то?

Так, Светка-соседка... Муж ее еще приехал не вовремя. Андрей охнул и схватился за подбитый глаз. А что потом?

Точно! Вспомнил! Контора эта стремная! И этот, как его... Иностранец. Контракт был еще. Точно, контракт! Андрей вспомнил толстый бумажный лист, кроваво-красные чернила в авторучке, и почему-то ему стало не по себе. Даже озноб пробрал. И курить захотелось. Андрей беспокойно посмотрел по сторонам. А вот и сигареты на тумбочке у кровати. Ишь ты, «Мальборо»... Кучеряво живут.

Кто живет, кстати?

Андрей неловко потянулся за красно-белой пачкой и уронил на пол фотографию в серебряной рамке. Поднял, попытался аккуратно пристроить на место. Надо же, стекло разбилось... Жалко.

Андрей присмотрелся — да так и обомлел. Сквозь трещины в стекле на него смотрел он сам — в чудном каком-то прикиде, с гитарой, освещенный разноцветными софитами... И подпись в уголке: «Екатеринбург, Атриум-Палас-отель, 14 ноября 2003 года».

Опаньки! Так что, значит, *все правда*? И все сбылось?

Он нервно закурил, пытаясь сдержать дрожь в пальцах. «И что теперь делать? Рок-певец, блин. Да я со стыда сгорю, если выйду на сцену! Слуха и голоса отродясь не было, даже в школе на уроках пения просто так рот открывал. Черт, ну что ж мне так плохо-то, а? Все мышцы болят, руки-ноги с трудом слушаются, будто чужие, а главное — омерзительное чувство какой-то мутной тревоги и тоски. Хата крутая, конечно, но почему-то совсем не радостно. Неужели это и есть обещанное счастье? Что-то не заметно...»

Трепль дверного звонка резко и требовательно прервала его мысли. Андрей еще подумал — открывать или не надо? Мало ли что... Но не век же взаперти сидеть!

Он натянул джинсы, взлохматил волосы пятерней и поплелся открывать. Не сразу сообразил еще, как справиться с замком, долго возился, пока случайно не нажал на какую-то неприметную пупочку — и дверь наконец открылась.

— Ты что, умер, что ли? — С этими словами в просторную прихожую влетел низенький толстенький человек с раскрасневшимся потным лицом, в зеленом вельветовом

пиджаке с кокетливым шелковым платочком, повязанным на шее вместо галстука. Чем-то он был неуловимо похож на его недавнего знакомого Шарля де Вилля, только тот был спокойный, вежливый такой, а этот прямо кипел от злости. — Звоню, звоню, а ты все не открываешь!

Андрей молча посторонился. «Кого это принесло на мою голову?» А толстенский деловито, по-хозяйски вошел в квартиру и продолжал бушевать:

— Ну, так я и знал! Только что глаза продрал! Нам сегодня на фестиваль «Пришествие» ехать — забыл, что ли? О господи! — Он картинно закатил глаза к небу. — Что за доля быть администратором! Да еще при таком долбоёбе, как ты.

Толстенский прошел на кухню, укоризненно посмотрел на батарею пустых бутылок (надо же, все вискарь да джин, рублей по четыреста за бутылку!), плюхнулся на табуретку, закурил и продолжал уже гораздо спокойнее:

— Имей в виду, Андрюша, я тебе не нянька. Ну что ты смотришь на меня как баран на новые ворота? Еще не раскумарился сегодня? Ладно, на, несчастье мое, поправь здоровье, а то все равно от тебя толку не будет. В руках у него появился маленький белый пакетик, Андрей посмотрел на свои руки — и увидел то, чего раньше не замечал. Локтевые сгибы буквально истыканы иглой, кое-где вены воспалены и выпирают под кожей уродливыми синими жгутами. «Так я что — наркоман?»

Про наркотики Андрей, конечно, знал, но сам раньше никогда не баловался. Зачем? Ему и водяры вполне хватало. Но как только пакетик оказался на столе перед ним, руки стали действовать независимо от него, просто на автомате. Он даже сам не вспомнил бы, что делал — наливал, смешивал, разводил, набирал в шприц... Был еще ужасный момент, когда игла вошла в вену с болью, со слышным, кажется, прорывом кожи.

И пошло! Пошло... По венам потекло что-то приятно-горячее. Примерно через десять секунд Андрей ощутил самое невероятное чувство в своей жизни. Это было как оргазм, усиленный во много раз, ощущаемый и переживаемый каждой клеточкой тела.

А толстячок все так же сидел, покуривая, на табуретке и насмешливо наблюдал за ним.

— Ну что, словил свой приход, гений ты наш?

В его словах явно слышалась ирония, но Андрея это почему-то совсем не разозлило и не обидело. В душе была такая спокойная, радостная уверенность, что места иным чувствам просто не оставалось. Приход... Какое хорошее слово!

Андрей наслаждался новыми ощущениями. Перед глазами у него сверкали и переливались какие-то радужные пятна, которые то росли, становились больше неба, то, наоборот, съеживались до размеров маленькой точки. Они постоянно меняли цвет, соединялись между собой, образуя причудливые узоры, и это было так красиво! На ум приходили какие-то слова. Записать надо что-то, да, записать непременно... Андрей схватил кстати подвернувшийся под руку карандаш и принялся быстро-быстро писать на коробке из-под пиццы.

— Ты долго еще там? — Толстячок недовольно подал голос. — Ехать пора, опоздаем!

Надо же, Андрей ведь почти забыл о нем! Отрываться так не хотелось... Слова так и лились, складывались в строчки, а разноцветные кляксы стали вибрировать, создавая мелодию. Это же новая песня! Когда Андрей закончил, толстячок бережно, как реликвию, взял исчерпанную картонку в руки и уважительно pokrutil головой:

— Да, все-таки ты гений, Андрюша! Урод, конечно, но — гений!

Лифт был больше похож на кабину космического корабля — хромированные блестящие панели, плавный ход, блестящие кнопочки... И еще зеркало на стене зачем-то. Кому только придет в голову в лифте на себя любоваться? Глупость какая-то. Но все равно интересно.

Андрей уставился на свое отражение с таким любопытством, будто впервые в жизни видел собственную физиономию. «Вроде я — и не я в то же время! Что-то действительно изменилось».

Машина, припаркованная у подъезда, поразила его воображение. Он такие раньше только на картинках видел — в родном Выхине на таких народ не ездит, даже местные

бандюганы, а в центре Андрей почти не бывал. Полировка сверкает на солнце, плавные линии, низкая посадка... Будто это и не автомобиль, а какое-то большое, умное и немного хищное животное греется на солнышке и ждет своего часа.

Андрей не дыша взирал на это чудо техники, а его сердитый спутник тем временем деловито, по-хозяйски уселся за руль и крикнул:

— Садись давай, чего стоишь-то? Кого ждешь?

«Так что, теперь и это — мое? Круто!» Андрей несмело опустился на кожаное сиденье, мотор тихо заурчал и машина мягко тронулась с места. Потом они катили по широким, нарядным улицам, солнце играло, отражаясь в окнах домов и витринах дорогих магазинов. Андрей плохо ориентировался в центре Москвы (если и выбирался в город, то только на метро), а потому сейчас совершенно не представлял где находится. Но все равно — смотреть на мир из окна дорогого лимузина оказалось необыкновенно приятно! А то ли еще ждет его впереди сейчас, когда все вдруг стало так доступно и близко...

Когда они проезжали мимо странного, устремленного ввысь здания из стекла и бетона с вывеской «Торговый центр», Андрей тронул за плечо своего спутника:

— Останови здесь!

Почему-то ему вдруг очень захотелось зайти сюда. Вот просто захотелось — и все.

— Да ладно тебе, что ты как маленький! — Он недовольно поморщился. — Опоздаем ведь.

Но в голосе его Андрей услышал неуверенность — и сразу почувствовал, кто здесь главный.

— Останови, я сказал! А то вообще никуда не поеду.

— Ну ладно, ладно... Полчаса еще есть. — Он уже свернул к парковке, высматривая местечко поудобнее.

— Вот так-то лучше. Подождут, не треснут!

Андрей вышел из машины, небрежно хлопнув дверцей. Стекланные двери магазина автоматически распахнулись навстречу, будто приглашая войти. Вот так — хозяином, победителем зайти в этот мир, предназначенный для богатых и сильных, тоже было здорово.

Андрей бесцельно толкался у прилавков битых пол-часа. Галстуки, рубашки, джинсы, свитера и костюмы, что демонстрировали ему улыбчиво-назойливые продавщицы, слились перед глазами в сплошной разноцветный хоровод. Но все это было не то... Андрей чувствовал, что не за этим пришел он сюда сегодня.

Он уже устал и почти отчаялся найти что-то интересное, когда, наконец, случайно забрел в отдел «Часы».

А здесь, за стеклом высокой, медленно вращающейся витрины, он увидел вещь, которая непременно должна принадлежать ему... Он еще постоял минутку, полюбовался слегка изогнутым, выпуклым корпусом, похожим на мыльный пузырь. На черном циферблате уютно устроился весело и злорадно ухмыляющийся дьявол, нарисованный в красно-золотых тонах. В руках (или лапах?) он держал трезубец, и, только приглядевшись повнимательнее, Андрей понял, что это секундная стрелка. А что — клево!

Молоденькая продавщица повернула к нему грамотно накрашенную мордашку:

— Вы что-то хотели? Я могу вам помочь?

Видно, узнала — профессионально-вежливая вышколенная улыбка мигом сменилась детским удивлением и даже восторгом.

— Ой, это вы? То есть вы — Андреян Орловский, да? Я прям даже не верю, что вот так стою и с вами разговариваю! Девчонкам расскажу — от зависти умрут!

Андрей прервал поток излияний:

— Мне — вот это.

Девочка спохватилась, вспомнила, видно, о своих профессиональных обязанностях и затараторила голосом автомата, в котором нажали нужную кнопку:

— Это модель Bubble Lucifer, дизайн оригинальный, сапфировое стекло, не царапается, влагостойкие, противоударный механизм, ремешок — натуральная кожа...

Очень быстро Андрею стало скучно ее слушать. Как только могут люди целый день торчать за прилавком и болтать подобную чушь!

— Да ладно тебе, не напрягайся, — он лениво улыбнулся девочке, — я и так возьму.

— Да, да, конечно, пожалуйста! У вас карточка или будете наличными платить?

На секунду Андрей смутился — он совершенно не знал, есть ли деньги с собой, а если есть, то сколько. Похлопал себя по карманам. Ах вот оно, портмоне... Какие-то рубли и баксы... Нет, карточкой, наверное, круче! Хотя неизвестно, сколько там денег. Вот будет позор, если не хватит — часы-то дорогие!

Но девочка провела карточкой внутри какой-то странной машинки, ослепительно улыбнулась и вернула ее обратно:

— Спасибо за покупку! Чек подпишите, пожалуйста. Подарочную упаковку не желаете?

— Нет, не надо. — Андрей ответил почти грубо. Эта волокита порядком утомила его, к тому же не хотелось расставаться с новым приобретением ни на минуту. — Не надо, я прямо сейчас надену.

Торопясь, дрожащими пальцами он застегнул ремешок на запястье и зашагал прочь.

— Коробочку возьмите, — крикнула девочка ему вслед, — там паспорт и гарантийный талон!

Но Андрей не слышал ее. Он так спешил к выходу, будто часы эти не купил, а украл и сейчас за ним гонятся. Кондиционированная магазинная атмосфера давила, хотелось уйти отсюда как можно скорее. Только в машине он смог расслабиться и успокоиться. А сам все нет-нет да поглядывал на запястье — очень уж нравились новые часы.

Ехать пришлось долго. Давно уже миновали они и центральные улицы, и кварталы «спальных» районов, и теперь быстроходный «бумер» мчался по трассе, как хищный зверь на охоте. За окном мелькали то пригорки и перелески, то полусгнившие деревенские развалюхи, то навороченные «новорусские» коттеджные поселки.

— Слышь... А куда это мы? Далеко еще? — спросил Андрей. Просто так спросил — ему в общем-то было все равно, хоть целый день бы так ехать.

Толстячок в зеленом пиджаке посмотрел на него как на сумасшедшего:

— Ты что, Андрюша, правда, что ли, не помнишь? Рок-фестиваль «Пришествие», событие года!

— А чё так далеко?

— Да ты что, с луны упал? Это же фиша такая! Каждый год проводится где-нибудь подальше от Москвы. Сейчас, например, поселок Новый Назарет, Тверская область. Народ съедется, побалдеет, им — развлечение, нам — кусок хлеба с маслом. Совсем тебе, Андрюша, мозги отшибло, — он укоризненно покачал головой, — сам же в прошлом году выступал! А сейчас тебе еще и концерт закрывать! Эх, Андрюша, — он горестно вздохнул, — волнуюсь я... Ты бы уж как-нибудь поосторожней с герычем. А то ведь и сам погоришь, и всех спалишь.

Андрей удобно развалился на мягком сиденье. Мерное покачивание и монотонный голос его спутника навевали сон. Незаметно для себя он как будто провалился в темную яму... И снова видел яркие, светящиеся пятна. Во сне они были живыми и вполне разумными, разговаривали с ним о чем-то важном — так рассудительно и умно, как никто и никогда с ним не разговаривал. Это было так прекрасно, что потом Андрей и сам превратился в какую-то радужную кляксу и хотел навсегда остаться с ними...

Пробуждение было ужасным. Тело как будто превратилось в один огромный очаг боли. Все мышцы как будто разрывались, его трясло крупной дрожью, на лбу выступили капли холодного пота. Даже глаза открыть — и то было больно. Андрею показалось, что он находится в каком-то тесном пространстве вроде вагончика и лежит на жесткой и неудобной койке.

— Ломка у него, — услышал Андрей где-то совсем рядом голос своего давешнего знакомого. Как его там звали? А черт его знает!

— Сам вижу, что ломка, — другой голос. Очень злой, только придушенный какой-то, будто и впрямь от злости задыхается. — А ты куда смотрел, сволочь? Что теперь делать? Ему же выступать надо, а он вот-вот кони двинет!

— Не бойсь, сейчас будет как огурец!

Андрей почувствовал холодное и влажное прикосновение у многострадального локтевого сгиба. В воздухе резко запахло спиртом. Опять пронзила боль, когда острое жало шприца впивалось в кожу, но ему было уже все равно. По сравнению с тем, что ему сейчас приходилось терпеть, это был просто комариный укус.

Потом стало легче. С каждым вдохом-выдохом боль уходила из тела и скоро прошла совсем. Стало легко и тепло, а главное — Андрей чувствовал себя так, будто по жилам вместо крови струится музыка. Сейчас он вспомнил все свои песни, слова и мелодии, даже ту, что написал сегодня утром.

— Пора, Андрюша, — шепнул кто-то ему на ухо.

Андрей кивнул. В самом деле — пора.

Он не помнил, как поднялся на сцену. В первый момент Андрей немного оробел — огромное поле, побольше футбольного, заполнено людьми, так что яблоку упасть негде. В воздухе повисла тяжелая предгрозовая духота, но парни и девушки стояли плечом к плечу и ждали.

— Привет вам, люди!

Толпа радостно взвыла. Он видел сотни глаз, устремленных на него, чувствовал их любовь и обожание каждой клеточкой своего тела, а внутри пела, искрилась и переливалась музыка. Этот кайф был покруче того, что в белом порошке!

— Я хочу сказать вам: свобода — это рай!

Новый восторженный вопль. В этот миг Андрей чувствовал такую сладкую, пьянящую власть над их душами и телами!

— А сейчас я спою вам новую песню об этом. Он почему-то не беспокоился больше. Музыка, что была в его душе, заполняла все его существо без остатка, переливалась через край и требовала выхода. Он совсем не удивился, что из динамиков полилась та самая мелодия, которую он ожидал услышать (может быть, даже та, что так неожиданно пришла к нему сегодня утром? Он не помнил точно), и музыканты за спиной подыгрывали правильно.

Если каждый твой день стал похож на другой,
Будто бьешься о стену всю жизнь головой,
Если ловишь ладонями призрачный свет,
Ищешь путь в лабиринте, где выхода нет...

Музыка несла его, поднимая над толпой, как на крыльях. Вот вступили тяжелые басы — и, будто отвечая им, где-то вдалеке раздался первый раскат грома.

Ничего не жалею, ни о чем не грусти,
Поскорее на волю себя отпусти,
Что за разница — ждать тебе день или год,
Если смерть — это только последний...

Он выдержал эффектную паузу, обвел взглядом замершую толпу. Потом отработанным движением вскинул правую руку и выкрикнул то слово, которого они ждали:

ПРИХОД!

Ливень хлынул на разгоряченные головы. Утоптанная земля под ногами вмиг превратилась в жидкую грязь, но никто не попытался найти укрытия. Люди кричали, срывали с себя одежду, подставляя тела и лица под холодные упругие струи.

Андрей пошатнулся. Силы как-то разом покинули его. Он перестал видеть и осознавать происходящее вокруг, разноцветные кляксы перед глазами заполнили собой все

пространство, и это было прекрасно. Ему не дали упасть, заботливо подхватили под руки... И это тоже было правильно. Оказывается, счастье может быть таким огромным! Как горячий камень в груди, под ребрами.

Вокруг ходят люди. Как будто сквозь вату Андрей услышал, как кто-то из них озабоченно сказал «передоз»... Он еще улыбался сквозь забытие — вот глупые! «Пере» — это значит чересчур. Разве они не понимают, что счастья не может быть слишком много?

Потом светящиеся пятна будто взорвались перед глазами ослепительным фейерверком и погасли совсем. Стало очень темно и холодно, и только теперь Андрей понял, что это уже навсегда.

Олег проснулся в своей постели. Все так — и сонная теплая Галка рядом, и васильки на обоях, и утренний ветерок чуть колышет тюлевые гдээрдовские занавески, за которыми, помнится, мама выстояла дикую очередь в ЦУМе.

Он откинул одеяло. Давно привычного шрама на животе больше не было, да и все тело опять стало таким, как десять лет назад — ни тебе начинающегося живота, ни той мужской заматерелости, что появляется только после тридцати.

А сердце его летело и цвело, в душе искрилось и переливалось удивительное, давно забытое ощущение счастья, молодости, любви... В теле появилась та удивительная легкость и упругость, которая не дает долго сидеть на месте.

Осторожно, чтобы не разбудить Галку, Олег вылез из кровати, натянул старенькие домашние джинсы (те самые! польские, их еще мамана коленке зашивала!) и, стараясь потише ступать по паркету босыми ногами, подошел к серванту. Там, в среднем ящике, всегда лежали документы — и выездные тоже. Он хотел удостовериться, что все это — не сон, что он сумел-таки перехитрить свою судьбу, переиграть, перепрожить все заново.

Вот и она, толстая картонная папка с ботиночными шнурками. Узлов-то накрутили... Олег развязывал неподатливые тесемки, стараясь сдержать нервную дрожь в руках. Смотреть все равно было страшно.

Медицинская справка, датированная 7 июля 1988 года (Олег сверился с настенным календарем в прихожей — вчера), лежала на самом верху. И следовало из этой бумаги, что Олег Константинович Сартанов, 1965 года рождения, практически здоров и может отправляться хоть в Египет, хоть в Антарктиду, хоть к черту в зубы.

Олег еще постоял недолго с бумагами в руках, подумал — и убрал папку обратно в ящик. На полочке в серванте лежало обручальное кольцо — его кольцо! Он всегда снимал его на ночь. Олег взял его в руки бережно, как реликвию. Кольцо было не гладкое, а с насечкой, ребристенное такое. Почему-то Галка хотела именно эти кольца к свадьбе. Олег вспомнил, как они вместе выбирали их в салоне для новобрачных, как Галка склонилась над витриной, и этот завиток пепельных волос на белой шее... Он, помнится, тогда не выдержал и поцеловал ее. Олег еще немножко подержал кольцо в руках, полюбовался, потом решительно надел на безымянный палец. Вот так будет правильно!

Он присел на краешек дивана и осторожно тронул Галку за голое теплое плечо.

— Галя...

— Ммм... Сколько времени? — Она заворочалась в постели и потянулась за своими часиками. — Семь часов только! Суббота же сегодня, дай поспать.

— Галь, я что подумал-то. Ну его, этот Египет! Не поеду.

— Как это — не поедешь? — Галка мигом проснулась окончательно и села на постели. — Ты что, с ума сошел? Все документы готовы, а ты вдруг...

В голосе ее звучали резкие, сварливые ноты, лицо исказилось от гнева. Олег даже отшатнулся — никогда раньше он Галку такой не видел.

— Думаешь, мне удовольствие большое доставляет жить с твоими родителями, все время улыбаться и кивать? Маменьке твоей подпевать постоянно. Да, Елена Владимировна! Хорошо, Елена Владимировна! Анекдоты дурацкие слушать, что твой папаша каждый вечер рассказывает, да еще и смеяться не забывать? У-у, ненавижу все это! — Галка вдруг

заплакала. Злые слезы просто брызнули из глаз. — А теперь, когда такой шанс подвернулся, ты говоришь — не хочу! Деточка захотел возле маминой юбки остаться! Да ты хоть понимаешь, что такая возможность только раз в жизни бывает? Другим знаешь как упираться приходится? Зубами грызть! А тебе — все готовенькое, на блюдечке, на, мол, дорогой, только кушай!

Видеть плачущую Галку было просто невыносимо. Несмотря на злые, обидные слова, она выглядела такой несчастной, что Олегу стало ее жаль. Он еще потянулся обнять, утешить.

— Галя, ну подожди... Не волнуйся ты, все у нас будет!

Он хотел объяснить ей, что совсем скоро откроются такие возможности, о которых они раньше и мечтать не могли, а потому проводить время среди пустынь и верблюдов за жалкие сертификаты не стоит, но Галка резко отстранилась и плотнее закуталась в простыню, будто защищаясь от его прикосновений.

— Не трогай меня! Когда будет — через двадцать лет? Ты хоть знаешь, чего стоило Вове... то есть Владимиру Петровичу выбить тебе эту командировку? А уж мне чего стоило, я и не говорю!

Олег похолодел. Владимир Петрович Пеструхин, веселый толстопузый балагур, старинный друг его отца и неперенный участник всех семейных собиранов, работал в том же НИИ, что и он сам. Отделом кадров заведовал. И вот теперь он — Вова?

Олег как-то сразу припомнил, что Галка сильно изменилась в последнее время. Вспомнил ее отлучки по выходным, поздние возвращения домой... На майские праздники она уехала с подругами на дачу и ночевать не вернулась. Рассказывала, что выпили немного, засиделись, заболтались, а потом страшно было идти на электричку. Еще убедительно так рассказывала, а он, дурак, только кивал — правильно, мол, поступила.

Видимо, лицо у него стало такое, что Галка вдруг примолкла — поняла, что сказала лишнего. Даже рукой прикрылась, будто защищаясь от удара, и быстро-быстро забормотала, куда только вся злость подевалась — совсем другим тоном, жалостливо так, покаянно:

— Олежек, миленький, ну я же люблю тебя! Разве я для себя... Это же все для нас! А ты говоришь — не поеду...

Она снова заплакала — навзрыд, всхлипывая, как ребенок. Лицо ее как-то жалко искривилось, нос стал красный, глаза опухли. Олегу она вдруг показалась старой, несмотря на свои двадцать два года, и совсем некрасивой. В этот момент он ясно увидел, какой она станет лет через пятнадцать, — и ужаснулся. Бедная, глупая Галка! Что же ты натворила...

Олег молча встал и принялся одеваться, стараясь не смотреть на нее. Хотелось поскорее уйти отсюда — из этой самой комнаты, которая совсем недавно представлялась ему вожделенным раем.

Через пять минут он уже шел по улице, шагая, словно заведенный автомат, а над головой стояло черное солнце. Совсем как тогда... Он не думал, куда идет и зачем, просто не мог сегодня оставаться дома, никак не мог.

Олег и сам не заметил, как оказался возле станции техобслуживания, где на непонятных условиях арендовал площади авторемонтный кооператив «Мечта», в котором он трудился тогда — паял свои сигнализации по вечерам три раза в неделю. А что? Может, пойти поработать? Суббота сегодня, конечно, но ведь не домой же возвращаться!

Сначала Олег толкнулся было в высокие железные ворота. Черт, заперто. Он обогнул здание справа и отпер своим ключом неприметную дверь запасного входа. Но, когда оказался в просторном и гулком «производственном» помещении, в глаза ему сразу же бросилась новенькая красная «девятка» на смотровой яме. Вокруг сустились какие-то мрачного вида работяги, а чуть поодаль стоял со скучающим видом вальяжный мужчина средних лет кавказской наружности.

Странно — раньше Олег никогда их здесь не видел. Он пригляделся повнимательнее, и, когда понял, чем они занимаются, ему стало не по себе. Быстро и споро они меняли номера на автомобиле. Надо же, и Иван Палыч с ними!

Председатель кооператива Иван Павлович, добрый, улыбчивый, лысоватый дядька, на этот раз встретил Олега совсем не радостно. Вытирая руки ветошкой, он спросил:

— А ты чего пришел, Олежка? Выходной же сегодня!

— Да вот, решил поработать... — промямлил Олег. И зачем-то соврал: — Деньги очень нужны.

— Знаешь, Олежка, тут такое дело... В общем, шел бы ты отсюда. Видишь, дел невпроворот, не до тебя сейчас. В понедельник приходи, да, в понедельник!

Иван Палыч все говорил и говорил, избегая смотреть ему в глаза, и аккуратно подталкивал к выходу.

«А вот это я попал! — с тоской подумал Олег. — Ведь на эту самую „девятку“ сам же ставил сигнализацию в прошлом только месяце. Это у них тут целый преступный синдикат, а я-то, дурак, и не знал ничего».

— Эй, а это еще кто такой? — Кавказец решительно направился к ним. Каблуки его ботинок отбивали темп шагов по цементному полу, и вот тогда Олегу стало страшно по-настоящему. Ну прямо шаги командора.

— Да это так, ничего, — заюлил Иван Палыч, — ничего, Вагит Саидович. Парень подрабатывает здесь, день перепутал. С бодуна небось, перепил вчера. — Он как-то нервно, визгливо захихикал. — Иди домой, Олежка, там тебя, поди, молодая жена дождалась!

— Нет, постой. — Кавказец сверлил Олега пристальным и тяжелым взглядом. — Подрабатывает, говоришь? А не похож на работягу, не похож... Врешь ты все, старый лис.

Говорил он вроде бы спокойно, но в его хищном горбоносом лице, в голосе и глазах Олег увидел нечто, не предвещающее лично ему ничего хорошего.

— Так, Вагит Саидович, инженером парнишка трудятся! А здесь — так, временно, сигнализации паяет у нас. — Иван Палыч бормотал почти умоляюще, будто знал, что сейчас произойдет.

— Сигнализации, говоришь? — Кавказец вскинул бровь и продолжал так же спокойно, задумчиво даже: — Знаю я таких интеллигентов чистеньких. Папа, мама, жена молодая, сам инженером работает... Сдаст он нас, как стеклотару, помани мое слово. А нам терять нечего.

Он подумал немного, окинул Олега цепким взглядом и сказал вполне мирно, сочувственно даже:

— Да, не вовремя ты пришел, парень. Не повезло тебе.

Последним, что Олег увидел в жизни, были острые носы его лакированных ботинок. Страшный удар по затылку чем-то тяжелым свалил его с ног, потом глаза заволокла темно-багровая нелена, и все погасло. Сквозь резкую боль и дурноту он услышал:

— Да не скули ты! Как что делать? Сам не знаешь? Зацементировать — и в яму. Век не найдут.

Короткой вспышкой в гаснущем сознании мелькнула мысль: «И это что — все? Ради *этого* я душу продал? Несправедливо!» Потом исчезла и она, растворилась в темноте.

Он еще дернулся пару раз на холодном полу и затих.

В зимнем парке, среди запорошенных снегом старых деревьев, было удивительно тихо и почти торжественно. Оля медленно шла по дорожке, с наслаждением вдыхая чистый морозный воздух. Странно даже — парк-то в двух шагах от дома! А выбраться погулять все как-то времени не было... Она как будто впервые открыла глаза на мир и теперь никак не могла насмотреться досыта.

Вот пушистый снег беззвучно осыпался с ветки. Крупная белка в серой зимней шубке большими прыжками пересекла снежную целину и проворно вскарабкалась по корявому стволу старого дуба.

Оля застыла на месте, наблюдая как завороженная за проворным зверьком. А белка вроде бы и не боялась совсем — уселась возле дупла, умываясь лапкой, будто кошка, и с любопытством посверкивая на нее черными глазками-бусинками. Оля постояла еще немного и пошла дальше, чуть заметно улыбаясь. Надо же, плутовка какая!

Тишину раскололи странные звуки — топот и храп прямо у нее за спиной. Как будто что-то огромное, страшное догоняет ее и вот-вот догонит... От неожиданности Оля сначала не поняла, что это за звуки, испугалась, побежала зачем-то — и оглянуться не успела, как поскользнулась и оказалась в сугробе.

— О, простите меня! Пожалуйста, простите, я не хотел вас пугать!

Голос вроде бы вполне человеческий — приятный такой мужской голос с легким иностранным акцентом.

Оля поправила сбившуюся шапочку, откинула пряди волос, упавшие ей на лицо, посмотрела вверх — да так и обомлела.

Прямо перед ней гарцевал всадник на тонконогой белой лошади. Оля всегда думала, что такие красавцы встречаются только в дешевых дамских романах, которые она иногда почитывала украдкой, — брюнет с голубыми глазами, правильные черты лица, смоляные завитки выбиваются из-под жокейской шапочки, а улыбка... Друзья и ближние, что это была за улыбка! Нежная и дерзкая одновременно, мечтательная и чуть застенчивая...

«Ну, прямо принц на белом коне, — мелькнуло в голове, — все как заказывали». Но почему-то не радостной была эта мысль, а совсем наоборот — какой-то тоскливой и обреченной. Откуда только он взялся здесь?

Оля немного лукавила перед собой — в самом факте появления чудесного всадника ничего особенного, а тем более сверхъестественного не было. Она прекрасно знала, что неподалеку, в старинной, недавно отреставрированной барской усадьбе, есть развлечения на любой вкус — и конюшни в том числе. Чего только не придумают нувориши, желающие почувствовать себя Дворянами! А теперь вот можно хоть на тройке с бубенцами прокатиться, хоть верхом...

Только вот не похож был этот красавец ни на бандита ни на разбогатевшего торгаша, ни даже на менеджера крупной корпорации. Слишком уж легко и уверенно он сидел в седле и держал поводья. На вид ему было лет тридцать, может, даже чуть больше, но на лицо его еще не легла печать удрученности и озабоченности, которая так безошибочно метит всех, кому приходится каждый день вставать с постели, чтобы потом и кровью бороться за успех в этой жизни. В то же время — человек явно не бедный, верховая езда — дорогое удовольствие... Кто же он такой?

Оля думала — и не находила ответа. А всадник тем временем проворно спешился и подбежал к ней.

— С вами все в порядке? Вы не ушиблись?

Он протянул ей руку, помог подняться и отряхнуть снег с одежды. Заботливо так, прямо по-братски... Он вроде бы случайно провел ладонью по ее длинным распущенным волосам — и тут же смутился, убрал руку. Но когда встретились их глаза, в лице его что-то дрогнуло, и взгляд стал совсем другой — не победительный и дерзкий, а кроткий, восхищенный.

— Могу я спросить, как вас зовут?

— Ольга...

— О, какое красивое имя! — Он как будто обрадовался, что ее зовут так, а не иначе. — Ольга — это Helga. В переводе со старонорвежского ваше имя означает «чистая» или даже «святая». Позвольте представиться, — он коротко поклонился, — Олаф Скалнаримссон.

Потом они шли вместе, и лошадь он вел в поводу. За те полчаса, что понадобились, чтобы дойти до конюшни, Олаф успел рассказать о себе почти все. Он родился в маленькой скандинавской стране и был младшим сыном в семье одной из боковых ветвей королевского рода.

— Мой отец был двоюродным братом короля Гуннара.

— Так вы принц! — выдохнула Оля почти со страхом.

— Да, — он смущенно улыбнулся, будто уличенный в мелком проступке, — но мне вряд ли придется стать королем, и я очень рад этому.

— Почему?

— У нас конституционная монархия. Короли царствуют, но не правят. Они позируют фотографам, произносят речи в дни праздников и машут рукой с балкона королевской резиденции. Знаете, Ольга, это ведь очень утомительная работа — быть символом нации! Зато теперь я свободен.

— А чем вы занимаетесь, Олаф? И почему так хорошо говорите по-русски?

— Видите ли, Ольга... По профессии я историк и археолог. Тема моей работы — это связи, которые существовали между нашими народами в глубокой древности. Может быть, вам известно, что первые русские князья были... Как это? — Он задумался на минуту, припоминая трудное слово. — О, *варяги*! А женой конунга Гаральда Смелого была русская княжна...

Он увлекся и говорил еще очень долго. Когда они дошли, наконец, до конюшни, Оля уже знала о конунгах Инглингах и Скьельдунгах едва ли не больше, чем о своих ближайших родственниках. Точно, больше — ведь даже отца Оля не помнила, а мама никогда не рассказывала! Когда Оля была еще маленькой, на вопрос «где мой папа?» мама никогда не отвечала, только сжимала губы в ниточку, и глаза у нее делались ледяные... Потом она и спрашивать перестала — поняла, что маме неприятно.

А теперь она стояла лицом к лицу с мужчиной, о встрече с которым мечтала всю жизнь, и не знала, что делать дальше.

— Ольга, прошу вас, — он взял ее за плечи, повернул лицом к себе, — я очень вас прошу — подождите меня всего несколько минут! Это очень важно для меня.

Он почти бегом миновал ворота и скрылся из виду. Оля осталась одна. Она была совершенно ошарашена произошедшим, а потому даже рада была возможности привести мысли в порядок и немного прийти в себя.

Ну вот, как говорится — сбылась мечта идиотки! Умный, красивый молодой мужчина, кажется, влюблен в нее не на шутку. Разве не этого она так хотела? Тогда почему же совсем не радостно на душе? Почему ей тоскливо и страшно, да так, что мурашки бегут между лопатками?

«Наверное, я просто замерзла», — решила Ольга и принялась энергично прохаживаться взад-вперед на утоптанном пятачке перед административным зданием. Она почти согрелась, когда взглянула ненароком на свое отражение в окне — да так и обомлела.

Из мутного стекла на нее смотрела хорошенькая молодая женщина с распущенными светлыми волосами и огромными голубыми глазами, одетая в белую куртку с пушистым воротником. Ну прямо Снегурочка! Оля улыбнулась своему отражению, зарылась лицом в белый мех... И вот тут ей стало страшно по-настоящему. «Стоп. У меня же никогда такой куртки не было! — Только сейчас Оля поняла, что на ней чужая одежда. — И почему вдруг зима, если только что была ранняя осень? Какое сегодня число? Какой год? И где я, в конце концов, оказалась?»

Оля лихорадочно пыталась вспомнить, что было с ней вчера, позавчера или неделю назад — и не могла. Станный маленький человечек по имени Шарль де Виль обещал ей неземную любовь в обмен на ее бессмертную душу, и условия договора он выполнил в точности. А что будет дальше?

Оля почувствовала, как в душе поднимается мутная волна паники. Ей хотелось бросить все и бежать отсюда без оглядки, вернуться в свою привычную, серенькую, но такую теплую, надыханную жизнь и забыть Шарля де Вилия как страшный сон.

Но Олаф уже бежал к ней и махал рукой. Он успел переодеться, но, видно, очень уж торопился. Даже пальто не застегнул, и редкие снежинки опускались на его чуть встрепанные вьющиеся волосы.

— Ольга! Как хорошо... Я боялся, что вы уйдете. Очень боялся. Вы замерзли? Пойдемте скорее, здесь моя машина. Совсем недалеко, на стоянке...

Он галантно распахнул перед ней дверцу темно-синего «вольво». Ольга удобно устроилась на мягком сиденье и немного успокоилась. В самом деле, чего она боится? Ведь все так хорошо! Сейчас он, наверное, пригласит ее в какой-нибудь шикарный ресторан. Там

будут гореть свечи, играть тихая музыка, они будут пить вино из высоких бокалов и, может быть, даже танцевать. А потом... Потом они проведут ночь вместе. Оля даже покраснела при мысли об этом. Горячая волна пробежала по всему телу, от макушки до пяток. Думать было и сладко, и стыдно немного.

Олаф сидел рядом с ней, смотрел прямо перед собой, положив обе руки на руль, и не трогался с места, как будто хотел сказать что-то — и не решался. Наконец он повернулся к ней:

— Ольга... Я хотел вам сказать... Словом, я никогда не встречал такой женщины, как вы. У меня такое чувство, что я всю жизнь вас знаю... Или всю жизнь искал именно вас. Понимаю, все случилось слишком неожиданно, но мне так не хочется с вами расставаться! Сегодня День святого Валентина, праздник влюбленных... Я никогда особенно не верил в него, а вот теперь — верю! Давайте поедем вместе куда-нибудь — разумеется, если у вас нет других планов на сегодня. Вы согласны?

Оля кивнула.

— Итак, куда мы направляемся? — Он шутливо поклонился и снял несуществующую шляпу. — Располагайте мной, прекрасная дама! Это ваш Город, и я повинуюсь.

А и в самом деле — куда? Не признаваться же, что всю жизнь проживя в Москве, она прошмыгивала напуганной мышью от работы до дома и обратно. В ресторанах Ольга не бывала (не считать же тот единственный визит в кафе с Маргошей!), но ведь так обидно выглядеть дурочкой. Она совсем засмушалась и произнесла как-то робко, почти по-детски:

— Я не знаю...

Олаф еще помолчал недолго, барабанил пальцами по рулевому колесу, и вдруг спросил:

— Скажите, Ольга, что вы любите больше всего?

Она вспомнила почему-то единственный свой заграничный отдых в Турции — десять дней бездумного и беззаботного ничегонеделания на берегу теплого моря, когда не было ни забот, ни ответственности... Только ласковые волны, шезлонг у бассейна и даже коктейли в баре по вечерам. И пусть отельчик был трехзвездный, самый дешевый, и приходилось ходить на городской пляж, а турки были слишком назойливы, смущали ее постоянно своими масляно-томными взглядами и недвусмысленными предложениями — все равно было хорошо! Вот где ей хотелось бы оказаться по-настоящему, но где же взять все это в зимней Москве... Как мама говорила, «мало ли, что ты хочешь». Ресторанчик бы, что ли, какой-нибудь вспомнить... Но неожиданно для себя Оля сказала:

— Мне нравится солнце и море! Качаться на волнах, пить коктейли у бассейна, и чтобы было тепло.

Это прозвучало так театрально и неестественно, что Оля тут же осеклась. Но Олаф, кажется, ничего не заметил, только рассмеялся:

— Нам с вами нравится почти одно и то же! Это просто чудо.

Он резко тронулся с места и выехал на оживленную улицу. Через несколько минут они уже неслись по МКАДу в потоке машин. Олаф смотрел теперь только на дорогу, а на Ольгу вроде бы даже внимания не обращал. Интересно, что он задумал? Неужели сейчас они поедут в аэропорт, сядут в самолет и через пару часов будут загорать где-нибудь под жарким солнышком? А как же паспорта, билеты, виза? Ольга зачем-то пошарила в карманах куртки. Так и есть — ни документов, ни денег.

— Олаф, а куда мы едем? — робко спросила она.

— Не скажу. Это будет сюрприз!

Спокойствия и уверенности ей такой ответ не прибавил. Ольга вспомнила, как мама всегда ее предостерегала: не садись в машины к незнакомым! А то завезут куда-нибудь, убьют, ограбят, изнасилуют... Мама всегда запирала двери на три замка и смотрела криминальную хронику по телевизору, а вечером, когда Ольга приходила домой с работы, рассказывала про всякие ужасы, которые успели произойти в мире и его окрестностях. Ольга сейчас просто воочию увидела ее лицо — поджатые губы, морщинку между сдвинутых бровей, узелок седых волос на затылке... Неужели мама была права и симпатичный,

обходительный и вежливый незнакомец вполне может оказаться убийцей или насильником? Да, да, именно незнакомец! Она же знает о нем только то, что он сам рассказал. А придумать можно все, что угодно.

Где-то на Юго-Западе они свернули с окружной дороги на улицу, названную почему-то в честь Инессы Арманд. Возле большого торгового центра у метро Олаф с сомнением покачал головой, но все же остановился.

— Простите, Ольга, я снова вынужден оставить вас ненадолго.

Он действительно вернулся через несколько минут — веселый, с какими-то пакетами в руках, бросил их на заднее сиденье и весело спросил:

— Ну как? Не скучали? Уже недолго осталось, здесь совсем близко.

Ехать и в самом деле пришлось недолго. Минут десять они еще крутились по улицам, застроенным типовыми многоэтажками, когда Ольга увидела огромное здание из стекла и бетона с прозрачным куполом. А Олаф уже высматривал место на парковке.

— А все-таки, что это? Похоже на какой-то спорт-комплекс.

— Аквапарк. Самый крупный в Европе. Раньше такой был только в Хельсинки. — Олаф отвечал рассеянно, пытаясь втиснуться между черным джипом с тонированными стеклами и довольно затрапезным «жигуленком». — Сейчас все сами увидите.

В светлом и чистом холле, выложенном мраморной плиткой, Ольга сперва немного оробела. Зато Олаф вел себя уверенно, как завсегдатай, — перемолвился о чем-то с девушкой на ресепшен и тут же вернулся к ней.

— Вот, — он протянул какой-то странный браслет с блестящей металлической бляшкой, — это номерок от раздевалки. Наденьте на руку, чтобы не потерять. А здесь, — он протянул большой полиэтиленовый пакет, — все, что вам может понадобиться. Я жду вас у бассейна через десять минут.

Оля покорно взяла пакет и пошла по коридору, сияющему какой-то неестественной чистотой. В раздевалке она устало опустилась на лавочку и в который уже раз за сегодняшний длинный день попыталась собраться с мыслями. Плескаться в бассейне ей совсем не хотелось — а вот теперь придется. Сама напросилась. А еще — придется о чем-то говорить с незнакомым, по сути, человеком. И наверное, не только говорить.

Пусть он так красив, умен, вежлив и обходителен, но чужой! В душе у нее нет любви к нему, только скуку и страх, а главное — ожидание неминуемой беды, которая вот-вот должна случиться.

Оля вздохнула. Нечего расслаиваться и нагонять на себя грустные мысли. Надо идти переодеваться, раз уж пришла сюда. Она приоткрыла пакет и заглянула внутрь. Так, купальник, большое махровое полотенце, мыло, шампунь... Даже шлепанцы резиновые не забыл! Надо же, какой заботливый кавалер. И кучу денег на нее потратил — все новое, дорогое, явно только что из магазина. Надо же, один купальник почти сто пятьдесят долларов стоит! А с виду — простенький. Ольга снова вздохнула, словно древняя старуха, и пошла к душевой.

В первый момент она немного растерялась — аквапарк ошеломил ее своей величиной, звуками музыки, обилием купающихся людей... У ее ног лежал огромный бассейн странной изогнутой формы, который то сужался, то расширялся. Здесь были горки, искусственные водовороты, и волны накатывали почти как настоящие. У бассейна стояли пластиковые столы и стулья, и люди пили коктейли из высоких бокалов — действительно, почти как на курорте! Оля поискала глазами своего спутника.

— Вам нравится?

Ольга услышала знакомый голос и вздрогнула от неожиданности. Ну что это за привычка — подходить со спины!

— Вы прекрасно выглядите, Ольга. Может быть, хотите что-нибудь выпить или сразу пойдем купаться?

Он смотрел на нее и сиял улыбкой, как мальчишка. Так старался доставить ей удовольствие, что Ольга даже почувствовала легкий укол совести. Она пробормотала что-то

неопределенное, но Олаф, кажется, не заметил.

— Можно сначала поплавать вот здесь, где вода почти спокойная, потом — где волны...

Он подал ей руку, в воду они вошли вместе. Ольга всегда любила плавать (жаль только, удавалось очень редко), и только сейчас она почувствовала себя по-настоящему хорошо. Будто каждая клеточка ее тела поет и радуется. Может, и правда, вот оно — счастье?

Она услышала легкий хлопок, который раздался откуда-то сверху. И дымок еще был... Легкий сероватый дымок. Может, пиротехника такая, лениво подумала Ольга, покачиваясь на теплых, таких ласковых и ручных волнах...

А потом начался кошмар. Свет погас, раздался звон стекла, и сверху посыпались осколки. Вокруг страшно закричали люди. Почему-то сразу стало очень холодно. Неужели крыша рухнула? — подумала Ольга. И где Олаф? Ведь только что он был рядом! Она протянула руки к нему через холод и темноту, ища защиты и спасения.

А с высоты уже летел огромный, острый кусок стекла. Оля его не увидела, только почувствовала страшный удар, который пришелся по голове и шее. Сначала была боль, потом по плечам потекло что-то теплое и липкое, потом она перестала чувствовать свое тело... И вообще что-либо чувствовать.

Когда подросшие спасатели разбирали завал и выносили тех, кому еще можно было помочь, Ольга еще жила, несмотря на тяжелейшие травмы (в свидетельстве о смерти потом напишут «несовместимые с жизнью»). Молодой парень заглянул ей в лицо и горестно покачал головой:

— Жалко девку. Молодая, красивая, ей бы еще жить да жить...

Более опытный напарник грубо оборвал его:

— Хватит! Не видишь — у нее позвоночник переломлен. Останется жить — будет калекой. Кому она такая нужна?

Калекой? Ольга попробовала пошевелить хотя бы пальцем — и не смогла. Значит, правда. Пожалуйста, только не это! Не надо, пожалуйста! — взмолилась она неизвестно кому. И когда сознание вновь стало угасать — на этот раз уже навсегда, она сразу поняла это — Ольга даже почувствовала облегчение.

Ночь на 23 августа 1950 года на юге Российской империи выдалась жаркой и душной. Дождя не было уже почти полтора месяца, земля растрескалась от зноя, и даже степные травы давно пожелтели и пожухли под палящим солнцем. Крестьяне Елизаветградской губернии только головой качали, подсчитывая убытки от сгорающего на корню урожая. Земский начальник Сугробов уже успел составить депешу в столичное Министерство сельского хозяйства. Без субсидий в этом году, пожалуй, не обойтись...

После неудачной попытки военного переворота в семнадцатом году многое в России изменилось. Шутка ли сказать — на краю пропасти оказались! Однако милостив Бог, все обошлось. Остановились, опомнились... После того как великий князь Георгий Константинович принял на себя бремя царствования, пришлось и новую конституцию принимать, так что бывшее самодержавие кануло в область истории, и земельную реформу провели — со скрипом, конечно, однако удалось ведь... Да еще много чего! Вот и земство получило большие полномочия, так что голод из-за неурожая в отдельно взятой губернии больше не грозит. Волокиты, конечно, немало предстоит, ну да ничего — бумага все стерпит.

Радовала затянувшаяся сухая и теплая погода разве что столичных ученых-археологов, что раскапывали древнее скифское городище в пяти верстах от станицы Каменецкой. Экспедиция подходила к концу, а работы было еще непочатый край, потому и радовались каждому погожему дню.

Помещалось городище на самом слиянии трех рек — могучего Днепра, речки Корко и более крупной реки Березовки. Их крутые берега, видимо, служили в древности прекрасными природными преградами от нападающих. С южной стороны, где простиралась

степь, жители построили толстую оборонительную земляную насыпь, которая заканчивалась у юго-западного угла цитадели. Вал прекрасно сохранился, и странно было думать, глядя на него, что когда-то осаждали город орды кочевников, а теперь вот мало что осталось от богатого и сильного поселения. Только ученые, копаясь в прахе земном, по немногим остаткам, по черенкам пытаются воссоздать и внешний облик, и нравы, и верования, и образ жизни великого народа.

Руководитель экспедиции Сергей Николаевич Беспалов, профессор Московского университета, действительный член Императорского исторического общества, спал беспокойно, всю ночь стонал и метался, будто снилось ему что-то страшное. Сосед по палатке, приват-доцент Георгий Радлов, зря старался, пытаясь его разбудить, — Сергей Николаевич только на миг приоткрыл глаза, совершенно отчетливо, чуть ли не по слогам произнес непонятное слово «Устьвымлаг» и снова погрузился в тяжелое забытие. Приват-доцент покрутился еще немного на складной походной койке, потом махнул рукой и пошел спать на свежий воздух, благо ночи в августе теплые стоят.

Ну нельзя же себя загонять работой! Так и заболеть недолго. Сергей Николаевич не давал роздыху ни себе, ни помощникам, ни сезонным рабочим, и результат налицо — вот-вот надорвется. Даже с лица спал и по ночам кошмарами мучается. Экспедицию, конечно, скоро придется сворачивать, через две недели начнутся занятия в университете, но есть у профессора и еще причина торопиться — молодая жена Наташа на сносях. Обычно она сопровождала его в экспедиции, да и сейчас напрашиваясь, только в этот раз Сергей Николаевич остался тверд. Все-таки полевые условия, а тут — женщина в интересном положении! Мало ли что может случиться... Если бы рожать предстояло ему, он, наверное, волновался бы гораздо меньше. А потому и отправил Наташу в Питер, к матери. Родить она должна была только в начале сентября, но почти каждый день после работы бегал он на почту справляться — нет ли вестей из дома.

Радлов почувствовал легкий укол зависти — его-то никто не ждет! Только пустая холостяцкая квартира да полуглухая кухарка Матвевна. И до защиты диссертации еще далеко... А ведь они ровесники и в университете учились вместе когда-то. Грустно было сознавать приват-доценту, что не досталось ему такое удивительное сочетание ума, таланта, интуиции и редкого трудолюбия. Не каждому дано быть незаурядным человеком, но хорошо хоть, что они есть! Он даже устыдился немного своей зависти и постарался подавить это недостойное чувство, потом начал считать слонов — и так постепенно заснул.

Сергей Николаевич проснулся в восемь тридцать утра. Первая мысль была — проспал! Даже будильник тикал как-то укоризненно — спишь, мол, брат? А работать кто будет?

Он потянулся под жестким солдатским одеялом. Сон явь перемешались в голове, и он почему-то никак не мог вспомнить, где находится. Почему вместо белого потолка над головой серо-зеленый брезент, растянутый кольцами и шестами? Почему пахнет не бензином и сыростью, не спертым воздухом квартиры одинокого старого человека, а степными травами, нагретыми солнцем?

А главное — откуда взялось это почти забытое ощущение силы и здоровья во всем теле? Почему глаза прекрасно видят без очков, нет ни одышки, ни боли в суставах, и даже (он быстро провел языком во рту), даже все зубы на месте! И левый передний, что выбили когда-то в Крестах на допросе, и те, что выпали потом в лагере от цинги... Сергей Николаевич посмотрел на свои руки. Так и есть! Ни следа старческой дряблости и пигментных пятен. Мускулы перекачиваются под чистой и крепкой молодой кожей, выдубленной загаром.

Он откинул одеяло и с удивлением изучал свое тело. Так вот каким оно могло стать, если бы не таежный лесоповал и угольные шахты в Караганде... «Интересно, где же я оказался?» — думал он. Но кажется, уже знал правильный ответ.

Он вскочил с постели, натянул рабочие брюки и рубашку из грубой хлопчатобумажной ткани. Ай да дьявол! Не обманул-таки. В прочной брезентовой сумке, что стояла возле складной кровати, нащупал тяжелый прямоугольный предмет величиной с амбарную книгу.

Руки дрожали от волнения, когда он расстегивал неподатливые застёжки и доставал толстый потёртый фолиант, переплетённый в коричневый коленкор, — и задрожали ещё больше, когда он узнал собственный почерк. Перед ним было что-то вроде дневника или личного рабочего журнала.

Ага, посмотрим... Написано торопливо, местами неразборчиво, видно, что в походных условиях. Даже страницы кое-где помяты и запачканы. И все вперемешку — описания находок, собственные умозаключения и выводы по этому поводу, мелкие происшествия и заметки «для памяти» по закупкам муки и сахара.

«26 июня 1950 года. Городище близ станицы Каменецкой занимает территорию почти 5 квадратных миль. Заселено предположительно во II — V веках до н. э. Самое древнее скифское поселение!

30 июня. Сразу за оборонительной насыпью с внутренней стороны оставлено открытое пространство шириной от половины до трех четвертей мили. Загон для скота или укрепление для военных надобностей?

2 июля. Обнаружено захоронение мужчины высокого роста (около 6 футов), предположительно знатного воина. В кургане — останки четырех лошадей. Украшения конской сбруи, выполненные из золота в характерном «зверином» стиле (олень с подогнутыми ногами, тигр, кусающий горного козла), аналогичны изделиям, обнаруженным проф. Сретенским при раскопках в Минусинской котловине...»

Он читал страницу за страницей, и нервная дрожь сменялась радостью. Значит, правильны были его предположения о сибирско-алтайском происхождении народов, заселивших причерноморские степи!

В руки ему выпала фотокарточка, заложенная между страниц. Наташа, его Наташенька в ситцевом платье и соломенной летней шляпке улыбалась, скрестив руки на выпирающем под платьем животе. Именно такой он увидел ее своим внутренним взором, когда беседовал с Шарлем де Вилем, — веселой, кокетливой и чуть-чуть смущенной. Не было больше страха в ее глазах, только молодость, любовь и ожидание счастья.

Он стоял босиком на утрамбованном земляном полу в палатке с журналом в руках — и плакал от радости. Постепенно, день за днем он вспоминал всю свою жизнь — *другую* жизнь, которой не было. Детство в Петербурге... Переезд в Москву вслед за отцом, получившим новое назначение в Железнодорожном ведомстве... Годы учения в университете... Ох и попойку они закатили по случаю окончания! Его однокурсник Радлов, помнится, тогда плясал, изображая бурятского бога, и пытался напоить пивом рояль.

Потом — женитьба на Наташе. Четко, будто на фотографии, он увидел их свадьбу — юную невесту в простеньком кисейном платьице, что сшила своими руками, и себя самого — огромного, неловкого, во взятом у приятеля парадном костюме. Рукава, помнится, еще коротковаты были, и его широкие, костлявые запястья все время вылезали наружу, как ни одергивай. Комнатка в мансарде под самой крышей... Денег было маловато, у него были всего одни брюки, зато сколько нежности! Сергей Николаевич даже покраснел, вспомнив первый год их совместной жизни.

Зато теперь он — известный, многообещающий ученый, профессор, отец семейства... На его лекциях в аудитории не бывает свободных мест, даже в проходах стоят иногда и с других факультетов приходят послушать. И это — в неполных тридцать три года, когда все еще впереди!

А вся его прежняя жизнь, тяжелая и горькая, в которой были боль и потеря близких, тюрьма, лагерь, годы забвения, — всего лишь нелепый кошмарный сон, приснившийся душной августовской ночью.

Сергей Николаевич накинул парусиновый пиджак, натянул пыльные сапоги и вышел из палатки. Он выпрямился во весь свой немалый рост, вдохнул воздух полной грудью... Стоять в прозрачном воздухе летнего дня, когда взгляд свободно блуждает по равнине, неизменной с тех пор, когда первый всадник проскакал на своем коне по ее просторам, было незабываемым ощущением, почти чудом.

— Сергей Николаевич, — Радлов осторожно тронул его за плечо, — идите скорее! Там новое захоронение. Уж хотели вскрывать, но я велел вас дожидаться.

Сергей Николаевич быстро, размахисто зашагал за ним. В самом деле, сколько ж можно природой любоваться, когда дело стоит! На раскопе работа идет вовсю. Обожженные солнцем, перемазанные в земле потные люди улыбались ему и желали доброго утра. Он радостно узнавал лица сотрудников экспедиции и аспирантов, студентов, даже сезонных рабочих и со всеми успевал поздороваться.

— Вот, видите, четырехкамерная могила, в точности как в Пазырыкском захоронении!

Сергей Николаевич не смог дожидаться, пока рабочие снимут верхний слой земли и разберут бревна, составляющие подобие шатра над могилой знатного скифа. Он как будто чувствовал, что сейчас перед ним находится самая значимая находка всей его жизни, закономерный итог многолетних научных изысканий. Вместе со студентами он принялся сам разбирать хрупкие от времени деревянные конструкции, и то, что он увидел, не обмануло его ожиданий.

Умерший лежал на спине, лицом на восток, окруженный предметами роскоши. На шее у него было прекрасное бронзовое крученое ожерелье, а золотые кольца унизывали все пальцы. Нож с ручкой из слоновой кости лежал в пределах досягаемости левой руки, как будто этот воинственный кочевник и после смерти рассчитывал воспользоваться им в случае опасности. Тут же лежал богато украшенный колчан с шестьюдесятью семью стрелами и хлыст для верховой езды.

В соседней камере, чуть поменьше размером, на бронзовых похоронных носилках, покоилось тело женщины, на которой все еще были надеты золотые кольца, ожерелья и браслеты. Украшения, золотые бляшки и пуговицы лежали, перемешавшись с ее костями. Полуистлевшая золотая вуаль все еще покрывала ее голову, и бронзовое зеркало, небрежно брошенное на расстоянии вытянутой руки, чуть блестело на солнце. Как будто даже в смертный свой час, перед тем как сопроводить супруга в последний путь, скифская царица бросила последний взгляд на свою красоту...

В третьей камере, значительно меньшего размера находились два тела. Видимо, слуги древнего скифского правителя нашли здесь свой последний приют — украшений было значительно меньше, только бронзовые бляшки, которые когда-то крепились на одежду, в беспорядке рассыпаны среди голых костей. Последнее отделение занимали шесть амфор, в которых все еще находились остатки масла и вина.

Как будто кочевник, отправляясь в далекий путь, позаботился о том, чтобы взять с собой самое необходимое.

Сергей Николаевич долго не мог оторваться от этого зрелища — и завораживающего, и жуткого одновременно. Кажется, его состояние передалось всем его коллегам, и теперь они стояли вокруг раскрытой могилы, не в силах произнести ни слова. Уже потом опомнились люди, застрекотали вокруг фото и кинокамеры, дабы запечатлеть торжественный момент, закрепили карандаши и перья по бумаге. Потом, через много лет, украшения из станицы Каменецкой будут лежать в Эрмитаже, а без их фотографий не обойдется ни одна научная работа о культуре скифов.

Сергей Николаевич стукнул себя по лбу. Надо же, как он мог забыть! Сумка-то вместе с дневником осталась в палатке! Надо сходить за ним, записать, пока свежи впечатления.

По пути в лагерь Сергей Николаевич встретил Миколу Сидорчука, который держал в станице мелочную лавочку и каждый год продавал съестные припасы для экспедиции. Сергей Николаевич подозревал, что с огромной пользой для себя. Но куда ж деться без Миколы! Даже сезонных рабочих не удалось бы набрать без его содействия. Местные станичники побаивались древних курганов, говорили про заклятые клады и какие-то загадочные «бисовы огоньки», а Микола только посмеивался в усы.

— Воны люди ученые, воны *слово* знают! — говорил он со значением, поднимая палец вверх.

Односельчане верили ему и шли копать землю для понятной им цели, благо что

оплачивалась такая работа куда как хорошо. А Микола богател, довольно потирал руки и уже задумывался о расширении торгового дела.

Только вот сегодня он что-то сам на себя не похож. Сергей Николаевич удивился даже. Степенный, обстоятельный, пузатый и седоусый Микола почему-то бежал со всех ног ему навстречу.

— Барин! Сергей Николаевич! Письмо вам из Питера, срочное! Только что «быстрой почтой» доставили!

Вот те на! Лет пять назад купец Веденянин — лесопромышленник и миллионер, известный на всю Россию своими чудачествами, решил во что бы то ни стало перехватить выгодный контракт на поставку строевого леса у извечного своего конкурента Щелыкова. Да только не поспел вовремя — слишком медленно почта идет от Архангельска до Москвы. Почесал в затылке купец... да и придумал учредить «быструю почту» — для тех, кому очень к спеху и дело не терпит отлагательства. С тех пор на автомобилях, курьерских поездах и даже аэропланах доставляют корреспонденцию в любой уголок страны. Удовольствие это весьма дорогое, и люди, не обремененные тяготами богатства, прибегали к услугам «быстрой почты» только в самом крайнем случае.

Сердце глухо стукнуло и упало куда-то вниз, когда торопясь, разрывал непослушными пальцами продолговатый белый конверт. Неужели с Наташей что-то?

Когда Сергей увидел знакомый почерк, круглые буквы, строчки, катящиеся вниз, стало немного легче. Несколько минут он тупо смотрел на листок розовой почтовой бумаги, пахнущий ее любимыми духами Soer de Jannet и еще каким-то лекарством, не в силах прочитать ни слова... Пока не понял наконец, что третьего дня, в одиннадцать утра, у него родился сын.

«Сереженька, родной, прошу тебя, не тревожься за нас. Роды были легкие. Наш мальчик родился на три недели раньше срока, но доктор Корф говорит, что он — настоящий богатырь, весит почти девять фунтов. Мы с Софьей Петровной уже решили назвать его Николенькой в честь твоего отца — и моего тоже. Видишь, хороший мой, как славно получилось? Крестить обождем до твоего возвращения...»

— Сергей Николаевич! Что стряслось-то?

Микола тряс его за плечо, тревожно заглядывал в глаза. Сергей Николаевич повернулся к нему, улыбаясь глупо и счастливо.

— Да нет, ничего... Все хорошо. Сын у меня родился, понимаешь?

— О, це добре дило! — Микола приосанился и огладил усы. — У мене тоже, як жинка хлопчика родила, я чуть не сказывся от радости. Так что магарыч с вас, барин! Треба горилки выпить.

Шатаясь, будто пьяный, он пошел обратно к раскопу. Хотелось немедленно поделиться этой удивительной новостью со всеми.

Остаток дня прошел как в тумане. Длинный дощатый стол, за которым обычно обедали, кто-то застелил льняной белой скатертью с вышитыми петухами, а на ней, как на волшебной самобранке, появились вдруг откуда-то и круги домашней кровяной колбасы, и круто посоленное сало, огурцы с помидорами, вареные яйца и бутыл с мутноватой деревенской горилкой. Потом поедали волшебной-вкусной снедь и чокались бесчисленными «чарками», желали счастья новорожденному и новых успехов — его отцу... Под конец затянули «Ой, у поли жито», голоса звучали вразнобой, но Сергею Николаевичу это пение все равно показалось вполне слаженным, торжественным и красивым.

Сын Миколы Федька — веснушчатый белокрысы мальчуган лет десяти — несмело тронул его за рукав.

— Я это... — Федька шмыгнул носом и утерся рукавом не слишком чистой рубахи. — Тоже хочу в нывирситет поступить!

Вот те на — еще один археолог! А почему бы и нет, в конце концов? Школа в станице есть, при некотором таланте и прилежании ничто не мешает отроку продолжить образование. Может, новый Ломоносов будет... Сергей Николаевич чуть улыбнулся и

потрепал мальчишку по выгоревшим волосам:

— Молодец, брат Федька! Учись! Я тебе зимой книг пришло.

— Правда? — Мальчуган аж вспыхнул от радости. — Ей-богу правда, не врете?

Потом, когда все было съедено и выпито, посуду собрали со стола, Федька сам напросился на речку — тарелки мыть. «Счас слетаю, мигом!»

Сергей Николаевич не мог усидеть на месте. Он чувствовал себя объевшимся сверх меры, слегка пьяным, но главное — переполненным счастьем.

— Пойду пройдуся немного. Обед растрясу, — зачем-то сказал он, и, когда шел по тропе, ведущей к речке, к радости его почему-то примешивалась легкая грусть.

Как будто знал, что с ним будет дальше.

Подходя к берегу, он почувствовал какое-то смутное беспокойство. Зачем-то ускорил шаг — и увидел, как Федька поскользнулся на деревянных мостках и ушел с головой под воду. Течение сразу же подхватило его, только мелькнула голова и руки с растопыренными пальцами.

В первый момент Сергей Николаевич застыл в нерешительности. С одной стороны — вся его жизнь, выстраданная, вымечтанная, купленная дорогой ценой. А с другой — что? Чужой мальчишка? Белобрысые вихры торчат во все стороны, веснушки, цыпки на руках, запыленные босые ноги... «В нывирситет поступать хочу!»

Сергей Николаевич как-то вдруг вспомнил все это — и застонал от боли и стыда. На бегу скинул он пиджак, тяжелые сапоги, чтобы не мешали, и прыгнул в воду с тех же злополучных мостков. Он видел, как Федьку понесло на середину реки, понимал, что это — смерть, почти верная смерть для обоих, только вот иначе поступить не мог.

Размашисто, саженками он подплыл к мальчишке. Тот уже и барахтаться почти перестал, только смотрел на него огромными испуганными глазами. Сергей Николаевич схватил его за плечо.

— Ты ничего, брат, держись... Держись только... — повторял он.

А ноги уже сковало холодом и потянуло ко дну. Он чувствовал, что поперек течения ему не выгрести, тем более с такой ношей, но все равно греб свободной рукой, пока мог. Смертный холод, что сковал ноги, поднимался все выше и выше, а когда дошел до сердца, солнце погасло вдруг и небо над головой подернулось черной дымкой...

К берегу уже бежали люди, но Сергей Николаевич их не увидел. Он не почувствовал, как их обоих вытащили на берег, как с трудом разжали его мертвые пальцы. У Федьки потом целый месяц на плечах синяки не сходили.

Утро красит нежным цветом стены древнего Кремля!

Вилен Сидорович открыл глаза, услышав с детства знакомые радиопозывные. То, что он увидел вокруг, заставило его снова зажмуриться от удивления — а потом снова медленно-медленно разлепить веки. Неужели померещилось? Нет, все правда.

Вместо выцветших старых обоев — золотистый накат на стенах. Потолок почему-то был очень высоко — метра три с лишним, никак не меньше. По сравнению с убогой клетушкой хрущевской постройки, в которой он жил последние сорок лет, не квартира, а настоящие хоромы. И мебель хорошая — крепкая, добротная, без всяких финтифлюшек. Такой сейчас уже не делают.

Только вот инвентарные бирки с номерками зачем? Вилен Сидорович не сразу вспомнил, что теперь квартиры предоставляют трудящимся вместе с мебелью.

«С добрым утром, дорогие товарищи! Начинаем утреннюю гимнастику».

Вилен Сидорович бодро вскочил с кровати. Куда только подевались привычная гипертония, остеохондроз и хруст в суставах! Он чувствовал себя бодрым и молодым, аккуратно и быстро застелил постель, поставил подушку уголком и поискал глазами, где бы заняться зарядкой. А, вот и гантели лежат под шкафом рядышком, будто ждут.

— Виля, яичницу будешь? — Дверь чуть приоткрылась, в комнату заглянула Зина в цветастом ситцевом халатике. В руках какая-то кастрюлька, волосы повязаны белой

косынкой, капли воды после утреннего умывания еще висят на ресницах... Она тоже была молода! Ну, не девчонка, конечно, лет тридцать пять на вид, но какое свежее, хорошее было у нее лицо! Куда там нынешним размалеванным кикиморам. Вилен Сидорович не выдержал, сгреб ее в объятия и закружил на руках, напевая:

Мы — кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи!

— Отпусти, сумасшедший! — завизжала она, заколотила его кулаками по спине, но совсем не больно, а скорее шутя. — Поставь меня на место! Что за обращение с лучшей стахановкой на заводе! Я на тебя жалобу напишу, — она уже смеялась, — в комитет советских женщин!

А он все кружил ее на руках, радуясь своей мужской силе и ее гладкому, упругому телу под халатиком. Ничего, что кричит! Если сердится, то притворно.

Так и есть — отсмеявшись, Зина обняла его за шею, поцеловала и уже серьезно спросила:

— Что с тобой сегодня?

Ну, не рассказывать же ей правду! И что теперь правда — непонятно... Вилен Сидорович только крепче прижал ее к себе, зарылся лицом в пушистые волосы и тихо ответил:

— Ничего, это я так. Красивая ты у меня очень.

— Уж ты скажешь! — фыркнула Зина, поправляя сбившуюся косынку, но Вилен Сидорович все равно видел, что ей приятно. — Нашел время для глупостей. Давай быстрее, завтракать пора, а то дети в школу опоздают.

Только сейчас Вилен Сидорович заметил фотографию в рамочке, что стояла на комод. Серьезный подросток в белой рубашке и девочка лет десяти в пионерской форме возле толстой, старой березы. Наверное, в пионерлагере летом. От завода путевки достались под Тарусу.

Он с пронзительной остротой понял вдруг, что это *его* дети — желанные, загаданные, которых не было никогда. Мальчик на Зинаиду больше похож, а девочка — вся в него, просто копия. И имена у них хорошие, правильные имена — Дамир (это сокращенно «даешь мировую революцию») и Сталина, Сталька, Сталечка, в честь любимого вождя и учителя. В один миг он вспомнил, как они когда-то учились ходить, говорить, разбивали коленки, рисовали палочки в тетрадках. Все было — и двойки, и слезы, и корь со свинкой. Зато растут они теперь, ясноглазые и крепкие, будущие счастливые граждане великой страны.

Вилен Сидорович почувствовал, как глазам стало изнутри горячо и влажно. Только вот заплакать еще не хватает от умиления!

— Зин, ты иди, я сейчас, — он осторожно поставил ее на ноги, поцеловал в шею, — сейчас приду.

В ванной он долго умывался, отфыркиваясь от холодной воды (горячей почему-то не было), хотел было побриться, но потом передумал. Холодной водой как-то неприятно, да и бритва на полочке была только опасная. Такую и в руки взять страшно с непривычки! Вилен Сидорович поскреб щеку ладонью и решил, что сойдет и так.

За столом на кухне дети сидели уже одетые, умытые, Сталька с заплетенными косичками, у Дамира волосы топорщились ежиком.

«Новым трудовым почином ответил весь советский народ на призыв партии и правительства выполнить пятилетку в три года», — монотонно бубнило радио.

Зина раскладывала еду по тарелкам и говорила без умолку:

— Я вчера так удачно талоны отоварила — и на сахар, и на масло, и на крупу! Яйца вот еще достались... И стоять пришлось совсем недолго — часа полтора, не больше.

Вилен Сидорович покосился на сероватую, неаппетитную массу в тарелке и тоненький ломтик яичницы, сиротливо лежащий у самого края. Всего три — ему и детям, себе не

положила... Овсянка, сваренная на воде, на вкус была вряд ли намного лучше той, что давеча досталась Крошке. Вилен Сидорович отхлебнул жидкий чай, пахнувший веником. Вот чай заваривать Зина никогда не умела, что правда, то правда. Почему-то вспомнил с тоской ближайший оптовый рынок, где даже на его пенсию вполне можно было купить еду. Ну, может, не самую лучшую, зато всегда без очереди, и поторговаться можно... Он, правда, сразу же одернул себя — нашел о чем жалеть! Подумаешь, талоны! Главное, что все по справедливости.

— Виля, собирайся, а то на смену опоздаешь, — напомнила Зина, — тебе же в первую сегодня!

И то правда. Вилен Сидорович залпом допил остывающий чай, подхватил пиджак со стула и направился к двери. Пока он надевал ботинки (хорошие такие, добротные, фабрики «Скороход»), радиоприемник вдруг будто сам собой включился на полную мощность и сообщил совершенно замогильным тоном:

«Органами правопорядка разоблачена деятельность группы вредителей в тяжелой промышленности. Наймиты иностранных разведок уже арестованы и в ближайшее время предстанут перед судом...»

Фу-у, даже мурашки по спине! До сих пор одно вредительство кругом, а мы еще сетуем на временные трудности. Сейчас-то им спуска не дают, а знали бы люди, что будет, если дать им разгуляться! Вилен Сидорович вспомнил почему-то журналы с голыми девками в киоске и наглые рожи по телевизору. Фиг вам, господа жулики! Ничего у вас не получится.

С этой мыслью Вилен Сидорович вышел на улицу-Утро было солнечное и ясное. Солнце уже пригревало, и деревья стояли в золотом уборе осенних листьев. Вилен Сидорович вспомнил, как давеча шел по бульвару с кошелкой — совсем как тогда... Только он теперь не убогим стариком шаркает, нет, — идет мужчиной-молодцом, как и мечтал! Есть у него теперь и семья, и работа любимая, и квартира — не чета прежней, а главное — есть цель и смысл в жизни. Рабочий человек, коммунист, хозяин своей судьбы, он сумел-таки переломить обстоятельства... Да что там — почти чудо совершить! Вилен Сидорович немного гордился собой. Про Шарля де Виля вспоминать почему-то не хотелось. Гораздо приятнее было думать, что он *сам* добился того, что мечта его стала явью, и постепенно Вилен Сидорович начал верить в это.

Занятый своими мыслями, он и не заметил, как оказался возле заводской проходной. Со всех сторон стекались люди, многие его узнавали, здоровались, и радостно было идти с ними вместе! Хоть песню запевай, как на Первомайской демонстрации.

Он уже дошел до проходной и пробил табель привычным движением, когда сзади на плечо легла чья-то тяжелая рука. Вилен Сидорович обернулся — и увидел двоих крепких молодых людей в одинаковых серых шляпах и габардиновых плащах. Знакомые, что ли? Только вот не похожи они на рабочих, ох не похожи...

— Гражданин Поликарпов? — деловито произнес тот, что был чуть повыше ростом.

— Да... — Собственный голос прозвучал робко и жалобно, будто блеяние овцы, обреченной на заклание.

— Вы арестованы. Пройдемте.

— Я? За что? — Он еще попробовал возмутиться, но горло перехватило. Да как же может такое быть? *Это других* арестовывают правильно — вредителей, изменников, шпионов, про которых каждый день пишут в газетах. Но ведь *он-то* честный человек!

Серые плащи не удостоили его ответом — споро подхватили под руки и вывели на улицу. Был еще страшный момент, когда пришлось идти сквозь толпу, и люди расступались перед ними, будто боясь случайно прикоснуться

— Что случилось-то? — любопытствовал какой-то молодой парень в замасленном комбинезоне.

— Да вот, вредителя поймали...

Вилен Сидорович дернулся, как от удара. Хотелось крикнуть, что это все неправда, просто какая-то ошибка произошла, но почему-то смолчал и опустил голову.

Во дворе их ждал автомобиль — фургон веселенького ярко-голубого цвета с надписью «Пейте советское шампанское!». Только вот не было внутри бутылок с игристым содержимым, которое пьют веселые люди в особых случаях — на Новый год там или на свадьбу. Были только лавки вдоль стен, и ничего больше. Наверное, на большее количество арестованных был рассчитан веселый фургон, но сегодня Вилен Сидорович оказался там один.

Пока ехали, трясло и качало. Вилен Сидорович еще пытался собраться с мыслями и представлял себе, как он твердо и спокойно объяснит следователю, что никакой он не вредитель. Объяснит на пальцах, так убедительно и логично, что просто невозможно будет ему не поверить. И как потом во всем разберутся и выпустят (может, еще извинятся даже). И как пойдет он домой, к Зине и детям, а вечером сядут они за стол, и скажет он со смехом, как бы между прочим: «А вот со мной такое недоразумение приключилось сегодня...»

— Выходи, приехали! — Грубый голос прервал течение его мыслей.

Вилен Сидорович довольно неловко выпрыгнул наружу. Он еще успел несколько секунд посмотреть, сощурившись, на ясное осеннее солнце, которое светило даже здесь, в тесном внутреннем дворе, — тюремном, наверное — сквозь металлическую сетку, натянутую сверху, сквозь колючую проволоку...

И глухо стукнуло сердце, как будто только сейчас откуда-то из потаенных глубин существа пришло понимание, что солнышко это он видит последний раз в жизни.

— Вперед, не оглядываться!

Вилен Сидорович уже решил вести себя спокойно, чтобы не усугублять своего положения. Пока его вели куда-то бесконечными коридорами, он еще пытался держать себя в руках. И только потом, когда завели в какой-то тесный закуток, выкрашенный противной зеленой краской, он не выдержал и тихо спросил:

— Да люди вы или нелюди? Совесть-то есть у вас?

Но лица молодых людей, что арестовали его, — мужественных, деловитых и на удивление *одинаковых*, будто и впрямь не люди они, а роботы, не дрогнули. И глаза смотрели так же спокойно. Почему-то это было так страшно, что Вилен Сидорович не выдержал и зашелся в отчаянном, не человеческом даже, а зверином крике. Он как будто ослеп и оглох от ужаса и сознания близкой гибели, перестал осознавать происходящее вокруг, только выл, как попавшее в капкан животное.

— Молчи, падло! — Крепкий кулак врезался куда-то в солнечное сплетение, оборвав его крик.

Дыхание сразу перехватило от боли. Вилен Сидорович хватал воздух губами, как рыба, выброшенная на берег, и все никак не мог продышаться. Удар тяжелым ботинком по голени свалил его с ног. Потом били еще — ногами и резиновыми палками, а он только ползал по заплеванному полу, стараясь как-нибудь скорчиться поудобнее, чтобы прикрыть руками лицо и пах. Он уже начал терять сознание, когда сквозь боль и мутную дурноту услышал чей-то противно-бодрый голос:

— Куда его?

— Давай в бокс пока, пускай охолонет. Да крантик отверни слегка, чтоб капало только...

Чужие грубые руки сорвали с него одежду. Потом, голого и окровавленного, вытащили в коридор, впихнули в неглубокую нишу, с усилием захлопнули двери... Да так и оставили.

Сначала было облегчение — все-таки не бьют больше. Но минут через десять (может, больше, может, меньше, он совсем скоро потерял счет времени) Вилен Сидорович подумал, что лучше бы уж били. В узком и темном пространстве можно было только стоять — или висеть, опираясь на чуть согнутые колени. Тесно так, что шевелиться просто невозможно. Откуда-то сверху на голову лилась холодная вода — не то чтобы сильно, а так, тонкой струйкой. Совсем скоро начали мучительно ныть все мышцы и суставы, затекшие от неподвижности. Казалось, что не вода капает на голову и стекает по плечам и спине, а расплавленный свинец, прожигающий плоть до костей.

Но хуже и страшнее всего были ужас и отчаяние человека, запертого в тесном и неудобном пространстве. Кажется, гроб и тот просторнее... Сколько еще придется провести вот так — день? или час? или это уже навсегда? Вилен Сидорович еще пытался кричать, хотя остатками рассудка понимал прекрасно, что никто его не услышит, а услышат — только хуже будет. Он кричал, пока не сорвал голосовые связки, и только тихий хрип вырывался наружу. И когда сознание, наконец, окутала спасительная темнота, он воспринял ее с радостью, как избавление.

Когда через десять часов — как раз перед началом ночной смены у следователей — пришел надзиратель, гремя связкой ключей, и двери бокса, наконец, отворились, арестованный, занесенный в регистрационную книгу под номером 3380/2578, выпал на цементный пол — да так и остался лежать. Лицо его почти не отличалось по цвету от бледно-серой штукатурки, губы осинели, и только легкое поверхностное дыхание выдавало, что человек этот жив пока и не избыл своего срока страданий.

Потом пришел врач — *тюремный* врач, много чего повидавший на своем веку. В воздухе остро и резко запахло нашатырным спиртом, и веки заключенного дрогнули. Врач удовлетворенно хмыкнул и воткнул ему в руку толстую иглу. Через несколько минут щеки заключенного чуть порозовели, он пришел в себя окончательно и сел на полу.

Только вот в глазах его больше не было ни проблеска разума. Вилен Сидорович окончательно перестал понимать, кто он такой и где находится. Он смотрел вокруг широко раскрытыми глазами, но взгляд не фиксировался на предметах, как у новорожденного младенца. Арестант улыбался бессмысленной улыбкой идиота, качал головой будто в такт ему одному слышной мелодии, и слюна стекала по подбородку тонкой струйкой. Когда принесли одежду, он долго не мог сообразить, как надеть брюки и как застегнуть пуговицы на рубашке. Надзирателю пришлось помогать.

Когда арестованного ввели в кабинет, следователь Гордеев — плотный краснолицый мужчина с университетским ромбиком на лацкане пиджака — только головой покачал. Ну в самом деле, что за материал присылают! Краше в гроб кладут. Вечно сержантский состав переусердствует. Как теперь с таким работать? Он выложил на стол тоненькую папку с делом и бодро спросил:

— Ну что, гражданин Поликарпов, будем сотрудничать со следствием или как?

Вилен Сидорович опустил на краешек стула, осклабил в бессмысленной улыбке и радостно закивал. Ободренный таким началом, следователь положил перед собой чистый лист бумаги и приготовился записывать.

— Значит, на вашем заводе действительно существует вредительская организация?

Вилен Сидорович так же продолжал монотонно качать головой — вверх-вниз, как китайский болванчик

— Кто вас завербовал?

Арестованный издал горлом какой-то непонятный звук, что-то вроде «гы-ы», и закивал еще быстрее.

— Отвечайте по существу!

Следователь направил свет настольной лампы в лицо арестованного, но тот не поморщился и не отвернулся. Только теперь, заглянув в пустоту его глаз, за которой больше не было ничего человеческого, Гордеев понял, наконец, что дальше спрашивать бессмысленно. Он махнул рукой и принялся заполнять бланк протокола допроса. Не упускать же такую возможность!

Писал он долго. Все это время Вилен Сидорович продолжал все так же бессмысленно улыбаться и кивать. Следователь поймал себя на том, что торопится поскорее покончить с этой работой, чтобы можно было дать команду увести арестованного — уж больно тяжелое впечатление он производил. Гордеев, конечно, всякое повидал за годы службы в органах, но находиться рядом с безумным было все равно что смотреть в бездонный темный колодезь.

— Подпишите ваши показания!

Вилен Сидорович уставился на лист бумаги, заполненный непонятными для него

черными закорючками. Отдельные слова он еще мог прочитать, но в целом смысл документа был ему совершенно непонятен. Внизу страницы были чьи-то имена и фамилии, аккуратно выписанные в столбик, но и они ничего ему не говорили. Только одно имя показалось ему смутно знакомым, как будто он его уже слышал когда-то, давным-давно. Красивое имя — Зинаида Поликарпова. На секунду в памяти возникло женское лицо — серые глаза, русые волосы, мягкие губы... Потом и оно исчезло. Важно теперь было другое — удержать в дрожащих пальцах ручку с «вечным» пером и понять, что с ним делать дальше.

— Вот здесь, внизу страницы распишитесь.

Руки почему-то слушались намного лучше, чем голова. Вилен Сидорович поставил привычный росчерк там, куда указал толстый волосатый палец нового знакомого, и очень обрадовался, что все так хорошо устроилось. Следовательно сразу же забрал листок протокола и нажал кнопку вызова охраны. Оставаться наедине с арестованным ему было по-прежнему неприятно.

— Можно забирать, Сергей Михалыч? — В дверях кабинета показалась круглая добродушная физиономия выводного надзирателя Бондаренко. — Что-то вы быстро сегодня.

Гордеев поморщился. Не дело, конечно, младшего состава вникать в тайны следствия, но сержант Бондаренко, всего год назад приехавший из деревни, при всей своей недалекости отличался редким упорством, учился на высших курсах НКВД и каждую свободную минуту зубрил учебники. Так, глядишь, через пару лет ровней станет, соседний кабинет займет... Мало ли их уже выслужились до самых высот, этих выдвинутых из народа?

— Неужто сознался уже? — восхитился Бондаренко. — Ну вы ас, Сергей Михалыч! Настоящий профессионал.

Но Гордеев почему-то совсем не радовался легкой победе. Он смотрел на арестованного, который все так же кивал, раскачивался взад-вперед всем телом и скалил зубы в этой ужасной идиотской улыбке, — и на душе было гадко и беспокойно.

— Дурак ты, Бондаренко. Дело политическое, это понимать надо! Показательный процесс будет, а какой из него теперь свидетель? Позор один. Он еще подумал немного и коротко приказал:

— В расход его. Доктору потом скажешь — пусть оформит как надо. Ну, там insult или сердечный приступ...

Вилен Сидорович с удовольствием посидел бы еще немного, но его зачем-то заставили встать и снова повели куда-то. Идти пришлось долго, все больше вниз по длинным, бесконечным лестницам. Ботинки без шнурков противно хлопали по ногам, будто шлепанцы. Один раз он споткнулся и чуть не упал. Чужие руки с трудом удержали его.

Потом его силой поставили на колени, в затылок уперлось что-то холодное и твердое, на весь подвал ахнул выстрел...

Зима, как всегда, пришла неожиданно. Почему-то каждый год превращается она, родимая, в стихийное бедствие, будто сами мы в какой-нибудь Калифорнии обитаем, и снега не видели никогда, и отопление в квартирах полагаем делом излишним. Можно подумать, грешным делом, что вся логика ведения сложного городского хозяйства заимствована у того цыгана, который шубу продал, увидев первую ласточку, и чиновники каждый раз втайне надеются на глобальное потепление, а потом изумленно разводят руками — что, мол, поделаешь! Природный катаклизм.

Но пришла зима своим чередом, и, когда в начале декабря зарядил сплошной стеной мокрый снег, дороги покрылись непролазной кашей. Снегоуборочную технику, конечно, выгнали на улицу, но толку от нее маловато, и тысячи автомобилистов, уныло матерясь, часами стоят в многокилометровых пробках.

Московские дороги уравнивают всех — и владельцев дорогих иномарок, и хозяев зачуханных «железных коней» отечественного производства.

Игорь Ткаченко, председатель благотворительного фонда «Надежда XXI века», не стал исключением. На работу он ехал сегодня уже полтора часа, но совершенно не волновался по

этому поводу, философски рассудив: «Чему быть — того не миновать». Он мирно дремал, откинувшись на переднем сиденье своего «мерседеса». В салоне было тепло и пахло приятно, так почему бы не отдохнуть немного? Если бы еще водитель Коля не дергался так и не смотрел на часы поминутно — было бы совсем хорошо.

— Извините, Игорь Анатольевич, опаздываем, — виновато сказал он.

Игорь проснулся окончательно, вынырнув из сонного оцепенения. Черт, ехать-то еще далеко, можно было бы и подремать немного. Он с досадой покосился на водителя. Вот ведь экий добросовестный попался! Ему-то что, если опаздываем? Солдат спит — служба идет. А ведь поди ж ты, волнуется.

— Да ладно, Коля, расслабься ты! Как доедем — так доедем.

Игорь сидел и смотрел в окно — на улицу, людей, падающий снег... Почему-то он очень спокойно, как должное воспринимал и этот автомобиль с водителем, и свой новый статус. Мечта стала явью, обрела плоть — только и всего. Шарль де Виль действительно оказался профессионалом — в своем деле, конечно.

Когда проезжали Центральный телеграф, Игорь взглянул на огромное светящееся табло. Так, значит, сегодня 5 декабря. Интересно, а год какой? Игорь покосился на водителя, но спрашивать постеснялся. А потом и вовсе успокоился — какая на фиг разница! Разберемся.

Он снова откинулся на сиденье и задремал. Разбудил его противный писк, как будто сумасшедший комар надухом решил исполнить мелодию канкана. Игорь не понял, что это такое, похлопал себя по карманам, но тут из-за поворота, наконец, показалось новенькое, только что отстроенное здание фонда. Стрелки часов на приборной панели уже подползли к двенадцати. Надо же — почти полдня насмарку! Надо переезжать поближе к работе, не иначе.

Игорь распахнул дверь, мимоходом поздоровался с вахтером и почти бегом поднялся по лестнице. На ступеньках его встретил Гоша Кравцов — старый друг еще по Афгану. Выглядел Гоша отлично — дорогой костюм, галстук, и даже старые рубцы от ожогов на лице как-то побледнели и сгладились. Игорь почему-то совсем не удивился, увидев его здесь... Хотя и точно помнил, что Гоши давным-давно нет в живых.

— Игорь, ну наконец-то! А я уж волновался — не случилось ли чего. По радио передали — на Садовом кольце уже две аварии было.

— В пробке стояли, — коротко бросил Игорь. Но Гоша все не унимался:

— Я тебе на мобильный обзвонился уже! А ты трубку не берешь.

Мобильный? Интересно. Игорь вытащил из кармана пальто крохотный аппаратик и уставился на него с искренним изумлением. Ничего себе техника продвинулась! В девяносто восьмом году мобильный телефон был еще редкой диковинкой, доступной только богатым людям с большими амбициями. Но и тогда аппараты больше напоминали полевую рацию. А теперь — меньше пачки сигарет размером, и кнопки такие крохотулочные.

— Вот видишь — три неотвеченных вызова!

Так вот что за комар пищал над ухом! Да, изменилась жизнь, изменилась.

А Гоша все продолжал болтать:

— Беда с этими телефонами вообще! Четыреста баксов стоит, а толку мало. Вон Серому такой подарили недавно, так он до сих пор номер спичкой набирает.

Игорь понятия не имел, кто такой Серый, но на всякий случай переспросил:

— А почему спичкой? Гоша рассмеялся:

— Да у него один палец как раз на три клавиши попадает!

Игорь вспомнил наконец Серого — Сергея Сваргина, ветерана «Альфы», а ныне — начальника службы безопасности фонда. Представить себе двухметрового Серегу который запросто мог на спор завязать железный лом, набирающим номер спичкой на крохотном аппарате действительно было забавно.

Отсмеявшись, Гоша заглянул ему в лицо и спросил уже серьезно, даже с тревогой в голосе:

— Что-то ты чудной сегодня, как пыльным мешком ударенный. Случилось чего?

— Да нет, — Игорь откинул волосы со лба, — задремал просто в машине. Сон приснился... странный.

Ага. Странный. Игорь на мгновение вспомнил черную траву под багровым небом — и содрогнулся.

— А-а. — Гоша вроде бы успокоился и добавил по обыкновению непонятно: — То ли философу Лао-цзы снится, что он бабочка, то ли бабочке — что она Лао-цзы.

— Ну, что там у нас на сегодня? — Игорю хотелось поскорее уйти от скользкой темы. Гоша пожал плечами:

— Да, в общем, ничего особенного. Налоговая, правда, на мебельный цех наехала. Наши юристы уже разбираются.

— Так. Что еще?

— Журналистка пришла из газеты «Анфас». В приемной ждет.

Игорь скривился, как от зубной боли. Журналистов он почему-то недолюбливал.

— А может, ее того... В пресс-службу? У нас же там специальные люди есть. Гоша покачал головой:

— Не получится. Надо формировать положительный имидж организации в глазах общественности. А то про нас такое иногда пишут! Будто мы чуть ли не младенцев едим. — Он подумал и мрачно добавил: — Суки драные.

Обычно добродушное Гошино лицо приняло столь зверское выражение, как будто парочкой журналистов он сам бы закусил с удовольствием.

Они уже поднялись на лифте на третий этаж и теперь шли по длинному светлому коридору — быстро, шаг в шаг. Все время хлопали двери, какие-то люди входили и выходили, в общем, видно было, что жизнь в фонде бьет ключом.

Дверь с табличкой «Центр занятости» вообще была распахнута настежь. Игорь замедлил шаг, потом остановился посмотреть — самому интересно стало.

За стандартным офисным столом сидел молодой человек в строгом костюме со скучающим выражением лица. Напротив него сгорбилась на стуле бледная, плохо одетая женщина неопределенного возраста. Поминутно вытирая глаза платком, она говорила сквозь слезы:

— Как у меня мужик в прошлом году помер, совсем тяжело стало. Я сама-то воспитательницей в детском саду работаю, зарплата — копейки. Из квартиры выселить грозятся за неуплату... Детей двое, куда я с ними пойду? В барак? И так кормить нечем, все зеленые ходят. А теперь еще выселяют...

Женщина не выдержала и зарыдала в голос. Молодой человек подал ей коробку с бумажными носовыми платками, налил стакан воды из пузатого графина и так же равнодушно уткнулся в компьютер. Видно было, что к таким сценам он уже давным-давно привык. Женщина все плакала, а он деловито пробежался пальцами по клавишам, подумал немного и сказал:

— Значит, так, Татьяна Максимовна. Вакансий для воспитателей сейчас нет. Поварихой на автобазу работать пойдете? Зарплата — полторы тысячи, и пятьсот долларов — доплата от фонда.

Баба поспешно закивала, будто боялась, что он передумает. Даже плакать перестала.

— Пойду, пойду! Я вообще-то хорошо готовлю.

Ничего ж себе! Раньше такого вроде не было. Игорь осторожно прикрыл дверь и спросил:

— А что, теперь и правда из квартиры могут выселить?

Гоша хмыкнул:

— А то! Ты что, с луны упал? Еще в прошлом году закон приняли, чтобы коммуналку в полном объеме платить. Не знаю уж, как считали, но получается — будь здоров! Долларов по двести в месяц с однушки. Три месяца не заплатишь — выметайся. И никого не волнует, какая у тебя зарплата.

— Даже с детьми? На улицу?

— Ну, ты февральский! Бараков настроили в области, где раньше свалка была. Ну, там — ужас! Воды нет, холодина, удобства на улице... Кстати! — Гоша спохватился, будто вспомнил что-то важное. — Чуть не забыл. Программист у нас новый. Представляешь — пацан молодой, всего восемнадцать лет ему, да к тому же еще и инвалид! Парализованный совсем, перекореженный какой-то. Страх глядеть. И чего говорит — не разберешь без привычки. Так, мычание одно... Зато, черт его дери, гений! Любые коды щелкает как орехи. Вчера от нефиг делать в эфэсбэшную базу данных залез. Хочешь посмотреть?

Игорь покачал головой. Смотреть на парализованного гения ему совсем не хотелось.

— Почему здесь?

Гоша виновато развел руками:

— Ну, не в бараке же его было оставлять! Их-то с матерью давно выселили. Пока здесь поживут, а там придумаем что-нибудь.

— А как нашли?

— Да сам письмо послал, по электронной почте. Мать его до последнего держалась, чтобы компьютер не продавать. А тут, видать, приперло... Он и решил попытаться напоследок.

Из-за другой двери Игорь услышал звуки музыки. Он осторожно заглянул внутрь — и увидел большой, тщательно оборудованный танцевальный зал с золотистым паркетом и зеркалами на стенах. Молодые девчонки — человек двадцать — одетые в одинаковые черные трико и длинные юбки, разучивали испанский танец. Они старательно отбивали ритм каблуками, руки летали в воздухе, лица были сосредоточенны и строги. В их слаженных движениях было что-то завораживающее, торжественное.

— А это что за народное творчество? Гоша коротко ответил:

— Фламенко. Анна Петровна придумала. Психологическая реабилитация через пластику... А что, красиво!

Действительно, красиво. Игорь стоял и смотрел на девушек. Особенно выделялась одна — тоненькая брюнетка с огромными темно-кариими глазами. Ну просто Кармен!

Гоша перехватил его взгляд:

— Юлька-то, а? Прямо королева стала!

Игорь вспомнил Юльку. Всего два месяца назад, когда ее привезли после очередной облавы на проституток, выглядела она совсем по-другому — тощая, взъерошенная и дикая, как бездомный котенок. Нелепая коротенькая юбчонка, волосы, падающие на лицо, вульгарный яркий макияж, затравленные глаза... Зато теперь — какая красота какая удивительная грация и достоинство в каждом движении.

Когда Игорь зашел в свой рабочий кабинет, все, что в нем было, — деревянные панели на стенах, стол, заваленный бумагами, мягкий ковер, календарь на стене — вызвало у него удивительное и приятное чувство, как будто сейчас он наконец-то и вправду дома. Ну, если и не дома, то на своем месте. Игорь уселся в удобное рабочее кресло, откинулся на спинку и весело сказал:

— Ладно, где там эта журналистка? Давай ее сюда.

Пишущую особу он почему-то представлял себе пышной брюнеткой лет сорока с сединой волосах, умной, прокуренной и циничной. Но в кабинет вошла светленькая девушка чуть за двадцать в черном свитере под горло и голубых джинсах. Держится надменно, но видно, что нервничает. Слишком уж дрожали тонкие пальчики, когда девочка демонстративно включала свой диктофон. И начала с места в карьер, будто в холодную воду бухнулась:

— Игорь Анатольевич, ваш фонд считается благотворительной организацией, но в то же время вас называют самой сильной группировкой в Москве. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я? — Игорь пожал плечами. — Ничего. Кто называет, тот пусть и говорит.

— И все-таки?

Игорь вздохнул. Экая настырная! Да еще и глуповатая какая-то. Кто ж тебе скажет, милая: «Да, я бандит.» Ну, или там — взяточник... Терпеливо, как учитель первокласснице, он принялся объяснять:

— Все зависит от того, что именно считать группировкой. Если это люди, которые работают вместе, то моя команда одна из самых сильных. Но тогда придется считать группировкой любую организацию — от овощной базы до администрации президента. А если вы имеете в виду преступное сообщество, то нет, законов мы не нарушаем.

— Вы хотите сказать, что занимаетесь только благотворительностью? Помогаете обездоленным? — Девушка иронично улыбнулась. Видно было, что ни на грош она ему не верит. Мели, мол, Емеля...

— Не совсем так. Знаете, я твердо верю, что бесполезных людей не бывает. А вот когда человек не находит себе применения, он скатывается в пьянство, наркотики, суицид... Или просто теряет самоуважение и достоинство. Накормить голодного можно один раз, но если не решать проблему в принципе, то человек навсегда остается иждивенцем. Научить работать и зарабатывать — это посложнее, чем раздавать продуктовые заказы и поношенные шмотки. Так что, — он чуть улыбнулся, — фигурально выражаясь, моя задача — дать не рыбу, а удочку.

— Значит, вы используете людей, которые обращаются к вам за помощью? — уточнила девушка.

— В каком-то смысле да. Люди работают и получают оплату за свой труд. Достойную оплату, кстати. Насильно здесь никто никого не держит.

— А как вы поддерживаете дисциплину?

— Словом. Исключительно словом. — Игорь широко улыбнулся.

— А ходят слухи, что провинившихся вы можете жестоко наказать... — протянула девушка.

Игорь почувствовал, что начинает злиться.

— Да, могу! Выгнать могу. И тогда человеку придется снова иметь дело с налоговой инспекцией, милицией, военкоматом, собесом, ЖЭКом, поликлиникой, — словом, с той системой, где каждый, кто имеет власти хоть на копейку, может унижать его в полное свое удовольствие. И никто не вступится. Так что, — он развел руками, — как видите, наказание суровое.

Девушка замолчала. Потом подумала немного — и снова кинулась в бой:

— Правда ли, что вы контролируете всю московскую проституцию?

Игорь чуть не выругался. Почему-то в этот момент он вспомнил Юльку... И еще многих других. Откуда знать этой самоуверенной и самовлюбленной соплюшке про одиночество и отчаяние, глупость и доверчивость своих менее удачливых сверстниц, которым не повезло родиться москвичками в обеспеченной семье, окончить институт и устроиться на престижную работу?

— Нет, не контролирую. На то есть другие... специалисты. И некоторые, между прочим, погоны носят.

— Но у меня есть информация о том, что ваши люди увозят девушек и больше они не возвращаются!

— На панель — нет.

Девушка нервно мяла в руках листочек с вопросами. Кажется, поняла, чтохватила лишнего, и заговорила о другом:

— А сколько у вас было жен?

На секунду Игорь замешкался с ответом. Он вдруг понял, что *не помнит* почти ничего из прошлой жизни — с того момента, как оказался в офисе Шарля де Виля. А ведь, кажется, уже шесть лет прошло... Или семь? Он посмотрел на календарь. Да, точно, семь. Работу в фонде — да, помнит отлично, а насчет остального — провал.

А девочка ждала, что он скажет, даже вперед подалась. Интересно ей все, маленькой... Игорь провел рукой по лицу и шутливо ответил:

— Сколько есть — все мои. А если серьезно — еще не встретил свою единственную.

Девочка приосанилась, распрямила плечи, выпятив грудь под тонким свитером. Не иначе — углядела личные перспективы.

В кармане снова затрещал мобильный. Игорь даже обрадовался, что есть повод прервать это дурацкое интервью.

— Алло!

— День добрый.

В трубке Игорь услышал спокойный, даже монотонный голос Андрея Кузьмина. Андрей служил в аппарате ФСБ, виделись они нечасто, но временами его помощь была просто неоценима. Не бесплатно, конечно, но что поделаешь — всем жить надо.

— Да, привет, рад слышать!

— Игорь, надо бы встретиться.

Значит, дело и вправду срочное. Игорю показалось даже, что голос приятеля чуть-чуть дрожит. Не иначе — телефон менять пора. Дребезжит трубка.

— Через час в кафе «Баллантайн» — подойдет? Тогда жду тебя.

Надо же, срочность какая! Игорь спрятал телефон в карман и обернулся к журналистке:

— Простите, дела. Если это все, то, как говорится, до новых встреч в эфире. Гоша, проводи!

Он подхватил пальто и сбежал по лестнице, лифта ждать не стал. Охранник, дежуривший у входа, несмело тронул его за рукав.

— Игорь Анатольевич, извините... Вы, наверное, не помните меня. Я — Леха. Пять лет у вас уже работаю.

Игорь остановился, внимательнее пригляделся к парню — и сразу же вспомнил его. Спокойные, внимательные серые глаза, широкий разворот плеч под форменной синей курткой... Кто бы поверил, что когда-то он был трясущимся наркоманом! Леха сам пришел в фонд в краткий момент просветления, да так и остался. Теперь исправно работает, а по вечерам еще и в институте учится.

— Я в следующем году диплом получаю, хотел в юридическую службу перейти. Вы не подумайте, у вас я готов хоть полы мыть бесплатно, но у меня мать, бабка... Я им должен.

— Молодец, Леха, заканчивай спокойно, подыщем тебе что-нибудь. Не пропадать же образованию. Что еще? Не тяни, я же вижу.

— Да девушка есть тут одна, Юлька... Мы пожениться хотели.

Ну что ж, как говорится, дай бог... Игорь притворно нахмурился:

— Порядка не знаешь? Распишетесь — получите ключи от малосемейки. А лучше — идите к отцу Владимиру венчаться.

— Спасибо, Игорь Анатольевич! — просиял Леха. — Я для вас...

— Ладно, ладно. Без излишней. Не видишь — тороплюсь!

В кафе «Баллантайн» играла тихая музыка и свет был приятный — неяркий такой, приглушенный. Стильный интерьер в спокойных тонах, вежливые, но неназойливые официанты — словом, идеальное место для переговоров. Не понравилось Игорю только местоположение — вроде и в центре, но сразу не найдешь. Сначала долго крутились в узких переулках с односторонним движением, да еще и машину пришлось оставить метрах в пятидесяти от входа — непролазные сугробы на разбитой мостовой угрожали попортить нежную немецкую технику.

Андрей уже ждал за столиком. Игорь сразу же отметил для себя, что приятель выглядит неважно — бледный и мешки под глазами.

— Привет благодетелю всея Руси!

Что-то странно он ведет себя сегодня. Раньше никогда не ерничал. В голосе появилось неестественное оживление, глаза бегают, как вспугнутые тараканы. И улыбка будто приклеенная.

Игорь сдержанно поздоровался, взял в руки меню в тисненой кожаной обложке — и только сейчас почувствовал, что голоден. Названия блюд были все больше непонятные,

что-то вроде «ризотто» и «гаспранчо». Черт его знает, что за еда!

— Ты лазанью закажи! Ее здесь хорошо готовят.

Игорь на всякий случай заказал свиную отбивную с картошкой. По крайности понятно, что это такое. Пока ждали заказ, Игорь молча курил, стряхивая пепел в белую пепельницу с эмблемой заведения, а Андрей вдумчиво прихлебывал крепчайший черный кофе из маленькой чашечки, как будто именно за этим и явился сюда сегодня. Тягостная пауза висела в воздухе как грозовая туча. Наконец, Андрей спросил все тем же бодрым тоном:

— Ну, как жизнь, как дела?

— Да ничего, живем помаленьку. Ты дело говори. Что стряслось-то?

Официант, высоко подпоясанный белым передником, принес подогретую тарелку с художественно оформленной едой. Игорь вдохнул вкусный запах и с удовольствием принялся за еду.

— Да пока не стряслось, но может. — Андрей теперь говорил медленно, тщательно подбирая слова. Наигранная веселость вмиг испарилась куда-то. — Ты, Игорь, хорошо раскрутился в последнее время. Власть большую забрал. Говорят о тебе много. Разное, конечно, говорят, но все-таки... — Он вздохнул и твердо закончил: — Серьезным людям это не нравится.

Мутный какой-то разговор получается. Даже нежнейшее мясо показалось вдруг невкусным, будто кусок резины. Игорь поднял глаза от тарелки:

— И что? Я ведь не сто баксов, чтобы всем нравиться.

— Видишь ли, есть такое мнение, что лучше бы тебя не было. Совсем.

— Это в каком смысле?

— В том самом.

Игорь отложил в сторону вилку и нож. Есть совсем расхотелось. Сколько раз он мог бы погибнуть — но вот теперь ему стало страшно. Хотелось крикнуть: «Я же не один! Сколько есть людей, за которых я отвечаю!»

— Это все, что ты хотел мне сказать?

Андрей невесело усмехнулся:

— А что — мало? Дальше сам думай. Ты же человек не бедный. Даром, что ли, пол-Москвы на тебя пашут! Скройся, испарись, усиль охрану, в конце концов.

А вот это вряд ли. Бежать ему некуда. От винтовки с оптическим прицелом еще никто не спрятался — рано или поздно все равно достанут. И охрана не спасет. Ему ли не знать об этом! Игорь снова на краткий миг услышал шепот черной травы, почувствовал, как гибкие стебли смыкаются вокруг него все теснее и теснее, давят и душат...

У него хватило сил сохранить лицо — положить купюру на стол, надеть пальто и вымолвить деревянным голосом:

— Ну, спасибо за информацию.

Он махнул рукой на прощание и пошел к выходу.

Когда Игорь вышел из кафе, уже вечерело — в декабре темнеет рано. Он огляделся. Ну и местечко! На Пыхов переулочек похож. Улочка узкая, дома старые, заборы какие-то понастроены... А вот на третьем этаже окно открыто и ветер колышет цветную занавеску. Странно. Не май месяц...

При мысли о том, что, возможно, там, за занавеской сидит честный парень с винтовкой, который хорошо делает свою работу, Игорь почувствовал, как сжалось сердце. Будто кто-то огромный и сильный прихватил его на миг ледяной рукой, а потом отпустил. Пока отпустил. Неуместные мысли лезли в голову. Почему-то жаль стало этого незнакомого парня. Профессионал, наверное... Или такой же обреченный смертник, каким и он сам был недавно.

«Так или иначе, я теперь — просто мишень в прицеле. И обречен все время оглядываться и прикидывать, где бы мог затаиться снайпер. Фу, да так и с ума сойти недолго! — уныло думал Игорь, идя к своей машине. — И сколько там той жизни осталось?»

Он вспомнил Гошу, Серого, Леху, красавицу Юльку и еще многих других, с кем работал и кому успел помочь. Сразу как-то веселее стало. Если жизнь была *не зря*, какая

разница, сколько она продлится? «Да сколько есть — все мое! — Игорь приосанился и зашагал быстрее. — Врешь, не возьмешь! Мы еще поборемся».

Он почти успел, уже взялся за ручку дверцы «мерседеса», когда под левую лопатку что-то ударило остро и больно. Пальцы разжались, Игорь как-то сразу обмяк всем телом и осел в мокрую снежную кашу.

«Так вот зачем Андрюха так спешил со мной встретиться! — быстро пронеслось у него в голове. — А я-то купился, как пацан, сам побежал под выстрел!»

Последнее, что он увидел, — постепенно темнеющее серое небо над головой...

Анна шла по Тверской от Большого зала консерватории вниз, к Манежной площади, и ее серый плащ с погончиками (тот самый!) развевался при каждом шаге.

Не хотелось думать, каким образом странный психиатр по имени Шарль де Виль умудрился перенести ее в прошлое, но это случилось! Действительно случилось! В душе звучали бетховенские аккорды, и Анна легонько кивала в такт музыке. Она снова чувствовала себя удивительно молодой и счастливой... А главное — свободной!

Она с удивлением и радостью смотрела по сторонам, будто в первый раз оказалась здесь. Так смотрит человек, вышедший первый раз после долгого времени из тюрьмы или больницы, когда самые обыденные вещи кажутся почти чудом.

Вроде все как всегда, только вот люди одеты по-другому, старомодно как-то, и машин стало гораздо меньше, а иномарок совсем не заметно. Куда-то подевались бутики со сверкающими витринами и запредельными ценами. Нет больше рекламных щитов, не видно нищих, бомжей, уличных торговцев-лоточников и зазывал. Даже милиционеры больше не ходят по улице с дубинками и автоматами, будто солдаты в оккупированной зоне. А вот и кафе «Лира», на месте которого совсем скоро откроют первый в Москве «Макдоналдс». Похоже, она и правда оказалась в восьмидесятых.

Мимо прошла молоденькая девушка в туго обтягивающих цветных рейтузах-леггинсах, увешанная пластмассовой бижутерией и размалеванная, как индеец на троне войны. В прежние времена Аня презрительно кривилась от подобной безвкусицы, но теперь готова была расцеловать ее от внезапно нахлынувших чувств. Модные профурсетки и правда одевались так в годы ее молодости!

Она подняла руку, посмотрела на запястье... Так и есть! Шрамы исчезли! Но главное — исчезла старая тупая боль, ставшая привычной за долгие годы. Руки снова стали волшебной гибкими и послушными, они подчинялись ее желаниям, но вместе с тем как будто жили своей собственной жизнью, как умные и чуткие живые существа.

Анна почувствовала, что по щекам текут слезы. Плакать ей в жизни пришлось много, но вот чтобы от радости... Только сейчас она поверила, что чудо действительно произошло.

Владик подошел к ней возле Пушкинской площади. Совсем как тогда! Она боялась этого — но в то же время была внутренне готова. Но все-таки вздрогнула всем телом, когда услышала за спиной знакомые слова с особенной, вкрадчивой интонацией:

— Девушка, вы не скажете, который час?

Она медленно обернулась, смерила его взглядом с головы до ног. Да уж, герой-любовник... Маленькие бегающие глазки, сальные волосы, низкий лоб, запах табака и дешевого одеколона — и при этом тупая уверенность в своей мужской неотразимости. Анна даже удивилась: «И что я в нем нашла тогда? Ведь доброго слова не стоит!» Она горестно вздохнула. Что ж поделаешь, в юности мы все без головы.

Видимо, было что-то такое в ее взгляде и выражении лица, что Владик даже осекся на минуту. Но потом справился с собой и продолжал все тем же «мурлыкающим» тоном соблазнителя пэтэушниц:

— Кстати — меня зовут Владислав.

Анна еще несколько секунд смотрела на него молча. Потом, неожиданно для себя самой, сказала вдруг резко и грубо, будто выплюнула:

— Отвали, козел!

Владик отпрянул от нее, как испуганный конь. Анна видела, как его самодовольная улыбка стекла с лица. Да чего уж там — она сама себе удивилась! Хорошей еврейской девочке из приличной семьи таких слов и знать-то не положено, а уж употреблять — тем более. Так выразиться могла бы разве что черноволосая стерва, которую она сама себе вообразила давеча.

— *Отлично, подружка. Отшила негодяя — и что дальше?*

Как говорится, помяни черта — и он тут как тут. Анна снова услышала в голове низкий женский голос с хрипотцой. Неужели он теперь всегда будет ее преследовать. Когда-то она читала, что голоса в голове — это признак шизофрении, и теперь даже испугалась.

— *А перепрыгнуть на десять лет назад — разве не сумасшествие? Ты уверена в этом?*

Голос звучал устало и печально, но Анна испугалась больше. Неужели ее новая жизнь — только бред? Пожалуйста, пусть это будет не так!

— Замолчи и не мешай мне! — сказала она вслух с неожиданной злостью. — Исчезни!

Какая-то женщина с большой хозяйственной сумкой подозрительно покосилась на нее и отошла подальше на всякий случай. Анна смутилась. «Наверное, я и впрямь произвожу впечатление чокнутой, — думала она, — вон, люди шарахаются. Ничего, я привыкну. Привыкну — и все будет хорошо».

Анна теперь шла медленно, как будто выполнила тяжелую, но необходимую и важную работу. Хорошо выполнила. Думать о том, что конкретно она станет делать дальше, было лень. Будущее представлялось в расплывчато-розовых тонах. Она просто радовалась весеннему вечеру, пьянящему воздуху, а еще тому, что прошла уже немалый путь по городу — и не устала совсем! Ноги не болят, она легко могла бы пройти еще столько же.

Но сейчас ей хотелось только одного — поскорее прийти домой. Войти в квартиру, где каждая мелочь знакома и памятна с детства, вдохнуть воздух, из которого, кажется, еще не совсем выветрился запах маминых пирогов и бабушкиных лекарств, прикоснуться к клавишам любимого рояля — и услышать, как он отзовется ясным и чистым звуком, окинуть взглядом старинный буфет из красного дерева (его еще дедушка покупал!), лампу с розовым абажуром, книжные полки...

Наконец-то ощутить себя дома!

Возможно, потом она немного поиграет — экзамены приближаются, готовиться надо. Или позвонит родителям — просто поболтать, спросить, как дела, услышать их голоса, сказать, что любит и скучает. В семье было не принято особенно нежничать, но сейчас она скажет именно так: папа и мама, я вас очень люблю... И если даже потом заплачет, ей ничуть не будет стыдно. А может быть, просто уляжется на диване в гостиной и станет читать «Сто лет одиночества» — ведь тогда она так и не дочитала эту книгу! Все как-то недосуг было.

Вот и знакомый дом. Сейчас он выглядит таким новым и красивым! Потом, конечно, в центре настроят архитектурных изысков с башенками для новых русских, но пока это жилье — одно из лучших. Входя в подъезд, Анна машинально поискала глазами кодовый замок, но потом вспомнила, что в конце восьмидесятых люди еще не так боялись друг друга. Она нащупала ключи от квартиры в кармане плаща и чуть улыбнулась. Все-таки в хорошее время она попала!

Анна не стала ждать лифта, взбежала на третий этаж по крутой лестнице. Даже запыхалась немного. Она постояла перед дверью, обитой черной искусственной кожей с табличкой «53», отдышалась — и только тогда стала открывать.

Анна не сразу попала ключом в замочную скважину — руки почему-то дрожали. От волнения, наверное... Она еще удивилась, что дверь не заперта на нижний замок, а просто захлопнута. Надо же, какая рассеянность! В следующий раз надо быть внимательнее.

В прихожей было темно. Она и порог переступить не успела, когда кто-то грубо втолкнул ее в квартиру. Хотела закричать — но рот зажала широкая мужская ладонь. Она забилась в чужих руках, пытаясь освободиться, но куда там! Силы были явно не равны. Потом ее ударили по затылку чем-то тяжелым, и она потеряла сознание...

Когда она очнулась, за окном было темно. Комнату заливал яркий электрический свет. Очки с нее слетели в коридоре, но Анна поняла, что полулежит в большом раскладном кресле в гостиной. Попробовала пошевелиться — и не смогла, руки и ноги надежно связаны. Ее сильно тошнило, кружилась голова, и очень хотелось пить. Аня попыталась разлепить губы, подать голос, но и рот ее был надежно заклеен широкой полоской пластыря.

Она чуть повернула голову и с ужасом увидела, что в комнате все перевернуто вверх дном. А главное — увидела троих крепких молодых людей, которые по-хозяйски, деловито рылись в шкафах и ящиках. Двое были ей незнакомы, но третий... Аня плохо видела без очков, но Владика узнала сразу.

Так значит, он не просто негодяй, но еще уголовник в придачу! Аня только сейчас сообразила, что почти ничего не знала про человека, который почти год был ее мужем. Он говорил, что окончил МАДИ в прошлом году, а с работой пока не определился — и она, дура, верила! Никогда не видела его родителей, друзей, не знала, куда он уходит и почему иногда сидит дома целыми днями — и все равно верила ему.

Она вспомнила вдруг, как однажды Владик принес домой какие-то вещи — шубу, видеомagneтофон и даже маленький телевизор. На ее робкий вопрос он только улыбнулся и рассеянно ответил: «Бизнес, малыш, бизнес! Тебе не понять». Аня тогда сочла за лучшее больше не спрашивать, тем более что вещи он унес в тот же вечер. Теперь ей стало ясно, что это за вещи... И выходит, что она — его соучастница, пусть и невольная!

По спине стекла тонкая струйка холодного пота. Анна крепко зажмурилась, как в детстве, когда в кино показывали что-нибудь страшное. Она просто не могла поверить, что все это в самом деле с ней происходит! Но голоса она все равно слышала, и это убеждало окончательно, что происходящее с ней — не кошмарный сон.

— Что ж ты, Влад, не смог девку убалалаить? Тем более — такую? Не похоже, чтобы к ней мужики в очередь выстраивались. Смотри, теряешь квалификацию!

— Да ну ее, припадочная какая-то...

— Ты смотри, очухалась! Зенки-то открывай, нечего ветошью прикидываться!

— Ничего, сейчас запоем.

Владик решительно шагнул к ней, наотмашь ударил по лицу.

Анна послушно открыла глаза. Она очень боялась рассердить бандитов... Хотя видеть лицо Владика, слушать его голос было еще страшнее.

— Жить хочешь? Говори, деньги где, золото?

Анна промычала что-то нечленораздельное. Она уже готова была сказать, что украшения лежат в буфете, в потайном ящичке, и сберкнижка предъявительская там же, что она отдаст все, лишь бы не убивали, но проклятый пластырь мешал.

— Дурилка ты! Как она тебе скажет с залепленным ртом?

К ней подошел другой бандит, незнакомый, и резко, одним рывком оторвал пластырь.

Анна вдруг поняла, что ее все равно убьют. И сейчас остается всего лишь маленький шанс — крикнуть, может быть, соседи услышат, вызовут милицию... Она зашлась в таком отчаянном крике, что даже бандиты на миг опешили.

— Молчи, сука! — Тот, кто стоял ближе к ней, попытался зажать ей рот, но Анна укусила чужие пальцы и все равно продолжала кричать. Сильно укусила, наверное, — он отдернул руку, и брызнула кровь.

— Да заткните вы ее, наконец!

Перед глазами мелькнуло лезвие ножа... Потом стало чень больно. Аня еще продолжала кричать, захлебываясь собственной кровью и до последней минуты надеясь, что кто-нибудь придет ей на помощь. Конечно, она не могла знать, что именно в тот вечер соседи — Елена Васильевна и Николай Платонович, пожилая супружеская пара, с которыми ее родители не то чтобы дружили, но церемонно здоровались, встречаясь на лестнице, — уйдут в Театр оперетты, чтобы в который раз посмотреть любимую «Сильву». А другие ничего не слышали — это в панельном доме стены картонные, каждый чих слышно, а в кирпичном звукоизоляция будь здоров!

Анну хоронили в закрытом гробу. Еще бы — судмед-эксперт насчитал восемь ножевых ранений! Родители не успели приехать, поэтому в последний путь ее провожали только подруги и соученики по консерватории. Потом, на поминках, они сидели в ее квартире и почти не разговаривали между собой — слишком уж неожиданной и страшной была эта смерть. Ближайшая подруга Лена зашла в рыданиях, так что пришлось отпаивать ее валерьянкой. Но не только Анина гибель была тому причиной — ее Владик, ее любимый человек, такой милый, внимательный и нежный, вдруг исчез в никуда внезапно, без объяснения причин. А у нее задержка уже три недели... Раньше это не имело особого значения — ведь они все равно собирались пожениться в самое ближайшее время! Но теперь — пропал в никуда, и по телефону, который дал ей («звони только в крайнем случае, у меня мама очень нервная!»), грубый мужской голос отвечает, что никакой Владик здесь не живет. И требует не звонить больше.

Ленка чувствовала себя потерянной и обманутой. Вместе с подругой она хоронила свои надежды на счастье — такие простые и такие важные.

Владислав Сорокин был задержан через пять лет при попытке вооруженного ограбления инкассаторов. К тому времени за ним уже числилось много всякого... Взяли с поличным, при задержании он тяжело ранил милиционера, а мораторий на смертную казнь еще не объявили. Поэтому он и счел за лучшее взять на себя все «висяки», что сподобились навесить на него шустрые опера, он шел на максимальный тогда срок за свои и чужие прегрешения.

Про Анну к тому времени все уже и думать забыли. Убийство ее так и осталось нераскрытым.

Глава 5 ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОКЛЯТЫХ

Москва, 11 сентября 1998 года

— Андрюха! Андрюха! Эй, ты чего это разлегся здесь, а?

Голос звучал откуда-то сверху. Андрей открыл глаза и увидел лицо Пашки Попова — приятеля и соседа по дому. А еще — синее небо над головой, желтеющие деревья, знакомые многоэтажки, среди которых он вырос и провел всю свою недолгую и непутевую жизнь... Андрей давно перестал замечать все это, но теперь готов был расплакаться от радости. Жив! Главное — жив остался. А значит, не было никакого Пыхова переулка, никакого Шарля де Виля, а главное — никакого договора. Не было — и все, померещилось просто.

— Ну ты даешь! Вся морда расквашена. Что случилось?

Андрей осторожно тронул опухающий глаз. Черт, больно-то как, а!

— Да вот... Светкин муж пришел не вовремя, ну и...

— А, Светка-конфетка! — Пашка понимающе хмыкнул. Небось и сам не раз у нее ночевал. — Да, не повезло тебе. Бывает. Ты идти-то можешь? А то давай домой провожу.

— Кажется, могу. — Андрей осторожно, с усилием поднялся на ноги. Голова кружилась, но, в общем, было почти терпимо. Теперь отлежаться бы пару дней. Главное только, чтобы мать не доставала попусту. А то ведь всполошится, как курица, — что да откуда, врача вызвать, в милицию обратиться... Потом сядет и начнет пилить — неправильный, мол, образ жизни до добра не доводит! Тоска, одним словом.

Медленно, с помощью Пашки, Андрей добрал до своего подъезда.

— Ладно, Андрюх, я побегу... Бывай, в общем.

Андрей кивнул. Ему почему-то хотелось побыть одному, никого не видеть и ни с кем не разговаривать. Как назло, еще и лифт не работает... Подниматься по лестнице на шестой этаж было для него все равно что на Эверест карабкаться. Но все же он дошел! Открыл дверь, прислушался — слава богу, дома никого. Мать, наверное, на работу ушла... Андрей еле доковылял до дивана в своей комнате и рухнул на него, как был — в грязной, заляпанной

кровью одежде, даже ботинки не сняв.

Он пытался улечься поудобнее — как в детстве, подложив ладонь под щеку, но что-то мешало. Андрей впервые посмотрел на свои руки, и то, что он увидел, заставило его покрыться противной холодной испариной.

Часы. Те самые, с черно-красным кожаным ремешком. А с циферблата на него смотрел нахально ухмыляющийся дьявол в ореоле красно-желтых языков пламени.

Ольга стояла посреди Цветного бульвара. В первый момент она даже не поняла, как оказалась здесь. Значит, ничего не произошло? Все, что было, — и Шарль де Виль, и договор, и принц на белом коне — на самом деле ей только померещилось? Какое счастье, чуть не подпрыгнула от радости.

— Дэвушка, ты пачиму такой красивый и адын? — крикнул ей мужской голос с кавказским гортанным акцентом.

Неужели опять? Ну что они себе позволяют! Оля повернулась на каблуках. Она просто кипела от возмущения — так и есть — потрепанный «ниссан-альмеро» и черноусый горец за рулем.

— Молодой человек, вас мама в детстве не учила, что неприлично приставать на улице к женщинам? — назидательным, учительским тоном спросила она. И зачем-то добавила: — А тем более к замужним?

Непрошенный кавалер смутился:

— Извини, дарагая, ничего плохого не хотел! Нэ хочешь — так и скажи, зачэм сердиться?

Вспышка гнева прошла, Ольге даже смешно стало. Но и пешком идти до Пушки расхотелось. Она зашла в метро и потом, пока ехала до дома, думала о том, как славно и хорошо все обошлось и что минутное помрачение сознания (давление шалит, наверное, как у мамы, надо в поликлинику сходить) не испортит ей настроение. Она думала об этом, повиснув на поручне в вагоне метро под грохот колес, думала, когда шла по переходу, думала, пока ждала маршрутку на остановке... И ведь почти убедила себя, почти поверила!

Когда через час Оля вылезла из маршрутного такси и быстро зашагала по дороге к дому, она была вполне довольна собой. Что и говорить, день удался на славу! С подружкой встретилась, поела вкусностей в кафе, а главное — работу, считай, почти нашла! Можно сказать — почувствовала себя новым человеком, который крепко стоит на земле и с оптимизмом смотрит в будущее.

На правую руку, с которой почему-то упорно не снималась резиновая полоска с номером шкафчика и эмблемой Трансвааль-парка на жестяной бирке, она старалась не обращать внимания.

Игорь очнулся на куче битого кирпича и прочего строительного мусора. Он наморщил лоб, пытаясь понять где находится, и вспомнить, как тут очутился. Ветхие стены, пустые оконные и дверные проемы, даже крыши нет, не иначе сумел-таки заползти в старый выселенный дом уходя от погони. А потом просто вырубился от болевого шока. Сон только приснился странный — цветной сон, реальный, как никогда в жизни. И красивый такой! Он вспомнил девчонок, танцующих испанский танец. Назывался еще как-то заковыристо... Ах да — фламенко!

Игорь встал — и тут же скривился от боли. Лодыжку-то действительно травмировал! Но раз наступить можно — значит, не перелом. Уже хорошо.

Под ногами хрустели осколки стекла. Игорь осторожно высунулся наружу, прислушался... Вроде никого, пусто. Можно уходить, только вот ведь вопрос — куда?

Он присел на деревянный чурбан, неведомо как здесь очутившийся, и попытался собраться с мыслями. Задание провалено, и наверняка его уже ищут. Затаиться негде, денег почти нет, да к тому же и травма... Значит, из Москвы надо выбираться по-любому, это его последний (хотя и дохлый, конечно) шанс. Как выбираться? Да электричками! Документов

там никто не спросит, а уехать можно довольно далеко, особенно на перекладных. Где-нибудь в деревне, конечно, всякий новый человек виден как на ладони, но ведь можно наврать про себя с три короба! И при определенной удаче безопасно пересидеть какое-то время, а там видно будет.

Он попытался отряхнуть одежду от пыли. Выйдешь в таком виде — мигом загребут, у ментов глаз наметанный. Благо еще, все серое, незаметное, на таком и грязи не видно. Пошарил по карманам — так, пятьсот рублей одной бумажкой и еще мелочовки рублей на триста. Не густо, конечно, но все же лучше, чем ничего. Для деревни, где дачников не бывает, — просто богатство Шахрезады. Ну-ка, посмотрим, может, еще какая мелочь завалилась...

Стоп. А это что такое? В нагрудном потайном кармане куртки-ветровки Игорь нащупал какой-то странный предмет, которого — он точно помнил! — там никогда не было и быть не могло. Продолговатая коробочка чуть поменьше пачки сигарет, но весом потяжелее будет и края закругленные такие, обтекаемые...

Игорь сунул руку в карман. Почему-то ему стало вдруг плохо, голова закружилась, и окружающее поплыло перед глазами. А главное — он снова услышал тихий шепот черной травы, почувствовал прикосновение гибких стеблей на лице... Он резко, рывком вытащил руку из кармана, будто чеку от гранаты рванул.

В руке он держал мобильный телефон — тот самый, с кнопками. Игорь повертел его в руках, в первую секунду хотел было спрятать обратно, но осторожность пересилила. Размахнувшись, он забросил миниатюрный аппаратик в грудку строительного мусора и, медленно привлекая больную ногу, пошел прочь от этого места.

— Мужчина, вам плохо? Может, «скорую» вызвать? Голосок был тоненький, почти детский, но напористый. Сергей Николаевич открыл глаза и увидел молоденькую девушку в строгом сером костюме с папкой для бумаг в руке. Почему-то она смотрела сверху вниз. Только сейчас Сергей Николаевич сообразил, что он как-то неловко, боком полулежит прямо на асфальте, привалясь плечом к стене дома.

Нехорошо получилось, некрасиво — прямо на улице сознание потерял.

Он понял что находится в Калашном переулке — как раз там, где началось его странное путешествие в никуда. Жаль все-таки, ужасно жаль, что это было лишь видение! А теперь — Сергей Николаевич посмотрел зачем то на свои руки, которые снова стали старыми и морщинистыми, — как говорится, все вернулось на круги своя. Девушка заметила, что он пришел в себя, и улыбнулась. Улыбка была очень живая и искренняя, и чуть косой передний зубик видно... Особенно заметно стало сейчас, что девушка совсем молодая, может быть, школу только в этом году окончила.

— Ну вот, уже лучше! У вас лекарства с собой есть? — деловито и строго спросила она.

— Какие лекарства?

— Ну, я не знаю... Нитроглицерин там или что вы принимаете обычно?

— Да я как-то так обхожусь...

— Разве можно! — Девушка возмущенно всплеснула руками. — У меня дед тоже такой. Ветеран, орденосец, на фронте разведротой командовал, а не усмотришь за ним — как дитя малое!

Сергей Николаевич усмехнулся. Его позабавил нравоучительный тон столь юного создания. Наверное, хорошо быть дедушкой такой вот свиристелки! А ему вот — не привелось. Жаль.

Он глубоко вздохнул, собираясь с силами, и, придерживаясь за стену, встал. Девушка наблюдала за ним с некоторой тревогой.

— Может, все-таки «скорую» вызвать?

Сергей Николаевич покачал головой. Вопреки ожиданиям, чувствовал он себя совсем неплохо.

— Благодарю вас, милая барышня. В этом нет никакой необходимости.

Девушка смотрела на него, будто раздумывая — уходить или нет.

— С вами точно все в порядке?

— Да, спасибо.

— Ну, тогда я пойду?

— Да конечно! Извините, если задержал, вы, наверное, торопитесь.

Девушка снова улыбнулась ему и пошла вниз по переулку размахивая папкой. Походка у нее была стремительная, светлые волосы взлетали и опускались в такт, казалось, вот-вот — и сама полетит... Сергей Николаевич смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом, потом поднял свой портфель и медленно пошел к метро. Он посмотрел на часы. Кажется остановились — или с тех пор, как он сидел на бульваре, прошло совсем мало времени. Минут десять, не больше.

В подземном переходе на ступеньках сидел безногий нищий на тележке, одетый в грязную «камуфляжную» форму. Даже голубой берет был какой-то засаленный. Криво нацарапанная надпись на картонке «Помогите ветерану Афганистана», кажется, никого не трогала, люди равнодушно шли мимо. Сергей Николаевич взглянул в его опухшее, ко всему безразличное лицо, поймал остекленевший, пустой взгляд — и внутренне ужаснулся. Где бы ни оставил свои ноги этот здоровый и крепкий когда-то молодой мужик — нельзя людей доводить до такого состояния!

Он долго рылся в карманах, пока нашел, наконец, и выгреб на ладонь несколько мелких монет. Вот, к примеру, железный рубль, недавно деноминированный из тысячи. Раньше за такие деньги надо было год работать, а теперь — только нищему подать... А это что такое? Сергей Николаевич присмотрелся повнимательнее — и тут мир будто дрогнул и закачался перед глазами.

Среди монет и табачных крошек на ладони поблескивала маленькая золотая бляшка с изображением бегущего оленя из скифского кургана близ станицы Каменецкой.

Вилен Сидорович сидел дома, в любимом продавленном кресле, тупо уставившись в телевизор. Там, на экране, все время кто-то кого-то убивал, целовал, с надрывом признавался: «У меня будет ребенок» или призывал срочно купить жидкость для мытья посуды, но Вилен Сидорович никак не мог вникнуть в смысл происходящего, хотя и очень старался. В голове все мутилось, действительная реальность путалась с воображаемой, и он уже не мог отличить одно от другого.

С памятью и вовсе творилось что-то странное. Например, он прекрасно помнил, что сегодня утром собирался на рынок, потом какой-то толстенький иностранец напевал старую пионерскую песню... Вилен Сидорович точно знал, что его сына зовут Дамир, а дочь — Сталина, содрогался от ужаса, вспоминая лицо следователя Гордеева и университетский ромбик на лацкане его пиджака, но понятия не имел, как добрался до дома сегодня и почему продукты так и не купил. Вот уже битый час он бесцельно вертел в руках синенькую книжечку со словом «пропуск» на обложке, которая неведомо как оказалась у него в кармане, но раскрыть ее и заглянуть внутрь почему-то боялся.

К тому же и чувствовал он себя неважно. Голова болела, как будто темя сверлили чем-то, немилосердно ныли суставы... Надо бы, конечно, врача вызвать, но Вилен Сидорович никак не мог собраться с силами — слишком уж тяжело и мучительно было для него сейчас двинуться с места. Он еще пытался уговорить себя, что, может, и так пройдет, в поликлинику сейчас не дозвониться...

Даже Крошка, кажется, почуяла неладное. Поначалу она радостно кинулась ему под ноги, виляя хвостиком, но потом испугалась чего-то, забилась под стол, да так и сидела там, не высовываясь.

За окном уже темнело, а он все так же сидел неподвижно и думал о том, почему ему так плохо, а помочь некому? Не оттого ли, что совести в людях совсем не осталось? Или просто жизнь такая скверная и несправедливая штука? Ну как можно жить дальше, если в ней так много всякой грязи и пакости, а просвета не видно?

«Замачиваем в холодной воде», — наставительно вещал приятный женский голос с экрана.

Вилен Сидорович встрепенулся и даже сделал звук погромче. Хоть кто-то может поговорить с ним! А тетя Ася, размахивая бутылкой отбеливателя, торжествующе закончила: «Совесть иметь надо, вот что!»

Потом высунулась по пояс из телевизора, зачем-то сделала свободной рукой совершенно неприличный жест (это когда средний палец вытягивают, а прочие поджимают в кулачок) и подмигнула ему, как старому знакомому.

Анна почти ничего не видела. Мир вокруг нее был серый и тусклый, все окружающее будто плавало в тумане. Когда она сообразила, что очки ее почему-то подняты на лоб, и надела их как следует, зрение наконец-то прояснилось, предметы обрели четкие контуры, и она поняла, что стоит буквально в двух шагах от станции метро.

Аня даже удивилась, как она могла заблудиться — ведь тысячу раз была здесь! Вот сберкасса, вот магазин «Ткани», а чуть дальше будет стоматологическая поликлиника... Нет здесь никаких пустующих домов с выбитыми стеклами, нет никакого Пыхова переулка и не было никогда!

Она так обрадовалась, что все мелкие неприятности сегодняшнего утра показались ей просто смешными пустяками. Ну подумаешь — палец иголкой уколола или там колготки порвала!

Анна немного постояла, наслаждаясь погожим осенним днем. Оказывается, просто дышать воздухом, видеть дома, деревья, людей, спешащих по своим делам, — это тоже счастье! Даже шрамы на запястьях значили теперь для нее не только невозможность когда-нибудь подняться на сцену Большого концертного зала, но и то, что она *жива*.

Ехать на пункт приема бесплатных объявлений ей совершенно расхотелось. Анна чувствовала себя усталой, да и ходить по городу с большущей дырой на колготках все-таки неприлично. Она медленно пошла к автобусной остановке и тут сделала новое открытие. Оказывается, ходить по земле тоже приятно, даже если ноги болят! Аня подумала, что теперь откажется от высоких каблуков раз и навсегда. Незачем себя мучить попусту. Да и вообще... Многое, пожалуй, стоило бы изменить в своей жизни!

Она подумала о том, как хорошо, наверное, гулять сейчас где-нибудь в парке или подмосковном лесочке и слушать, как шуршат опавшие листья под ногами...

— *А что тебе мешало сделать это раньше?* — Знакомый голос в голове снова вмешался в течение ее мыслей. Но на этот раз Аня не рассердилась и не испугалась, а просто задумалась. Вот и в самом деле — что? Времени не хватало? Пустая отговорка. Скорее всего — просто желания и решимости. Она поняла, что на много лет отгородилась от мира, забилась в свою скорлупу и боялась высунуть нос оттуда. Раз и навсегда решив, что жизнь ее разбита, она *сама* запретила себе радоваться чему бы то ни было! Даже самым простым и обычным вещам вроде прогулки на природе, кофе с мороженым, нового платья или туфель (тех, что покупают не потому, что «надо», а потому, что «хочется»)-К остановке подошел автобус. На этот раз — не дребезжащая на ходу развалюха, а новый, сверкающий «мерседес». Такие в Москве появились совсем недавно. Даже этот автобус был прекрасен! Анна села у окна и всю дорогу до дома думала о том, что завтра суббота, в Москве ее ничего не держит, так почему бы не съездить за город, пока погода хорошая? Отыскать старые джинсы, кроссовки — и вперед! От остановки она шла в хорошем настроении. Даже усталые ноги перестали болеть.

В подъезде было темно. И на лестнице снова кто-то лампочку вывернул... Анна почему-то никак не могла попасть ключом в замочную скважину. Она подошла поближе к свету, посмотреть — может, ключ погнулся? Нет. Не погнулся. Мигом испарилось хорошее настроение и будто ледяным ветром пахнуло в лицо. Одного взгляда хватило, чтобы понять — в руках она держит *не те* ключи! Эти — от старой квартиры на Сивцевом. Вот ключ от верхнего замка, вот — от нижнего, и еще один, маленький — от почтового ящика. В детстве

Анне почему-то нравилось приносить домой свежие газеты в воскресенье утром... А на кольцо болтается брелок — розочка, закатанная в прозрачный кусок пластмассы. Лучшая подруга Ленка подарила его на день рождения еще в седьмом классе.

Анна сжала ключи в кулаке, пытаясь как-то собраться с мыслями. Как же они здесь оказались?

— *А ты сала не знаешь?* — мрачно отозвался голос в голове. — *Или не хочешь знать?*

Олег ехал домой в такси, удобно развалившись на заднем сиденье. Ночная Москва сверкала огнями ему навстречу, из-за позднего времени пробок нет, дорога свободна... Лепота, одним словом!

Хмель прошел, голова прояснилась, и свое маленькое ночное приключение Олег воспринимал теперь с юмором и изрядной долей здорового скептицизма. Он даже поругивал себя слегка за беспечность и глупость. Это же надо было заблудиться буквально в двух шагах от никогда не спящей Тверской! Плащ вон порвал да еще вообразил себе невесть что. Пить меньше надо. А если пить — то не гулять в таком состоянии ночью по плохо освещенным улицам. Кстати, ему еще повезло, могло быть и хуже. Мало ли пьяных грабят... А то и убивают за три рубля.

В машине гремела музыка — разухабистый блатной мотивчик, — но почему-то Олега это совсем не раздражало. Наоборот, очень приятно и радостно было вернуться в привычный и знакомый мир. Будто заблудился в лесу, долго плутал, голос сорвал, аукая, — а потом снова вышел на тропинку...

Царь Горох воровал, царь Иван воровал,
А потом дочерей за ментов отдавал,
Доставалось царям, доставалось ментам,
А уж после ментов — оставалось и нам...

Да уж точно, воруют в России — будь здоров... Перед глазами почему-то всплыло лицо приятеля-налоговика, с которым встречался сегодня в клубе. Тоже жук еще тот! Зарплату получает три копейки, а ездит небось на джипе. И познакомились они не где-нибудь, а на Канарских островах. Новый год, помнится, встречали. Олег вспомнил танцы до упаду под пальмами у бассейна под русскую водочку, вспомнил красные лоснящиеся морды региональных боссов, чиновников, бандитов... Бизнесмены средней руки вроде него самого поначалу смущались немного на этом празднике жизни. Но ведь весело было! И даже гордость своеобразная — как русские, никто не гуляет. Чтобы душевно так, с размахом.

А голос из динамика все надрывался:

Воруй, воруй Россия,
А то ведь пропадешь,
Воруй, воруй Россия,
Всего не украдешь!

Ну, насчет «всего» — это, конечно, загнули. Доворовался же кто-то, что в стране дефолт случился. Ну да ладно, прорвемся, первый раз, что ли!

Мысли стали медленными, тягучими... Олег даже дремать начал, несмотря на грохочущую музыку — разморило, видать, от тепла. Но песня вдруг кончилась, и тот же голос запел совсем с другой интонацией, тихо так, но Олега аж подбросило на месте:

К молитве не хожу, и в церкви русской
Я где-то с краю, где-то в стороне,
Я грешный человек, и сердце мое пусто,
И колокол по мне гудит, гудит во мне...

(Из песен группы «Лесоповал».)

Олег понял вдруг с пронзительной и жестокой ясностью, что песня эта о нем, о его бестолковой и непутевой жизни, о загубленной душе...

Пусть никого он не грабил и не убивал, но когда «конкретные пацаны» приносили деньги чемоданами и просили перевести их на известные счета, да так, чтобы комар носу не подточил, он ведь не спрашивал, откуда те деньги! А «благодарностей» в конвертах сколько он успел рассовать нужным людям? Антону тому же, к примеру.

Вот и выходит, что он ничем не лучше других — исправно крутящийся маленький винтик большой адской машины. И от этой мысли стало ему так грустно, что даже уголок глаза как-то подозрительно зачесался. Вот только слез сейчас и не хватает!

— Эй, командир, — негромко сказал он водителю, — музыку выключи, пожалуйста.

— Не нравится? Хозяин барин, — покладисто отозвался тот, не поворачивая головы.

Песня стихла, но от этого было ничуть не легче. Когда Олег достал платок из кармана и потянулся вытереть глаза, он заметил, что на руке что-то блеснуло. Странно. Он присмотрелся внимательнее — и с трудом удержался, чтобы не закричать.

На левом безымянном пальце крепко сидело обручальное кольцо — то самое, с насечкой, что они с Галкой покупали когда-то к свадьбе. Новенькое такое, совсем не затертое...

Глава 6

А ПОУТРУ ОНИ ПРОСНУЛИСЬ...

Следующее утро вновь выдалось солнечным и ярким. Как будто в утешение за каждодневную суету, ссоры, болезни, потери и утраты, дарила природа людям такие дни. Только ведь и солнышко — не всем в радость... Не зная еще друг о друге, семь человек в разных концах огромного города всю ночь беспокойно метались в своих постелях.

Андрей вздрагивал всем телом на продавленной тахте, будто от боли. Вилен Сидорович задремал прямо в кресле. Ольга стонала и порывалась бежать куда-то. Анна тихонько плакала во сне... Олег все ворочался и никак не мог устроиться поудобнее, будто дорогуший ортопедический матрас вдруг превратился в грудку острых камней.

Игорь с трудом добрался пешком до Курского вокзала. Надо было, конечно, уходить дальше, но сил совсем не было, и нога разболелась нестерпимо. Благо на запасных путях всегда есть отслужившие свой срок вагоны, в которых коротают время бомжеватые личности. За несколько бутылок водки они охотно приютили его, даже предоставили отдельное купе. Но и для него эта ночь оказалась тяжелой — он так скрипел зубами и зло, матерно ругался, что даже ко всему привыкшие соседи опасливо косились — псих какой-то, не иначе.

Сергей Николаевич долго не ложился спать. Он все перебирал свои книги, пытался читать, работать, даже рукопись зачем-то снова достал из портфеля. Но ничего не шло на ум, строчки путались и прыгали перед глазами, как живые, а карандаш, как назло, валился из рук. В конце концов он так и заснул у стола, уронив голову на сложенные руки.

Одно и то же снилось им всем — долины, поросшие черной травой, крутые скалы, разверстые пропасти, леса странных деревьев, уродливых и искривленных, смоляные озера, гнилые болота... И над всем этим — темно-багровые небеса, облака, сверкающие пламенем, да пыльные вихри, носящиеся в душном, раскаленном воздухе. Картины эти почему-то рождали ощущение такого ужаса и отчаяния, что хотелось закрыть глаза, исчезнуть, испариться, умереть — лишь бы не видеть больше проклятых мест. В горле першило, пыль забивала глаза, ядовитые испарения просачивались к каждой клеточке тела... Но хуже всего было чувство безысходности и горького осознания, что теперь никуда не деться отсюда. Но к добру ли, к худу, все проходит когда-то. Кончилась и эта ночь, и, как туман над землей исчезает под лучами солнца, забываются к утру кошмарные сновидения, и все страхи

прячутся в потаенных уголках сознания. Люди трезвые и практичные не любят о них вспоминать. Подумаешь — сон приснился! Эка важность.

Ольга проснулась рано. Сначала она хотела поспать еще немного, долго ворочалась с боку на бок, но сон не шел. Потом решила просто поваляться, почитать в постели, даже прихватила с полки пухлый томик в растрепанной карамельно-розовой бумажной обложке с очередной «роковой любовью», но скоро отбросила его в сторону. Страдания придуманной героини по поводу безответной любви к красавцу брюнету с голубыми глазами вдруг показались ей надуманными и пошлыми до тошноты. Она поднялась с постели, сварила себе кофе, села у стола на кухне и принялась размышлять, чем бы сегодня заняться.

Ольга чувствовала себя немного разбитой, но все равно старалась думать о чем-то хорошем. Например, о новой работе... Она немного гордилась, что сумела так легко и просто решить свою проблему. Хорошо бы еще новый костюм купить! Что-нибудь не слишком вызывающее, но яркое и стильное. Конечно, денег свободных нет, но все равно хочется. Надоело ходить на работу серой офисной мышью.

Ольга увидела, что сахарница пуста. Она достала с полки жестяную банку в веселенький красный горошек, но, пока пересыпала, заметила, что в банке что-то шуршит. Ух ты! Двести долларов, аккуратно завернутые в целлофан. Оля вспомнила, что когда-то сама припрятала эту заначку на черный день. Еще мама была жива... Ну что ж, теперь пригодится. В дорогой бутик она, конечно, не пойдет, но возле Покровской большой вещевой рынок... Там всегда можно подобрать что-то приличное, да еще и поторговаться. И ехать не так далеко — всего одна станция на электричке.

Ольга заметно повеселела и принялась собираться. Но когда взгляд случайно упал на правое запястье, с которого так и не снималась проклятая резиночка с биркой, хорошее настроение мигом улетучилось, сдулось, как лопнувший воздушный шарик. Она опустила на табуретку и, неожиданно для себя, горько заплакала.

Сергей Николаевич ходил взад-вперед по комнате. Так он ходил когда-то по одиночке в Крестах, пока не врывались надзиратели. Он очень устал, и ночной сон не принес облегчения, но на ходу легче думалось.

Вчерашнее приключение не давало ему покоя. Вроде бы все ясно — ну, упал, потерял сознание на улице... Хорошо еще, что быстро пришел в себя! Мозг выдал картинку — отчетливое, детальное видение той жизни о которой наяву он мог только мечтать. Раскопки, скифское городище... Ему ли, историку, не знать об этом? Он пытался уговорить себя, что скифская бляшка с оленем могла как-нибудь случайно заваляться в кармане, усиленно цеплялся за последние остатки разумной, привычной и правильной материалистической картины мира...

Но сердце знало, что на самом деле все не так просто, как кажется. И безжалостный рассудок ученого говорил, что проклятая золотая пластинка никаким объяснимым способом попасть к нему *не могла*.

А значит — и в самом деле с ним произошло что-то из ряда вон выходящее. И душу дьяволу он продал по-настоящему. А уж этот господин, как известно, долго ждать не любит.

Сергей Николаевич вспомнил многочисленные истории средневековых хронистов о тех несчастных, кого по глупости и жадности, от стремления к власти или из-за несчастной любви угораздило заключить подобный договор. О Теодорихе Великом, унесенном прямо в ад на вороном коне невиданной красоты. О Родриго — последнем короле готов в Испании, которого демоны забрали с поля битвы. О графе Матисконе, человеке гордом и жестоким, которого черный рыцарь увел с собой прямо из-за праздничного стола в первый день Пасхи...

Сергей Николаевич остановился, отер внезапно выступивший холодный пот со лба. Он уже свыкся с мыслью о близкой смерти, но вот о том, что *там*, дальше за чертой, никогда не думал.

А теперь-то — и думать, пожалуй, поздно. Он вздохнул и тяжело опустился на кровать. Обвел взглядом комнату, в которой жил и работал столько лет. Книги, рукописи, памятные мелочи... Абажур над столом — еще Наташа покупала. Грустно, нестерпимо грустно было думать о том, что совсем скоро посторонние чужие люди выкинут все это на помойку как ненужный хлам. И последняя книга, над которой он работал почти два года, так никогда и не увидит света. Жаль, ведь времена Великого переселения народов во многом так и остаются белым пятном в истории, а там немало интересных мыслей и выводов.

Сергей Николаевич виновато покосился на пухлую рукопись, что лежала на столе со вчерашнего вечера. Почему-то сейчас он чувствовал себя так, будто ребенка бросает на произвол судьбы. Что поделаешь, если сейчас кризис и в издательстве думают не о том, чтобы нести в массы разумное, доброе и вечное, а о том, чтобы самим остаться на плаву! Надо бы, конечно, переждать, только вот времени у него остается совсем немного. Если даже де Виль будет достаточно терпеливым кредитором, старость и плохое здоровье сделают свое дело.

Впрочем, как говорил старшина Копылов на фронте: не можешь сделать сам — поручи другому. Сергей Николаевич подумал про Алексея Дубинского, с которым оказался в одной делегации на симпозиуме в Париже в начале девяностых. И как говорится, в гроб сходя благословил... Алексей, тогда розовощекий аспирант, поразил его своей увлеченностью. В те годы, когда полстраны кинулось торговать и стрелять друг в друга, странно было видеть человека, одержимого идеей расшифровать письма древних пиктов — загадочного исчезнувшего народа, населявшего когда-то Британские острова. С тех пор они поддерживали связь, виделись нечасто, но все же... Алексей оказался одним из немногих молодых ученых, кто до сих пор не ушел из науки. Диссертацию недавно защитил, преподает, крутится как может, но дело свое не бросает.

Сергей Николаевич хлопнул себя по лбу. Так вот оно, решение проблемы! Вот кому можно было бы показать рукопись, а потом — доверить ее до лучших времен. Не вечно же будет длиться этот чертов кризис.

Воодушевленный этой идеей, Сергей Николаевич уже взялся за телефон, набрал знакомый номер и долго-долго слушал длинные гудки в трубке, пока не вспомнил, что сегодня суббота и на кафедре института, где преподает Алексей, скорее всего, никого. А живет он в подмосковной Щербинке и домашним телефоном до сих пор не обзавелся. Придется теперь ждать до понедельника... Но ведь и за два дня всякое может случиться! Сергей Николаевич принялся листать свою потрепанную записную книжку. Где-то здесь должен быть адрес.

Вилен Сидорович проснулся с тяжелой головой. В первый момент он никак не мог понять, почему сидит в кресле одетый и телевизор включен... Ах ты господи, старость не радость!

Солнце било прямо в глаза. Хотелось задвинуть шторы поплотнее, удобно улечься на старой скрипучей кровати и поспать еще часа два-три, а то и подольше. Но ведь нельзя — Крошка, увидев, что хозяин поднял голову, уже ходит кругами, тихо поскуливая. Вилен Сидорович посмотрел на старый будильник, что тикал на прикроватной тумбочке. Надо же, половина девятого! Никогда он не вставал так поздно.

Крошка села возле него и осторожно поскребла лапой по штанине. Морда ее выражала неподдельное страдание.

— Ну, иду я уже, иду, — проворчал Вилен Сидорович, поднимаясь с кресла. Все мышцы затекли от неудобной позы и теперь болели немилосердно.

Он покосился на собачку. Кто бы только знал, как его раздражает этот визгливый комок шерсти! Ни отдыха, ни покоя пожилому человеку — корми, гуляй... Зачем только их заводят? Дураки люди.

Во дворе, на асфальтированном пятачке перед подъездом, дворничиха Клава шустро размахивала метлой.

— Доброго утречка вам, Вилен Сидорович! — весело сказала она. — Погодка-то, а? Бабье лето.

— Какие бабы, такое и лето, — нахмурился он.

— Ой ты маленький. — Клава нагнулась погладить собачку.

Крошка доверчиво потянулась к ней черным влажным носом.

— Ах ты пушистик такой, ласковый! — Клава гладила белую шерстку, а Крошка все лизала ее загрубелые, в трещинах руки, как будто хотела отмыть их дочиста.

— Нравится — забирай себе, — вдруг сказал Вилен Сидорович совсем уж зло и сунул ей в руки поводок.

— Ой, чтой-то с вами? — растерялась Клава от беспричинно резкого тона.

— Уезжаю я. К сестре, в деревню, — вдруг неожиданно для себя самого выпалил Вилен Сидорович. И добавил: — Насовсем.

— Ну, так собачку бы с собой взяли! Пусть она там по травке побегает.

— Там собаки на цепи сидят, а не хлеб жрут зря. И люди их не для баловства заводят! — Вилен Сидорович возвысил голос. Почему-то сейчас он действительно поверил, что уехать в деревню к сестре Маше и правда было бы хорошо. А что? Тихо, ни тебе телевизора, ни метро, ни наглой молодежи... Он и думать забыл, что сестра уже пять лет как умерла.

— Ну что — берешь или нет?

Наверное, в лице его было нечто такое, что Клава испугалась. Она вдруг побледнела, глаза стали совсем круглыми, и даже рот приоткрылся. Так и стояла — в одной руке метла, в другой — ременная петелька от поводка, а Крошка жалась к ее ногам, как будто спрятаться пыталась.

Вилен Сидорович нехорошо усмехнулся и пошел в подъезд. Поначалу дома показалось очень хорошо — тихо так... Он устроился перед телевизором и хотел было уже посмотреть «Криминальную хронику», когда на экране вновь показалась проклятая тетя Ася. На этот раз смотрела она неодобрительно и строго, даже пальцем погрозила. Вилен Сидорович аж с места подскочил и выключил телевизор от греха подальше. Все равно — ну нет покоя человеку! Надо и правда в деревню ехать. Слишком уж страшно и противно жить в огромном городе, где никому до тебя нет дела и никому ты не нужен. Как работать — так вымпелом наградят, на доске почета повесят, а как стар стал — подыхай, да поскорее. Дети забыли, государству не нужен... Где они, Дамир со Сталиной? Почему не помогут старику? Растись их, растись, а благодарности — никакой.

Он пошарил в нижнем ящике допотопного серванта — там, в старом очечнике, хранились «гробовые» сбережения. Достал две сторублевые бумажки, потом, поколебавшись, добавил еще одну. Мало ли что, дорога дальняя...

Анна выглянула в окно — посмотреть, сколько градусов на термометре. Надо же, всего девять часов, а уже плюс пятнадцать! И солнышко вышло... Прекрасный день. Даже обидно будет провести его, как обычно, в четырех стенах.

Она плохо спала ночью, и вчерашняя идея о поездке за город уже представлялась ей глупой и детской. Что зря время терять, если полно дел по дому? Да и лень как-то тащиться в дальнюю даль неизвестно зачем.

Анна с грустью вспомнила, что ведь когда-то давно, еще в детстве они с родителями выбирались иногда из дому. Ехали в никуда — просто сажались в электричку и смотрели в окно. Выходили там, где местность казалась наиболее симпатичной, потом гуляли по лесу, разводили костер или купались в какой-нибудь маленькой речушке или озерце. Так весело было... Каждый раз — настоящее приключение! Родители тогда были молодыми, веселыми и беззаботными, а она сама — маленькой девочкой, серьезной и умненькой не по годам, но вполне счастливой.

Анна тяжело вздохнула. Как часто воспоминания — даже самые радостные — способны причинять боль! Но сейчас ей нестерпимо захотелось выйти из дому, уехать

подальше от шумного, загазованного города, вдохнуть чистый воздух...

Так что нечего тешить себя глупыми отговорками вроде того, что дома надо бы окна помыть, да и одежды вроде нет подходящей... Аня решительно встала и открыла стеной шкаф в прихожей — там, в тюке старой одежды, который все руки не доходили выбросить, должно найтись что-нибудь подходящее для такой прогулки. Ага, джинсы... Мама прислала их в посылке через месяц после отъезда в Израиль. Тогда в Москве это был страшный дефицит, а она и не надевала их почти — стеснялась почему-то. Кофточка с рукавами «летучая мышь»... Ну, это мимо, сейчас в таком виде только людей пугать. Лучше уж папина ковбойка в клеточку — как она только заваялась здесь? А вот бежевая ветровка вполне подойдет. Как раз по погоде. Анна быстро оделась, застегнула «молнию» на джинсах, радуясь, что за десять лет не прибавила в весе ни килограмма, и встала перед зеркалом в прихожей. В общем, она осталась вполне довольна собой, хотя вид был совершенно непривычный, только вот на ноги надеть нечего. Не на каблуках же прыгать по кочкам! Анна перерыла весь шкаф, пока в самом дальнем уголке не обнаружили старые адидасовские кроссовки, в которых когда-то еще на физкультуру в школе ходила. Так и знала, что не могла их выбросить! Она натянула на ноги удобную обувь, подхватила ключи с полки (главное, чтобы не те, с брелоком-розочкой, которые так напугали ее вчера) и вышла из дому.

Время подползало к десяти, когда Андрей лениво ковырялся вилкой в тарелке с гречневой кашей. Проспал он почти сутки и чувствовал себя значительно лучше. Голова не болит, тошнота прошла, даже следы побоев почти исчезли. Так, легкая синева под глазами... События вчерашнего дня изрядно поблекли в памяти. Подумаешь, мало ли что в жизни случается! Как говорится, забудь — проехали.

Только вот часы никуда не делись и дьявол на циферблате держал свой трезубец в лапах и все так же нахально ухмылялся. Андрей хмуро покосился на свое неожиданное приобретение. А что, все-таки крутые котлы! Может, загнать их кому-нибудь? Или так, самому носить?

Занятый своими мыслями, он даже не заметил, как на кухню вышла мать. Как всегда непричесанная, в халате... Она встала перед ним, сложив руки на груди, и лицо ее не предвещало ничего хорошего. Минуты две она молчала, будто собираясь с мыслями, потом строго сказала: — Значит, так. Поедешь сегодня к тете Шуре на дачу — там помочь надо. Перетащить кое-чего, покрасить, дрова в сарае сложить... Ну, там она скажет, у нее в этом году яблоки хорошие уродились, привезешь ведра два, она обещала.

Андрей аж вилку уронил от удивления. Таким тоном мать с ним не разговаривала уже давно — со школы, наверное... Она помолчала еще недолго и сказала совсем тихо, устало так:

— Должна же и от тебя какая-то польза быть! А то шляешься где-то целыми днями. Я одна бьюсь-бьюсь, и все без толку...

В голосе ее звучала такая безнадега, что Андрей почему-то смутился. Мать как будто подписала ему приговор — никчемный, мол, ты человек! Толку от тебя нет и не будет. В первый раз, может быть, за всю жизнь в голове мелькнула мысль — а вдруг так оно и есть? Ведь ничего не сделал, ничего не добился. Андреян Орловский хоть и загнулся от передоза, зато какие песни писал! И бабки у него были, и девчонки на концертах кипятком писали, и вообще... Ему-то самому и этого не светит.

От этой мысли на душе стало так погано, что Андрей даже с матерью спорить не стал, хоть и не хотелось ему тащиться к черту на рога и служить там выучным конем для ворчливой тети Шуры. Он только кивнул — понял, мол — и пошел к себе в комнату одеваться.

Олег пил крепчайший черный кофе, который щедро разбавлял коньяком, курил сигарету за сигаретой и все равно никак не мог успокоиться. Только теперь он понял окончательно, что столкнулся с чем-то неведомым, чему нет названия в человеческом языке

и рационального объяснения тоже нет. Временами он с тайной надеждой поглядывал на кольцо, которое никак не снималось с пальца — вдруг да исчезнет? Вдруг это все — просто морок, наваждение, пьяный бред? Но проклятое кольцо было на месте, и от этого становилось еще страшнее.

Хуже всего было то, что Олег совершенно не представлял себе, что делать дальше. Все, с чем он сталкивался когда-либо, часто было несправедливо, иногда — жестоко, а порой шло вразрез с действующим Уголовным кодексом. Но, по крайней мере, все было понятно и объяснимо, даже болезнь, которая в свое время так исковеркала его судьбу.

Но теперь... Ясно было только одно — жить, как жил раньше, он уже не сможет. Хотя бы потому, что еще одна такая ночь запросто доведет до инфаркта. И даже если не доведет, прошлая жизнь все равно казалась отвратительной и нелепой суетой. Будто свора собак грызется из-за кости... Все, что так волновало его совсем недавно, — бизнес, деньги, машина, проблемы с налоговой инспекцией — вдруг стало таким мелким и незначительным, что даже странно было немного. Как он мог придавать столько значения мелочам?

Что пользы тебе, если приобретешь весь мир, но душу свою потеряешь? Эта странная, чужая фраза неожиданно всплыла в мозгу, и Олег вдруг дернулся, как от удара. Он вспомнил, как давным-давно — ему тогда было лет двенадцать — родители сняли дачу на все лето (ребенку нужен свежий воздух!) и сослали его туда под надзор бабушки Серафимы Аркадьевны. Поначалу он пытался бунтовать — скучно ведь и сверстников почти нет, одни старухи да молодые мамы с младенцами, но потом привык и даже начал находить некое удовольствие в обретенной свободе, долгих велосипедных поездках по окрестностям, прогулках по лесу... В один из таких долгих, томительно-жарких летних дней его застиг короткий, но бурный ливень. Олег тогда укрылся от дождя в старой церквушке, что стояла на поляне среди леса. Ходили туда только старухи из двух ближайших деревень, Краскова и Щербатовки, а настоятелем был отец Георгий — застенчивый, худощавый деревенский батюшка с мягким голосом и добрыми, усталыми глазами за стеклами очков. Олег сначала только глаза тарашил — интересно было посмотреть на живого попа, но потом стал заходить часто. Отец Георгий много знал, любил поговорить и очень интересно рассказывал про Вавилонскую башню или остатки Ноева ковчега, обнаруженные на склоне горы Арарат. Олег тогда еще спорить с ним пытался, со всем пылом юного пионера и председателя совета отряда доказывал, что Бога нет. На все его щенячьи наскоки («Ну, где ваш Бог? На облаке сидит?») отец Георгий только посмеивался и отвечал непонятно: «Бог везде, чадо. Подрастешь — поймешь». А потом приглашал к себе домой пить чай с плюшками, что замечательно пекла его матушка — дородная и улыбчивая Мария Семеновна.

Вот, наверное, единственный человек, который сейчас сумел бы его понять! Олег аж застонал — так захотелось снова увидеть его, поговорить, рассказать о своей беде! Может, еще можно помочь? Если он еще жив, конечно... Хотя почему бы и нет? В те годы отец Георгий казался ему стариком, но вряд ли было ему намного больше сорока. Так что сейчас, значит, за шестьдесят. Вполне возможно, что и поныне здравствует. Дачу они тогда снимали на станции Шарапова Охота по Курскому направлению. Дорогу от станции найти можно, он там все вдоль и поперек облазил.

Значит, надо ехать. Пусть его ситуация кому угодно покажется глупой и дикой, пусть невелик шанс найти выход и получить какую-то помощь или совет, но попытаться стоит. Олег вспомнил, что машину вчера оставил на стоянке возле офиса, ну да бог с ней. На электричке, пожалуй, будет как-то правильнее... Он загасил в пепельнице последний окурок, поплескал на лицо водой в ванной, мельком взглянул на себя в зеркало — ну и рожа! Мешки под глазами, бледность покойницкая, надо будет о здоровье подумать — если, конечно, в ближайшее время это еще будет актуально. А сейчас остается только торопиться и надеяться, что не слишком поздно.

Глава 7 АДОВ ПОЕЗД

Игорь сидел у окна в электричке Москва-Тула. Нарочно выбрал самую дальнюю. Он был недоволен собой — проспал! Тоже мне, профессионал хренов... Ментов на вокзале шастает немерено, и запасные вагоны они часто шерстят, так что легко могли бы взять его тепленьким в этом приюте бомжей и блохастиков.

Однако — обошлось. И теперь он сидел на жесткой деревянной лавке, смотрел в окно и пытался думать, как жить дальше. До самой Тулы катиться, наверное, смысла нет. Значит, наверное, стоило бы выбрать какую-нибудь богом забытую станцию и сойти. А там — как фишка ляжет.

Народу в вагоне почти не было. Странно, конечно, — суббота ведь и погода хорошая, дачники должны бы ломануться на свои участки. А тут — только бородатый старик с большим потертым кожаным портфелем да странная очкастенькая девица в старых джинсах и кроссовках с тремя полосами, что выпускали к Олимпиаде-80.

В Текстильщиках зашли двое — какой-то пенсионер в потертой кепочке и старом пиджаке, застегнутом не на те пуговицы, и молодой парень быдловатого вида. Такие обычно в подъездах пиво пьют и курят дешевые сигареты, поплеывая через губу. В Царицыне — молодая симпатичная женщина с длинными светлыми волосами. Игорь проводил ее взглядом, когда она шла по проходу между скамейками. Да, ничего, вполне ничего... Правда, видно, что девушка серьезная, на такой разве что жениться можно. А потому ему лично с ней ничего не светит. Игорь еще немного посмотрел и отвернулся.

Электричка длинной зеленой змеей пробиралась через город. За окнами мелькали то какие-то заборы, то многоэтажные дома, то просто деревья, автомобили, люди, спешащие по своим делам... Почему-то сейчас Игорь особенно остро и тоскливо почувствовал свою оторванность от обычной жизни. У других есть работа, дом, семья, какие-то свои заботы и радости, и все это держит человека незримыми, но прочными нитями.

А у него вот — ничего нет. Бежит он в никуда и, если честно признаться, даже саму жизнь свою спасает просто по инерции.

Нагрудный карман оттягивает что-то тяжелое. Игорь сунул руку внутрь — и снова вытащил тот самый маленький телефон с кнопками. Надо же, ведь вроде вчера выбросил — а он опять здесь! Пригляделся повнимательнее — работает. Наверное, можно позвонить кому-нибудь. Только вот некому ему теперь звонить, да и незачем. Шальная мысль мелькнула в голове — а что, если снова набрать тот номер, из газеты? Как-то там было... Три шестерки в начале, а дальше что? Игорь с удивлением обнаружил, что номера этого не помнит больше. Ну и ладно. Он спрятал аппаратик в карман, опасливо покосившись на соседей — заметили или нет?

А поезд все набирал скорость. Вагон почему-то довольно сильно качало, и на остановках автоматические двери открывались с таким противным звуком, как будто и впрямь голодная змея с шипением разевала свою пасть. Народу было по-прежнему мало.

На станции Люблино в вагон зашел крепкий молодой мужик в хорошем костюме. В электричке он выглядел странно и непривычно, как тулуп в бане. Игорь напрягся на секунду — уж не мент ли? — но мужик окинул вагон странным, отсутствующим взглядом, плюхнулся на соседнюю скамейку и уткнулся в газету. Ишь ты, «Коммерсант»... Выходит, что и бизнесменам приходится из своих «мерседесов» вылазить. Игорь успокоился и снова уставился в окно.

Так они и сидели в вагоне — семь человек, такие разные во всем, занятые собственными мыслями и проблемами, и не было им никакого дела друг до друга. Да и с чего бы? Просто случайные попугайчики... В этот момент они и знать не знали, что объединены одной, общей судьбой.

Вагон тряхнуло особенно сильно. Вилен Сидорович чуть не слетел со скамейки, Олег оторвался, наконец, от своей газеты, Анна вскрикнула... Дверь, что отделяет пространство вагона от тамбура, бесшумно открылась, и на пороге появился низенький толстенький человечек в синей форме контролера. Ольге — она сидела ближе всех — даже показалось,

что он именно *появился*, возник из воздуха. Прийти ему было неоткуда — вагон последний, дальше только стенка. Она смертельно побледнела и зажала рот, чтобы не закричать. Остальные пассажиры злополучного вагона тоже подняли головы, как по команде, и смотрели на неожиданного пришельца, затаив дыхание, как кролики на удава.

Было от чего — перед ними, лучезарно улыбаясь, стоял сам Шарль де Виль!

— Ну что ж, прекрасные мои, — заговорил он, потирая маленькие пухлые ручки, — наконец-то все в сборе! Вы даже не поверите, сколь радостно мне видеть такую приятную компанию.

Все сидели молча и неподвижно. Только Анна усердно протирала очки, как будто глазам своим не верила и надеялась, что наваждение вот-вот исчезнет.

— Ой, что теперь с нами будет? — тихо выдохнула Ольга.

Де Виль повернулся к ней и любезно ответил:

— В свое время узнаете, моя дорогая. Как это у вас говорится по-русски, — он прищелкнул пальцами, будто вспоминая трудное слово, — долг платежом красен? Очень верная пословица, очень верная... — Потом подумал немного и добавил: — Уверяю вас, вы не будете разочарованы.

Пока он говорил, Игорь внимательно и зорко следил за каждым его движением и прикидывал — с какой стороны лучше подобраться, чтобы свернуть шею этому балаболу? «Одним движением, как в спецназе учили... А там — будь что будет. Эх, жаль только — далековато сажу!» Он уже приготовился, тело сжалось перед броском, как стальная пружина, когда де Виль подошел к нему сам и посмотрел с укоризной и легкой жалостью, как на убогого.

— Зря вы это, Игорь Анатольевич. Неужели ничего не поняли до сих пор?

Игорь почувствовал такую слабость, что, кажется, и пальцем шевельнуть не мог бы. Да уж, нашел с кем бодаться.

Де Виль чуть отступил, обвел вагон взглядом хозяина, который проверяет накрытый стол перед приходом гостей — все ли в порядке? Кажется, он остался доволен — снова улыбнулся и прикоснулся кончиками пальцев к форменной фуражке:

— А теперь я вынужден откланяться. Простите — дела.

Потом щелкнул пальцами и исчез, оставив после себя сизый дымок в воздухе да противный запах. Так пахнут яйца, когда испортятся. На мгновение в вагоне потемнело, как будто поезд нырнул в тоннель, а когда снова стало можно различать что-нибудь — все вокруг разительно и страшно изменилось.

Свет солнца погас. Пространство вагона освещали только тусклые лампы под потолком. Но главное... Холмы, перелески, зарастающие сорняками колхозные поля и любовно возделанные огороды, деревянные развалюхи, доживающие свой век, панельные многоэтажки и новорусские коттеджи — все, что составляет привычный подмосковный пейзаж, вдруг исчезло куда-то! Поезд летел сквозь темноту, и только короткие вспышки багрового пламени освещали ее. Даже стука колес не слышно было больше.

В окно ударилась птица и застучала грудью в стекло, будто пытаясь проникнуть внутрь. Анна обернулась на звук, и то, что она увидела, чуть не заставило ее потерять сознание. Это была вовсе не птица! Существо, которое отделяло от нее только окно, приоткрытое из-за теплой погоды, могло привидеться разве что в ночном кошмаре. Когтистые лапы, тело, покрытое зеленоватой чешуей, кожистые крылья придавали ему сходство с летучим ящером, вымершим в доисторические времена, но голова была человеческая — злобное, сморщенное лицо карлика. Анна пронзительно закричала от ужаса и отвращения и принялась дергать неподатливый рычажок, пытаясь поднять стекло. Она никак не могла сообразить, где тут надо нажать, да и сил не хватало, чтобы потянуть как следует.

Олег — он сидел ближе всех — поднялся с места, схватился обеими руками за рычажки, и проклятое окно наконец-то захлопнулось. Анна плакала, ее сотрясала крупная дрожь, зубы стучали. Он присел рядом, осторожно обнял ее за плечи и заговорил тихо:

— Ну, все, все. Все уже хорошо. Успокойся.

— Какое на фиг хорошо! — Андрей вскочил на ноги. И озибался совершенно безумным взглядом. — Так подставили, суки!

Он схватился обеими руками за голову и стал длинно, матерно ругаться.

— Заткнись! — коротко бросил Игорь. Он наконец-то почувствовал, что слабость и оцепенение в теле прошли, и теперь усиленно разминал руки и ноги. — Заткнись, без тебя тошно!

— Да пошел ты! — Андрей посмотрел на него так, будто именно он был виноват в постигшем их несчастье. — Командир хренов.

Оля сидела бледная как полотно, прижав руку ко рту. Ее голубые глаза казались особенно большими, а выражение лица стало совсем детским и беззащитным. Игорь мельком глянул на нее и мрачно добавил:

— Не видишь — женщины здесь! Так хоть сам не будь бабой.

— Ах ты... — Андрей кинулся на него, сжав кулаки.

Игоря только позабавила его выходка. Чтобы вырубить такого противника, даже с места вставать не придется.

— Прекратите оба.

Голос, что раздался из угла, где сидел бородатый старик с портфелем, был удивительно спокойный, как будто ничего особенного не произошло. Просто драка в вагоне... Это было так странно, что все обернулись к нему. Даже Андрей бессильно уронил руки, ссутулился, будто вынули из него главный стержень, и мешком плюхнулся на сиденье. Убедившись, что все внимание обращено к нему, старик продолжал:

— Как я понимаю, вам всем знаком этот господин. — Он кивком показал в ту сторону, где только что стоял Шарль де Виль.

Ответом ему было молчание. Семеро обреченных недоверчиво, исподлобья переглядывались. Никому не хотелось откровенничать, тем более что ответ и так был очевиден. Только Игорь буркнул себе под нос:

— Как в том анекдоте, «я вас, блядей, пять лет на этот пароход собирал!».

— Я ни при чем! — крикнул Вилен Сидорович. — Нет такого закона, чтоб людей просто так воровать! И бумагу я никакую не подписывал! Не под-пи-сы-вал! Пусть докажут! И никакого иностранца не знаю, и вредительством не занимался...

Его крик постепенно перешел в невнятное бормотание. А Сергей Николаевич невозмутимо продолжал:

— Значит, мы с вами некоторым образом в одной лодке. Какие будут соображения?

— Да что тут скажешь? Бред просто. — Олег не мог поверить, что все действительно происходит с ним. — Тут и думать нечего.

— Э, не скажите, молодой человек, — покачал голодной Сергей Николаевич, — как выражался один философ, «я мыслю — следовательно, я существую». Бывают ситуации, когда способность думать — это последнее, что невозможно отнять у человека. Если, конечно, — он покосился на Вилена Сидоровича, который все раскачивался взад-вперед и бормотал себе под нос неразборчиво, — если только *есть что* отнимать.

В его голосе было что-то надежное и успокаивающее. Ольга, Игорь, Анна и Олег даже пересели поближе, чтобы лучше слышать. Только Вилен Сидорович не двинулся с места, да Андрей демонстративно отвернулся. Но даже он чутко прислушивался к разговору.

— Итак, рассмотрим факты. — Сергей Николаевич говорил размеренным тоном, будто лекцию читал. — Во-первых, мы оказались в ситуации экстраординарной. — Он покосился на мрачный пейзаж за окном, помолчал недолго и продолжал: — Каким-то образом перенеслись в другую реальность. Поскольку групповые галлюцинации науке пока неизвестны, примем это как рабочую гипотезу. Во-вторых, мы пока еще живы. И наконец, в-третьих, все здесь присутствующие, как я понимаю, имели несчастье заключить сделку с тем господином, который только что появился и исчез с такой помпой.

Он говорил — и мутная холодная волна паники, захлестнувшая всех с головой,

постепенно отступала. Вместо кроликов, парализованных ужасом, перед ним снова сидели люди — запутавшиеся, не понимающие, что происходит, возможно, даже обреченные на смерть в самом ближайшем будущем, но — *люди*.

— И что теперь делать? — тихо спросил Олег.

— Вот! — Сергей Николаевич поднял указательный палец. — Вот это самый важный вопрос! У нас есть два выхода — либо просто смириться со своей судьбой и ждать, что будет дальше...

— Ага, расслабиться и получить удовольствие, — криво усмехнулся Игорь.

Сергей Николаевич строго посмотрел на него, но потом неожиданно улыбнулся. Верно сказано: «Кто смеется, тот не боится дьявола».

— Да, что-то в этом роде. Либо... что-то сделать. Ну, или попытаться хотя бы.

— А что мы можем сейчас? — Анна подалась вперед, ловя каждое слово.

— Я не знаю. — Сергей Николаевич беспомощно развел руками. — Не знаю... И все-таки я верю, что, пока человек жив, рано отчаиваться. Поверьте, у меня был случай в этом убедиться — и неоднократно.

— В героев поиграть, что ли? — пробурчал Андрей. — Тоже мне, семеро смелых, блин!

— Семеро? — Сергей Николаевич обвел взглядом вагон. — Да, в самом деле! И как же я раньше не сообразил!

Он почему-то пришел в сильное возбуждение, как будто вызревала в мозгу очень важная мысль. Взгляд затуманился, и руки рассеянно теребили застёжки портфеля.

— Семеро... Семеро... Семь дней недели, семь планет, семь печатей Апокалипсиса... Число 666 — и семеро! Шабаш Аваддона, как я раньше не подумал!

Его слушатели растерянно переглянулись.

— Что это с ним? — осторожно спросила Ольга. На Сергея Николаевича она теперь смотрела со страхом. Слишком уж разительным был переход от наставительной речи университетского профессора к бреду безумца... Или святого.

— Крышу снесло, — хмуро объяснил Игорь.

— Может, водички выпейте. — Запасливая Анна вытащила из сумки бутылочку «Аква минерале» и протянула Сергею Николаевичу, но он даже не заметил.

— Простите меня, — он вдруг повернулся к девушкам, — простите, но я вынужден задать бестактный вопрос: одна из вас — девственница?

Ольга опустила голову и покраснела до самых корней волос. Даже уши пылали. В юности ей не хотелось «размениваться» на случайные связи, а потом, когда она стала старше, стыдно как-то было признаться, что у нее до сих пор никого не было. Как будто засвидетельствовать еще раз свою неполноценность и невест-ребованность...

— Еще раз прошу меня извинить, но это важно. Очень важно.

Игорь искоса глянул на Ольгу. Она так смутилась, что даже жалко стало. Кто бы мог подумать — остались еще порядочные девушки! Но старикану-то что до этого? Он, похоже, перестал интересоваться женским полом еще в Русско-японскую войну.

— Отец, ты дело говори. А то ведь это... Непонятно.

— Да-да, сейчас, — Сергей Николаевич потер ладонями виски, как будто мучился головной болью, — сейчас попытаюсь сформулировать вкратце. — Он набрал в грудь побольше воздуха и принялся рассказывать: — В прежние времена на датских островах жил человек по имени Киприан. Мнения историков по поводу его личности сильно расходятся — одни считают, что он был хуже дьявола, так что когда он умер и отправился в ад, то сам дьявол изгнал его обратно. Другие, напротив, считают, что человек он был добрый и порядочный, но обучался в школе чернокнижия, а потому должен был обратить все свои знания и умения на службу дьяволу. К старости это стало его печалить, и тогда он написал книгу, в которой сперва показывал, как творится зло, а потом — как можно его исправить. Последние две части книги написаны были то ли персидскими, то ли арабскими знаками... То ли вообще на языке неизвестного народа.

Сергей Николаевич вздохнул. Даже сейчас любопытство ученого пересилило страх. Было бы безумно интересно ознакомиться с этим раритетом! Вполне возможно, что легендарный Киприан был не колдуном, а великим ученым, мистиком и магом, намного опередившим свое время. Жаль только, что о его трудах теперь можно судить только по косвенным свидетельствам...

— Так или иначе, рукописные копии ходили по рукам — в великой тайне, конечно. Одного обладания подобной книгой было вполне достаточно, чтобы попасть на костер, — и это при том, что в те времена большинство простолюдинов и даже знатных людей были неграмотны! Граф фон Плоене, говорят, повелел приковать ее цепями в подземелье своего замка. В шестнадцатом веке, после суда над гражданином Шлоттенбурга Альбрехтом Доденхаймом, один из списков попал в руки ученого монаха Лафатера. Прочитав его, он пришел в такой ужас, что повредился в разуме... Однако все же написал трактат «О нежити, нечисти, привидениях, оборотнях и прочих зловых духах». Откровения его темны и непонятны, однако из них следует, что книга Киприана повествует в основном о мерзости сатанинских шабашей, где творится зло, которое потом просачивается в мир.

Сергей Николаевич остановился передохнуть, отхлебнул воды из бутылки, помолчал немного, будто собираясь с силами, и продолжал:

— Самый страшный из ритуалов — это шабаш Аваддона. Он происходит всего лишь раз в семьдесят семь лет, но сила его поддерживает адское воинство все эти годы. Местом проведения Лафатер называет капище Каф-Селлах, однако больше нигде в средневековой литературе по демонологии это название не встречается.

Сергей Николаевич задумчиво потер лоб. А ведь об этом он никогда раньше не думал! Получается, что либо загадочное капище — плод фантазий рехнувшегося монаха, либо Киприан каким-то образом умел проникать в иную реальность и действительно описал то, что видел! Ах, как все-таки не хватает первоисточника...

— Суть обряда состоит в следующем: семь человек, которые добровольно перед этим согласились отдать свои души в распоряжение дьявола, должны быть принесены в жертву. Способ описывать не буду... — Сергей Николаевич нахмурился. Он удрученно покачал головой и мрачно добавил: — Лафатер недаром сошел с ума.

Все молчали. То, что они слышали сейчас, не добавило им мужества. Казалось, зловещая темнота за окном сгустилась и проникла в их души и сердца, рождая чувство безнадежности и беспредельного отчаяния. Даже Сергей Николаевич сидел, низко опустив голову, будто рассказ истощил его последние силы.

— А я здесь при чем? — тихо спросила Ольга.

— Разве я не сказал? — Сергей Николаевич смотрел на нее с жалостью. — Среди жертв непременно должна быть девственница, которую до этого не познал ни один мужчина. Это... — он замаялся на секунду, — это ключевое звено. Ее кровь — залог могущества. Память — будь она неладна! — услужливо подсунула нужные строчки: «Деву, живой и невредимой, привязать на алтаре подле священного огня. Что происходит в капище на протяжении ночи, никому знать не дано, но утром ее находят мертвой и недевственной. У многих несчастных волосы становятся седыми, а некоторые видом напоминают древних старух...»

Ольга смотрела прямо перед собой, и слезы текли у нее по щекам. Глаза ее будто остекленели. Никто не посмел даже утешать ее. Да и что тут скажешь? Неотвратимость общей участи придавила их непомерной тяжестью, лишив последних остатков разума и воли. Кажется, теперь оставалось только ждать... Наконец Ольга решительно откинула волосы со лба, вытерла слезы и спросила:

— А что, если... Ключевого звена не будет?

— Вы хотите бежать? — Сергей Николаевич удивленно поднял брови. — Боюсь, это невозможно.

Игорь вскочил со скамейки. Бездействие для него было особенно тягостно, и он как будто обрадовался возможности хотя бы попытаться сделать что-нибудь. Скорость у поезда была сейчас — будь здоров, и прыгать на ходу — почти верная смерть, но это все же лучше,

чем тупое ожидание. Он приоткрыл было дверь в тамбур, но оттуда вдруг вырвались языки пламени и пахло таким жаром, что он поспешил ее захлопнуть. Эх, стекло бы разбить чем-нибудь тяжелым...

— Куда ж ты денешься с подводной лодки? — глумливо хмыкнул Андрей с соседней скамейки.

Ольга всплеснула руками, будто удивляясь их непонятливости.

— Не в этом смысле! Я говорю о том, чтобы перестать быть... девственницей!

Андрей впервые посмотрел на нее с интересом:

— Потрахаться захотела напоследок? А что, тоже дело! Обидно небось, что ни один мужик до сих пор не позарился... Чур, я первый!

Он развалился на сиденье, широко расставив ноги. Ольга почувствовала, как нахальный взгляд скользит по шее, груди, спускается ниже... От этого было нестерпимо стыдно, будто вывалилась в липкой грязи. Ольга всхлипнула и закрыла лицо руками.

Игорь, который в этот момент все еще стоял у окна, вдруг развернулся и быстрым, точным, почти неуловимым движением ударил Андрея куда-то в основание шеи, от чего он вдруг как-то разом осел и медленно сполз на пол.

— Хотя бы теперь эта плесень заткнется, — коротко резюмировал он, — а то уши вянут.

На этот раз Сергей Николаевич не пытался его остановить. Даже головы не повернул в сторону Андрея, лежащего без сознания. Он смотрел на Ольгу — с удивлением и восторгом одновременно.

— А знаете... Может, вы и правы! Как сказано в Библии, «семя жены сотрет главу змия...».

Оля отняла руки от лица и робко огляделась вокруг. Увидев, что никто не смеется и не осуждает ее, она вдруг улыбнулась — и как будто солнце осветило всех. У Игоря даже сердце заныло. Олег тоже смотрел как зачарованный — так она была хороша.

Игорь глазам своим не поверил, когда Ольга обернулась и положила руки ему на плечи. Он смотрел ей в глаза — и не мог насмотреться, чувствовал, как сердце трепещет в груди, будто вот-вот выскочит наружу. В следующий момент они стояли обнявшись и не могли оторваться друг от друга. Ничто больше не имело значения — только глаза и губы, только руки, которые сами знали свое дело, и одежда спадала сама собой...

Андрей так и лежал на полу, как сломанная кукла, Вилен Сидорович давно затих в своем углу, скорчившись на сиденье. То ли заснул, то ли тоже сознание потерял... На них никто не обращал внимания. Сергей Николаевич, Анна и Олег отвернулись и уставились в стенку, как будто внимательно изучая «Правила поведения пассажиров на железнодорожном транспорте», вывешенные в рамочке. Они молчали, боясь случайно потревожить двоих, что нашли друг друга у самого края смерти — и на краткий миг, но победили ее.

Потом они вернулись, держась за руки, как будто никак не могли расстаться. Ольга, раскрасневшаяся и очень хорошенькая, смущенно улыбалась, а Игорь просто сиял от счастья. Анна даже удивилась — как будто совсем другой человек! Как он мог измениться так быстро?

Они сели рядом, и Ольга положила голову ему на плечо таким грациозным и женственным движением, как будто именно этого момента и ждала всю свою жизнь. Посмотреть со стороны — просто двое влюбленных возвращаются домой поздним вечером...

Электрический свет в вагоне мигнул и погас. Теперь пассажиры оказались в темноте, и только время от времени огненные сполохи, что мелькали за окнами, освещали их лица тревожными багряно-красными отблесками. Исчезла последняя иллюзия *нормальности* происходящего... И слабая надежда, что все еще, может быть, обойдется.

— Смотрите! — крикнул Олег. — Там, впереди! Все прилипли к окнам. Впереди маячил свет, и уже можно было разглядеть те места, где они оказались, — долины, поросшие черной травой, шевелящейся, как щупальца спрута, уродливые нагромождения скал, даже

реку, текущую расплавленным металлом... Заметно стало и то, что поезд мчится уже не по земле, а *над* ней.

Вместо привычных рельсов и шпал под колесами была странная конструкция, вроде монорельса, укрепленного на высоких опорах. И далеко впереди — город окруженный глубокими рвами, с тяжелыми стенами и раскаленными башнями. Из них все время вырывались языки пламени, и все вместе создавало ту адскую иллюминацию, что злосчастные путешественники заметили издалека.

— Кажется, почти приехали, — вымолвила Анна дрожащими губами. — Ой, что же теперь будет...

— Скоро узнаем, — хмуро ответил Олег.

И верно — поезд летел вперед, и расстояние неумолимо сокращалось с каждой минутой. Игорь крепко обнял Ольгу за плечи, как будто надеялся защитить, и она покорно затихла в кольце его рук. Анна посмотрела на них с завистью. Ужас, ненадолго отпустивший сердце, вновь сжал его в ледяных клещах.

— *Если не хочешь ехать до конечной, надо раньше сойти*, — наставительно произнес знакомый женский голос с хрипотцой у нее в голове. Анна даже разозлилась — хорошо ей рассуждать! Легко сказать — сойти раньше... Где — здесь, в этой проклятой пустыне? И потом — этот экспресс идет без остановок. И все же...

— А что, если остановить поезд? — выпалила она.

— На такой скорости? Мы разобьемся! — ответил Олег. Потом подумал и добавил: — Хотя, может, оно бы и к лучшему.

Сергей Николаевич почему-то вспомнил Михаила Осоргина — соседа по дому еще в Ленинграде. Бывший дворянин хорошего рода, бывший офицер, он потерял ногу еще на германской войне, а дом и имение в деревне — уже после революции. Веселый был человек — когда за ним пришли, он шутил и курил папироску... А потом взял и прыгнул в лестничный пролет пятого этажа, увлекая за собой бойца НКВД — одного из троих, что пришли его арестовывать. Знал ведь, что с его биографией и нелюбовью к советской власти в этом учреждении нечего рассчитывать на снисхождение.

Много позже были такие дни и ночи, когда Сергей Николаевич искренне завидовал ему. Иногда смерть — это и впрямь хороший способ избежать еще худшего исхода.

Ольга обняла Игоря за шею и нежно поцеловала в висок. Как жена...

— Нам теперь умирать не страшно, — тихо сказала она. Впервые в жизни местоимение «мы», произнесенное с новым смыслом, наполнило ее сердце щемящей нежностью. — А поезд-то как остановить? — спросила она.

— Стоп-кран! — закричал Олег. — Где-то здесь должен быть стоп-кран!

— В тамбуре. А туда не пройти — огонь, как в печке. — Игорь задумчиво смотрел куда-то в пустоту. Он по-прежнему улыбался рассеянной и счастливой улыбкой. Потом поцеловал Ольгу и осторожно высвободился из ее объятий. — Ну, я пошел. Не поминайте лихом.

— Эй, ты куда? — Олег схватил его за рукав.

— Туда, — он кивнул, указывая на дверь, — может, еще не поздно. Отпусти. Ты вроде мужик нормальный, я не хочу с тобой, как с этим анекдотом...

— погоди! — Олег встал рядом с ним. В полумраке они казались похожими, как родные братья, — тот же рост, то же сложение, осанка, даже интонации голоса. — Ты теперь не один. Давай лучше я — мне все равно. Скажи только, где там стоп-кран? На какой стенке? А то я не заметил, когда входил...

— Дурак. — Игорь говорил спокойно, даже ласково. — Дурилка ты картонная! У тебя будет секунда, от силы две, а ты меня спрашиваешь, где тут стоп-кран! Давно, видать, в электричке не ездил.

— Ну и что?

— А то! Пока будешь искать — и сам зря пропадешь, и другим ничем не поможешь. — Он подумал и добавил: — Да ты не дергайся попусту, не рвись в герои. Все там будем... И

скорее всего, одновременно. А у меня свой должок есть, так что все правильно.

Ольга заплакала в голос, как будто только теперь поняла, что происходит. Так в деревнях бабы воют по покойнику. Игорь покосился в окно — далеко ли еще, есть ли время, потом присел на корточки перед ней.

— Не грусти, моя хорошая, — он бережно взял ее заплаканное, опухшее от слез лицо в свои ладони, — не грусти. Все хорошо.

Ольга уже не плакала, только всхлипывала тихо и безнадежно. А он все говорил, как будто именно перед ней хотел оправдаться:

— Ты пойми, я должен. Ты же не знаешь про меня ничего, а я всю жизнь убивал. За деньги, из страха, ради долга, будь он неладен... Или просто по приказу. Прожил, как ценной пес. Но умереть... Умереть я хочу человеком. — Игорь грустно улыбнулся. — Может, есть что-нибудь... Там. Так что, может, и свидимся.

Он встал, и Ольга покорно разжала пальцы. Он еще обернулся и улыбнулся ей перед тем, как шагнуть к двери. И всем показалось почему-то, что в последний момент вокруг его головы появилось легкое золотое сияние.

Как у святого.

В следующий миг вагон потряс страшный удар, как будто огромная рука схватила его, подняла в высоту — и с силой бросила в бездну.

Машинист Григорий Пантюхов чувствовал себя неважно. Сердце побаливало — не то чтобы сильно, когда в поликлинику идти надо, а просто щемило, рождая чувство тревоги и тоски, когда не то напиться хочется, не то морду кому-то набить.

К тому же в глаз что-то попало... Он зажмурился на секунду, пытаясь смигнуть противную соринку, а когда открыл глаза — увидел прямо перед собой то, что всю оставшуюся жизнь старательно пытался забыть.

Огромная стена из серых, грубо обтесанных камней закрывала небо и землю. Только странные это были камни, шевелящиеся. Машинист протер глаза и понял с ужасом, что это не камни, а страшно изуродованные человеческие тела, сплетенные самым невероятным образом. Лица, искаженные мукой, смотрели на него прямо из стены, руки тянулись достать через стекло. Григорий хотел было остановить поезд, но не успел — в следующую секунду он с грохотом врезался в чудовищное сооружение, раздался грохот и скрежет...

Потом несчастный машинист долго уговаривал себя, что легко отделался — ну, померещилось просто! И даже то, что произошло дальше, — авария, искореженный вагон, временное отстранение от работы и разбирательство с придирчивой комиссией, которой очень хотелось списать дело на «стрелочника», представлялось ему просто благом. Однако по ночам серая стена от земли до неба еще долго снилась ему, и каждый раз дело заканчивалось тяжелым запоем.

Олег очнулся от ощущения, что кто-то трясет его за плечи. И еще что-то горячее капало прямо на лицо...

Он открыл глаза. Увидел бледное, перепачканное лицо Ольги, склонившейся над ним. Надо же, зареванная вся, волосы спутанные, на щеке синяк, а какая красивая!

— Так вы живы! — сказала она. В голосе была такая радость, что Олег невольно улыбнулся. Он поднапрягся и сел. Ощупал голову — больно. И кровь течет... Но все это были мелочи, ерунда. Главное — жив! Олег посмотрел на свои руки — и засмеялся от радости. Проклятое кольцо исчезло без следа.

С трудом ворочая головой (шея тоже побаливала, но не сильно), он огляделся. Оконные стекла, рамы вылетели, пол густо усеян осколками стекла, пластиковые панели кое-где отвалились, какие-то железяки горчат... И гадко пахнет, как будто что-то горело.

Но главное — сквозь пустые оконные проемы снова виден солнечный свет! И небо... Олег встал, подошел к окну и выглянул наружу.

Вагон стоял прямо на земле. Каким-то образом он слетел с железнодорожной насыпи — и снова встал на колеса. Просто чудо, иначе не скажешь. Но главное — окружающая

реальность снова стала привычной и обыденной! Никаких тебе огненных замков и ящериц с крыльями, только поле, чахлая рощица, да еще вон дачные домики виднеются вдали... Ясное теплое утро сменилось серым осенним днем, похолодало, но кто бы знал, какое это счастье — снова увидеть небо, траву, деревья! Только вот проклятый вагон, похожий теперь на мертвое чудовище, хотелось покинуть поскорее. Олег повернулся к Ольге:

— Надо выбираться отсюда. Вы-то сами целы?

Она кивнула.

— Надо посмотреть, как там остальные.

Сергей Николаевич полулежал, привалившись к стене. Только сейчас Олег заметил, что глаза его открыты и взгляд вполне осмысленный, только очень удивленный.

— Вы как там?

— Да, кажется, ничего... Благодарю вас, — церемонно ответил он, — знаете, как-то даже не верится.

Вилен Сидорович лежал на полу бесформенной кучей. Когда Олег подошел к нему, он слегка приоткрыл глаза, слабо махнул рукой, будто отгоняя кого-то, и пробормотал:

— Я тете Асе пожалею! Совести у вас нет!

Голос был тихий и жалобный, совсем детский. Потом он дернулся пару раз и снова потерял сознание.

Андрей лежал неподвижно и признаков жизни не подавал. Тяжелая металлическая рама, вылетевшая вместе со стеклом, упала прямо на него. Кругом — кровь, вперемешку с осколками стекла... Олег сразу понял, что тот мертв, но зачем-то все же присел на корточки и попытался нащупать пульс. Бесполезно. Рука была холодна и тверда. Почему-то особенно нелепо выглядели большие часы на запястье. Стекло разбилось, и сквозь паутину трещин ничего не было видно, как будто часы тоже умерли вместе с хозяином. Олег безнадежно покачал головой:

— С ним — все.

Ольга опасливо обошла тело, как будто боялась испачкаться. На миг на ее лице появилось странное выражение — одновременно злое, брезгливое и испуганное. Ее, конечно, можно понять, вздохнул про себя Олег. И все-таки пусть и не самый лучший был человек, но ведь человек же...

Где-то рядом послышался тихий стон. Они разом обернулись и кинулись туда. Анна, лежащая на полу между сиденьями, пыталась приподняться. Правая рука ее была как-то странно вывернута, очки разбились, но других, более тяжелых повреждений заметно не было.

Ольга склонилась над ней, придержала за плечи, осторожно сняла разбитые очки.

— Глаза целы?

Анна близоруко прищурилась.

— Вроде да... Только я все равно ничего не вижу, у меня же минус восемь. И рука...

— Ничего-ничего! Все уже. Ты встать можешь?

— Попробую.

— Тогда давай выходить. Потихонечку, полегонечку... Не бойся, мы поможем. — Олег осторожно обхватил ее за талию.

— А с ним что делать? — Ольга кивнула в сторону Вилена Сидоровича. — Он ведь без сознания.

— Да, задачка, — нахмурился Олег, — нам не вытащить. Да и опасно — вдруг хуже сделаем? Пускай пока так лежит, пока «скорая» не приедет, наверняка уже сообщили...

Олег поддерживал Анну. Ольга подхватила под руку Сергея Николаевича. Он шел сам, только слегка покачивался, Анна же еле переставляла ноги.

Двери вагона раскрылись от удара, и от земли было не так уж высоко. Олег выпрыгнул первым. Прикосновение к земле как будто придало ему сил. Он раскинул руки и глубоко вздохнул, обратив лицо к небу... Хорошо!

— Теперь давайте вы, я подстрахую!

Сергей Николаевич выбрался наружу с неожиданной для его возраста и комплекции ловкостью. Олегу пришлось только слегка поддержать его, Анна же, случайно задев больную руку, вскрикнула и закусила губу. Последней была Ольга. Когда Олег подхватил ее за талию, думал, что сам упадет. Прикосновение к ее телу, такому стройному, гибкому и горячему под одеждой, пьянило сильнее вина.

Теперь они стояли рядом, словно солдаты, уцелевшие после боя. Война окончена, победа одержана, осталось только ждать санитарного батальона... И радоваться, что живы.

Ольга вдруг вскрикнула и побежала куда-то.

— Эй, ты куда? Что случилось?

Олег обернулся ей вслед и только сейчас заметил тело Игоря — чуть поодаль, метрах в двадцати. Видимо при ударе его выбросило из вагона. Он лежал на сырой траве, мертвый и окровавленный, а широко раскрытые глаза смотрели прямо в небо. Лицо его было очень спокойно, как никогда, наверное, при жизни. Он даже чуть улыбался, как будто теперь знал что-то важное и радостное. Ольга стояла над ним, смотрела не отрываясь и плакала. Губы ее беззвучно шевелились.

— Не смотри, — Олег обнял ее за плечи и попытался увести, — не смотри на него.

Ольга мягко, но решительно высвободилась.

— Ты иди, ладно? Я сейчас.

Олег не стал спорить. Он вернулся к остальным, но, пока шел, все время оглядывался.

Ольга опустилась на колени перед телом Игоря, осторожно закрыла ему глаза и поцеловала в лоб. Она еще посидела так немного, потом встала и пошла к остальным, покачиваясь, будто пьяная.

Накрапывал мелкий холодный дождь, а они стояли обнявшись, плакали и смеялись одновременно и никак не могли поверить, что все уже кончилось.

Как уже было сказано, происшествие скоро забылось. Личность Игоря милиционерам удалось установить только по отпечаткам пальцев. Никаких документов при нем, естественно, не было. Даже бывалые оперативники удивлялись: надо же, волчара, пять лет пробегал и погиб так глупо! Одно слово — судьба, иначе не скажешь.

Много позже, когда в программе «Человек и закон» прошел сюжет о погибшем преступнике (тут, конечно, приврали много, представив аварию чуть ли не как спланированную операцию по задержанию), в милицию прибежала бывшая квартирная хозяйка Зинаида Павловна. Она-то и рассказала — да, жил, снимал комнату, уходил приходил, ничего о себе не рассказывал, потом уехал в Кинешму. Сказал — работу предложили. Знаем теперь что это за работа, ох знаем...

Андрея тихо похоронили на Николо-Архангельском кладбище. Матери его пришлось собирать по соседям деньги на похороны и потом еще несколько месяцев отдавать долги. Она, конечно, корила себя за то, что сама отправила сына на смерть, но ведь кто же знал-то!

Вилену Сидоровичу повезло еще меньше. Он остался в живых, но рассудок к нему так и не вернулся. Пролежав в коме целую неделю, он вдруг открыл глаза и к удивлению всего персонала больницы, начал быстро поправляться. Лечащий врач даже опубликовал в журнале «Медицина» большую статью о новых методах лечения больных после обширного инсульта. Статья имела громкий успех и даже была потом перепечатана в американском журнале.

Правда, слукавил немного лечащий врач. Он забыл упомянуть об одной существенной детали — после пережитого Вилен Сидорович несколько повредился в разуме. Придя в сознание, он возомнил себя одновременно Иисусом Христом и тетей Асей из рекламы отбеливателя, повесил на шею пустую бутылку из-под «Асе-бриллиант» и целыми днями бродил по улицам, призывая всех прохожих срочно замачивать свою совесть в холодной воде. В прежние времена Вилен Сидорович, конечно, загремел бы в дурдом на принудительное лечение, но в наши дни трудно стало отличить свободу слова от бреда больного человека. К тому же пенсионер Поликарпов был тихий, вежливый сумасшедший и

никому особенно не докучал. Со временем к нему привыкли, он стал даже чем-то вроде местной достопримечательности. Остальные участники трагедии, кому повезло сохранить рассудок и жизнь, сильно сблизились после происшедшего. Как будто, не имея иных прочных связей — семейных, профессиональных или дружеских, — искали теперь помощи и поддержки друг в друге.

Анне пришлось довольно долго пролежать в больнице — перелом оказался сложный, даже операция потребовалась. Но теперь она уже не думала, что жизнь ее кончена. Наоборот — радовалась каждому новому дню... Тем более что почти каждый вечер ее кто-нибудь навещал и сидел в палате до тех пор, пока медсестры не начинали выгонять посетителей. Приходила Ольга, Олег приносил цветы и фрукты, даже Сергей Николаевич зашел пару раз и долго, интересно рассказывал что-то о крестовых походах. Соседка по палате, веселая Ирочка со сломанной ногой, потом спросила: — Это твой дедушка?

Не зная, что ответить, Аня молча кивнула. Ирочка откинулась на подушку и мечтательно сказала:

— Счастливая ты! Тебя все любят...

Возразить было нечего. Анна и впрямь чувствовала себя счастливой. Она строила планы на будущее и даже начала задумываться: а может, музыка — это еще не все в жизни?

Олег довольно быстро сумел выправить свое финансовое положение. Он сообразил, что и вправду многие активы можно скупить за копейки именно теперь, после кризиса. А потому нашел инвесторов и убедил их вложить деньги в обесценившиеся акции. Через несколько месяцев, когда цены пошли вверх, он уже был намного богаче, чем до дефолта.

Но совсем не это было главным теперь для него, совсем не это... Олег разыскал отца Георгия, который и в самом деле до сих пор жил в Шараповой Охоте, принял крещение и взял себе за правило раз в неделю ездить к нему. Каждый раз он возвращался оттуда радостный и просветленный, будто сбрасывая груз обыденности и повседневной суеты. Только вот электричек Олег стал бояться как огня и ездил только на машине.

Кроме того, он постарался, насколько возможно, облегчить жизнь своих товарищей по несчастью. Именно он оплатил операцию для Анны, которая дала ей возможность полностью восстановить многострадальную правую руку. А еще — договорился в издательстве, чтобы книгу Сергея Николаевича издали приличным тиражом на его средства, и даже гонорар автору был выплачен из его кармана. Правда, вскоре это вложение полностью окупилось — историческое исследование читалось как приключенческий роман. Сергей Николаевич так воодушевился успехом, что тут же засел за новую книгу о средневековых ересьях, написать которую ему когда-то помешал арест. Он как будто торопился наверстать упущенное. Ольга в первые дни все плакала. Стоило ей закрыть глаза — и лицо Игоря появлялось перед ней. Она даже разговаривала с ним... Особенно горько ей было почему-то оттого, что она даже имени его спросить не успела.

Потом горевать стало некогда. Днем — работа, а вечером она навещала Аню в больнице, или шла к Сергею Николаевичу — помочь по хозяйству, или просто поговорить, чаю попить вместе... Когда Анну выписали, хлопот меньше не стало — все равно нужно было ей помогать. В быту она еще долго была совершенно беспомощна. Ольга буквально разрывалась между своими «подопечными» и, приходя домой поздно вечером, падала в постель совершенно без сил. Одна дорога всю душу выматывала, Бирюлево — не ближний свет... И когда Анна предложила пожить у нее, Ольга с радостью согласилась — все-таки ближе к центру, и на работу ехать уже не час с хвостиком, а всего сорок минут. А главное — веселее вдвоем! Ольга уже физически не могла приходить в пустую квартиру, где ее никто не ждет.

Время шло, бабье лето сменили холодные октябрьские дожди, а она почувствовала очень странное недомогание — тошнило по утрам, как будто отравилась, все время хотелось спать, и ноги отекают стали... Оля отправилась в районную поликлинику. Выслушав ее жалобы, врач только руками всплеснула:

— Девушка, что вы людям голову зря морочите? Беременная вы, это и ежику понятно!

Когда Ольга вышла на улицу, уже вечерело. Она чувствовала себя ошарашенной неожиданной новостью, немного испуганной... И в то же время — очень счастливой. Накрапывал мелкий дождь, а она шла, не замечая ничего вокруг, прислушиваясь к дыханию новой жизни, что уже незримо росла в ней, и казалось, что она чувствует биение маленького сердечка...

Дома Аня посмотрела на нее удивленно. Такой Ольгу еще не видела — мокрая вся, волосы ветренны, а лицо просто светится такой неземной, отреченой, словно в глубь себя обращенной улыбкой, какую ей случалось видеть только у Мадонн на картинах итальянского Возрождения.

— Ты такая странная... Случилось что-нибудь? — осторожно спросила Анна.

— Ага. Потом расскажу, ладно?

Ольга обняла подругу за плечи и попросила:

— Анечка, ты испеки, пожалуйста, коржики с маком, как ты умеешь. Завтра суббота, давай соберем всех, посидим...

Анна только плечами пожала и пошла ставить тесто. Теперь она радовалась, что, по крайней мере, есть для кого готовить, и охотно вспоминала старые мамины рецепты.

На следующий день Ольга купила бутылку вина, постелила на стол «парадную» белую скатерть и долго, тщательно расставляла посуду.

— По какому поводу гуляем? Ты хоть намекни, я никому не скажу! — допытывалась Анна, но она только загадочно улыбалась в ответ.

Когда Олег, Сергей Николаевич и Анна чинно уселись вокруг стола, Ольга разлила вино по бокалам, только себе зачем-то налила вишневый сок из пакета.

— Ну, за что пьем? — спросил Олег. — За все хорошее?

— Я хочу выпить... — Ольга встала со своим бокалом в руке, и голос ее звенел и срывался от волнения, — выпить за нового человека. Совсем скоро он будет с нами. Месяцев через восемь, наверное... Давайте — за него!

Она залпом опрокинула бокал, опустила на стул и вдруг заплакала.

— Ой! — Анна прикрыла рот ладошкой. — Так ты беременна? А кто отец? Неужели... — Ее глаза за стеклами очков стали совсем круглые от изумления. — Это случилось там, да? В поезде?

Ольга кивнула. Сергей Николаевич встал, подошел к ней, положил руку на плечо.

— Не надо плакать, Оленька. Вам теперь вредно волноваться. И потом, что плакать-то? Радоваться надо! У нас будет маленький... Это же чудо!

В тот вечер они засиделись за полночь. Вино быстро кончилось, но это было совершенно не важно. Пили крепкий чай, ели испеченные Аней коржики, говорили какие-то слова, приличествующие случаю, поздравляли будущую маму и гадали, кто родится — мальчик или девочка... Уже и фонари погасли на улице, но все почему-то не было сил расстаться, хотелось еще немного побыть вместе, ощутить теплое и нежное чувство причастности друг к другу.

Словно будущий ребенок каким-то образом сплотил их всех еще больше, сделав единой семьей.

Уже зимой, перед самым Новым годом, Олег никак не мог уснуть ночью. Снег сыпался и сыпался с неба, покрывая землю плотным белым одеялом, словно баюкая до весны, а он все крутился в постели с боку на бок. Докучливые мысли лезли и лезли в голову, не давая расслабиться и соскользнуть в блаженное забытие, такое сладкое для человека, который трудится целый день и обычно засыпает, едва коснувшись головой подушки.

Олег думал о том, что Сергей Николаевич стал совсем старенький, подниматься по лестнице ему трудно и он почти перестал выходить на улицу. Только сидит за столом и пишет, словно одержимый. Даже поесть забывает, если Ольга не напомнит. Что Анна, слава богу, уже совсем восстановила руку после перелома и теперь рвется продолжать свои уроки музыки, мечтает о настоящем концертном рояле, но где ж его поставить в хрущевке? Он там даже в лестничный пролет не войдет... Но главное — Ольга уже на четвертом месяце, скоро

будет заметно, а где она будет теперь растить своего ребеночка? Неужели в той же Анниной тесной квартирке, где потолок словно падает на голову, а в коридоре не разойдутся две худенькие, стройные женщины? Или у себя, в Бирюлеве, убогом спальном районе, который вот-вот окончательно превратится в подобие нью-йоркского гетто?

Вот если бы они все были рядом — всегда, а не от случая к случаю... Приходить по вечерам не в пустую квартиру, а в дом, где тебя ждут и любят, — это же настоящее счастье!

Стоп. А почему бы и нет, в конце концов? Разве эти люди не стали для него настоящей семьей? Пусть немного странной, не совсем привычной для постороннего взгляда, но *настоящей*! И в том, чтобы собрать их под одной крышей, нет ничего невозможного! По крайней мере, тогда не придется волноваться о том, что у Сергея Николаевича случится сердечный приступ, а он будет один, в пустой квартире, что Анна может поскользнуться на гололеде у подъезда и снова сломать свою многострадальную правенькую... И Оля, Оля будет всегда рядом!

Олег счастливо улыбнулся этой мысли, свернулся клубочком под одеялом, как в детстве, и скоро уснул.

Следующие несколько месяцев стали для него суматошным и беспокойным временем. Он вел какие-то бесконечные переговоры, общался с риелторами, мотался по стройплощадкам... Домой возвращался нередко за полночь, в одежде, перепачканной известкой и глиной, но сердце радостно замирало от предвкушения — скоро у них будет свой дом! Он посвятил в свой план Анну и Сергея Николаевича, и они тоже помогали в меру сил — Анна увлеченно выбирала обои, занавески и кучу всяких мелочей, необходимых в хозяйстве, а Сергей Николаевич отвечал на телефонные звонки, когда понадобилось искать бригаду отделочников, и дежурил в пустой квартире, когда крепкие молодцы привозили мебель, сантехнику и даже концертный рояль для Анны. Ольге решили пока ничего не говорить — пусть будет сюрприз! К тому же незачем беременной женщине дышать запахами краски и клея.

А время шло... Через положенный срок, в начале июня, на свет явился мальчик, названный Игорьком. Оля тоже видела тот сюжет в «Человеке и законе». Впервые взяв на руки сына, она заплакала — с младенческого личика смотрели темно-серые глаза его отца, и взгляд был такой же упрямый.

Стояло жаркое, пыльное московское лето. Олег почти каждый день дежурил под окнами роддома, а забирать Олю и малыша приехал на своем новом «БМВ» с огромным букетом цветов. Медсестры перешептывались — вот повезло бабе! Такого мужика отхватила. Ребеночка вот родила, теперь, наверное, в ЗАГС потащит.

Ольга только загадочно улыбалась. Разве расскажешь кому-нибудь, что узы, связывающие их теперь, совсем иного рода — и гораздо крепче?

По дороге она молчала и только смотрела, не отрывая глаз, на личико спящего малыша. Только когда миновали Триумфальную арку, она выглянула в окно и забеспокоилась:

— Олег, куда мы едем?

— Сейчас увидишь! — улыбнулся он.

Машина повернула на Минское шоссе, и скоро показался новенький, недавно отстроенный дом, похожий скорее на замок из детской сказки с островерхими башенками на крыше.

Когда Олег свернул к подъездной дорожке, Ольга запротестовала:

— Зачем нам сюда? Мне домой надо, скоро маленького кормить!

Он затормозил у подъезда, открыл перед ней дверцу. Ольга почему-то не возмущалась больше и покорно вышла из машины.

— Ну хорошо, пойдем... Только ненадолго, ладно?

— Это как захочешь!

Просторная семикомнатная квартира поразила ее воображение. Оля ходила, опасливо ступая, по гладкому паркетному полу, словно боялась поскользнуться, рассматривала мебель, трогала занавески... Рояль, книги в высоком застекленном шкафу — все казалось ей

таким знакомым, близким и милым сердцу! Кажется, такой же фолиант дореволюционного издания она видела у Сергея Николаевича... Но особенно ей понравилась детская — такая светлая, уютная, с игрушками и кроваткой под струящимся пологом.

— Как красиво! — выдохнула она. — Вот бы посмотреть, кто здесь будет жить?

Олег не успел ответить — по квартире пронеслась мелодичная трель звонка.

— Сейчас увидишь! — улыбнулся он и пошел открывать. За дверью стояли Анна с Сергеем Николаевичем — раскрасневшиеся, немного смущенные, нагруженные тортом, цветами, какими-то пакетами.

— Мы не опоздали? — Анна вошла уверенно, по-хозяйски, словно бывала здесь уже много раз. — Такие пробки везде, такие пробки! Такси совсем не едет. Олечка, милая, поздравляю тебя! А что же ты маленького все на руках держишь? Положи в кроватку, пусть отдохнет.

— Так это... твой дом? — Ольга посмотрела на Олега с укоризной. — Твой, да? И ты ничего не сказал?

— Наш! — Олег приобнял ее за плечи. — Наш дом, Оля. Как я в детстве говорил — «всехний». Если ты захочешь, конечно.

Она обвела взглядом лица Олега, Анны, Сергея Николаевича... На миг сердце сжала тоска — ах, как жаль, что Игоря нет среди них! В ушах снова зазвучал его голос — совсем как тогда, в поезде:

«Не грусти, моя хорошая...»

Оля улыбнулась сквозь слезы, подступающие к глазам, — и кивнула.

Через месяц отец Георгий окрестил младенца в изрядно обветшавшей маленькой церкви. Поехали все вместе, даже Сергей Николаевич принарядился по такому случаю в допотопный габардиновый костюм и оставил своих еретиков на целый день. Олег стал крестным отцом, Анна — крестной матерью. Она все волновалась и тревожно спрашивала:

— А ничего, что я еврейка?

Отец Георгий внимательно оглядел их странную компанию и очень серьезно ответил:

— Сказал Господь наш Иисус Христос — несть ни еллина, ни иудея. Разве я, грешный, с ним спорить буду?

По дороге домой Ольга почему-то загрустила. Шоссе шло параллельно железнодорожному полотну, а она все смотрела в окно и, когда проезжали неподалеку от того места, где год назад произошла авария, вдруг крикнула Олегу:

— Останови!

Он резко затормозил (хорошо еще, что дорога пустая!), а Ольга, подхватив ребенка, быстрым шагом направилась к насыпи. Олег было рванулся за ней, но Сергей Николаевич его остановил:

— Пусть идет. Все в порядке.

Она шла, осторожно ступая в высокой траве, крепко прижимая к себе сына. Потом постояла немного там, где год назад погиб его отец, все нашептывая что-то на ухо малышу.

Когда Ольга вернулась к машине, лицо ее было мокрое от слез, но все же она улыбалась. Ребенок у нее на руках не спал и не плакал, только таращил огромные дымчато-серые глазки, как будто и вправду все понимал.

— Ну что, поехали домой?

Она кивнула, вытирая слезы:

— Да... Домой. Теперь все хорошо.

И будто в подтверждение ее слов, малыш вдруг зашевелился, засучил ручками и ножками и — впервые в жизни! — растянул беззубый ротик в бессмысленно-радостной младенческой улыбке.

КОНЕЦ